

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ адина,
Что чистой слога стиховъ и прозы все въ Россіи.
Что въ Рилъ Драгеронъ и что Виргилиі Енлъ.
То онъ одинъ въ соеѣхъ почтаи оубитиъ.
Открылъ нитуръ, соилъ богатилъ слова въ Россіи,
прилель ихъ остроумъ въ наука въ Лалондоса.

СОБРАНИЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

Изданіе новое исправленное,

съ присовокупленіемъ общошпелнаго описанія
сочинишелевой жизни, взяшмя изъ Московскаго
и Академическаго изданія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи
Шнора, 1803 года.

Ж И З Н Ъ

Михайлы Васильевича Ломоносова. (*)

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, Спашскій Совѣшникъ, Имперашорской Санкшпешербургской Академіи Наукъ Профессоръ, Спюкгольмской и Бононской членъ, родился въ Холмогорахъ въ 1711 году ошъ промышленика рыбныхъ ловлей. Юныя лѣша препроводилъ съ ошцемъ своимъ; ѡздя на рыбные промыслы; но будучи обученъ Россійской грамашъ и писашъ, прилѣжалъ онъ болѣе всегда по врожденной склонности къ чшению книгъ; и какъ по случаю попалась ему псалширь, преложенная въ списки Симеономъ Полоцкимъ; шо чшпавъ оную многократшо, шакъ приспрасшился къ списхамъ, что получилъ желаніе обучашься списхошворшву. По чему спашъ онъ навѣдывашься, гдѣ можно обучишья сему искусству. Услышавъ же, что въ Москвѣ еспѣ шакое училище, гдѣ преподаюшя правила сей науки, принялъ непремѣнное намѣреніе уйши ошъ своего ошца. Къ сему его побудило и упорное желаніе его родишеля,

(*) Взаша изъ Ошпша Историческаго Словаря о Россійскихъ Писашеляхъ напечатаннаго въ Санкшпешербургѣ 1772 года.

дабы женишь его по неволѣ. Вскорѣ попомъ исполниль онъ свое намѣреніе, оспавиль домъ родишельскій, пришелъ въ Москву, и вступилъ въ Законоспасское Училище, въ копоромъ съ великимъ прилѣжаніемъ обучался Лапинскому и Греческому языкамъ, Ришорикъ и Спихошворспву.

Въ 1734 году взяшь онъ былъ изъ онаго училища въ Императорскую Академію наукъ, и опсправленъ въ 1736 году Спуденпомъ въ Германію. По пріѣздѣ въ Марбургъ, что въ Гессенской землѣ, порученъ онъ былъ съ споварищами своими Райзеромъ и Виноградовымъ наспавленіямъ славнаго Барона Вольфа. Въ Марбургъ пробывъ онъ чешыре года, упражнясь въ Химіи и въ принадлежащихъ къ ней наукахъ. Попомъ поѣхаль въ Саксонію, и тамъ подъ спомрѣніемъ славнаго Химика Генкеля осмолрѣлъ всѣ горныя и рудокопныя работы, въ горномъ округѣ производимыя. Наконецъ возвращилъ онъ въ Санкшпешербургъ въ 1741 году спуденпомъ же.

Около сего времени оказалъ онъ первые опыты споль гремѣвшаго не сполько въ Россіи, но и въ чужеспранныхъ о-

бласпяхъ Лирическаго стихошворства , сочинивъ поржеспвенную оду и нѣсколь-ко по помъ другихъ. Между пѣмъ болѣе всего прилѣжалъ къ Химіи и къ прочимъ ея часпямъ, и сполько въ оной успѣлъ , что опъ Императорской Академіи Наукъ поручено ему было находящійся при Кунспкамерѣ минеральный кабинетъ привести въ порядокъ. Г. Ломоносовъ исполнилъ порученное ему дѣло съ такимъ искусствомъ, прилѣжаніемъ и исправностію, что Академія, уважая его знаніе и пруды, произвела его Адъюнктомъ въ 1742 году.

По произведеніи его продолжалъ упражняться онъ въ Химіи; а въ 1745 году по указу изъ Правительствующаго Сенапа, основанномъ на свидѣтельспвахъ всѣхъ членовъ Академіи наукъ, произведенъ онъ былъ Профессоромъ Химіи.

Въ 1751 году г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Коллежскимъ Совѣшникомъ. Въ 1752 году по данной ему привилегіи учредилъ онъ бисерную Фабрику, и началъ упражняться въ мозаикѣ; и какъ въ Россіи первый былъ онъ изобрѣпатель мозаическаго искусства, шо и поручено ему было прудиться въ составленіи большой мозаической каршины, предспвля-

ющеі знаменитѣйшія дѣла ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Г. Ломоносовъ окончилъ сей прудъ Россійскими матеріалами и машерами безъ всякой помощи оупъ иноспранныхъ. Къ соспавленію сей карпины изобрѣлъ онъ всѣ соспавы и разныя махины, и оную сдѣлалъ шакой величины, какой мозаической карпины по сіе время въ цѣломъ свѣтѣ еще не бывало.

Въ 1751 году Февраля 13 дня определенъ онъ былъ Членомъ въ Академическую Канцелярію; а въ 1760 году Февраля 14 дня поручены въ полное его смоспрѣніе Академическая Гимназія и Университетъ.

1764 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Спашскимъ Совѣтникомъ, въ кошоромъ чину и пробылъ онъ до кончины своей, воспослѣдовавшей 1765 года Апрѣля въ 4 день къ великому сожалѣнію всѣхъ любипелей словесныхъ наукъ. Тѣло его съ богатою церемонією погребено въ Александроневскомъ монастырѣ Императорскимъ иждивеніемъ; а на гробъ его поспавленъ мраморный сполтъ иждивеніемъ покойнаго Канцлера Графа Михайла Ларіоновича Воронцова съ слѣдующими Россійскою и Латинскою надписями:

v

В ъ п а м я ш ь
 с л а в н о м у м у ж у
 М И Х А И Л У
 Л О М О Н О С О В У,
 родившемуся въ Холмогорахъ
 въ 1711 году,
 бывшему
 Сшашскому Совѣшнику,
 Императорской Санкшншербургской
 Академіи Наукъ
 Профессору
 Шпокгольмской и Бононской
 Ч л е н у,
 Разумомъ и науками превосходному, знашимъ
 украшеніемъ Опшечесшву служившему,
 Краснорѣчія, Сшшхошворсшва
 и
 Ишпоріи Россійской
 у ч и ш е л ю,
 Мусіи первому въ Россіи безъ руководсшва
 и з о б р ѣ ш а ш е л ю,
 преждевременною смершію опшъ Музь и Опшечесшва
 на днѣхъ свяшшя Пасхи 1765 года
 покищенному,
 ВОЗДВИГЪ СІЮ ГРОБНИЦУ
 Г Р А Ф Ъ
 М и х а й л о В о р о н ц о в ъ,
 слави Опшечесшво съ шakovымъ гражданиномъ,
 и горесшно сѣболѣзнул о его кончинѣ.

Viro Celeberrimo,
MICHAËLI LOMONOSOW,
 Kholmogorodi nato, Anno MDCCXI.
Augustae Russiarum Imperatricis
Consiliario Status,
Professori Publico ordinario
Academiae Scientiarum
Petropolitanae,
 Holmensis et Bononiensis socio,
 Qui ingenio excelluit et artibus,
Patriae decus, eximium,
Eloquentiae, Possesos
 et
Historiae Patriae Praeceptor,
Metri Russici institutor,
Tragediarum in Vernacula Auctor,
 Primus Musivi operis in Russia
pictor Avtodidactos.
 Praematura morte Musis
 Atque Patriae feriis Paschaes
MDCCLXV scriptis
 et
operibus oblivioni ereptus:
Talem civem gratulans Patriae,
obitum eius lugens
MICHAËL COMESA WORONZOW
Rosnit,

Сей мужъ былъ великаго разума, високаго духа и глубокаго ученія. Сколь опмѣнна была его охопа къ наукамъ и ко всѣмъ человѣчеству полезнымъ знаніямъ, споль мужеспвенно и вспупилъ онъ въ пушь къ доспиженію желаемаго имъ предмета. Спремленіе преодолѣвашь всѣ случавшіяся ему въ помъ препяшспвія награждено было благополучнымъ успѣжомъ. Бодрость и швердость его духа оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ. Начавъ учипсья иноспраннымъ языкамъ въ шакихъ уже лѣсахъ, въ коихъ многіе за невозможность почишають въ нихъ упражняшься, доспигъ онъ до великаго совершенспва. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ и говорилъ, какъ почти на своемъ природномъ. Лашинской зналъ очень хорошо, и писалъ на немъ. Французской и Греческій разумѣлъ не худо; а въ знаніи Россійскаго языка, яко природнаго и имъ много вычищеннаго и обогащеннаго, почишался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ. Слогъ его былъ великолѣпный, чиспъ, швердъ, громокъ и пріятенъ. Предпріимчивость сколь часпо бываепъ въ другихъ порокомъ, споль многократно ему приобрѣшала похвалу. Онъ упра-

жнялся во всѣхъ философическихъ и словесныхъ наукахъ, въ Химіи съ ея разными часпями, а особливо прилѣжалъ къ Физикѣ экспериментальной, которую и перевелъ на языкъ Россійскій; въ Механикѣ и въ Исторіи нашего Отечества. Стихотворство и краснорѣчіе съ превосходными познаніями правилъ и красоты Россійскаго языка споль великую принесли ему похвалу не только въ Россіи, но и въ иносстранныхъ обласпяхъ, что онъ почищается въ числѣ наилучшихъ лириковъ и орашоровъ. Его похвальныя оды, надписи, поема ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и похвальныя слова принесли ему безсмертную славу. Нравъ имѣлъ онъ веселый, говорилъ коропко и остроумно, и любилъ въ разговорахъ употреблять оспрыя шушки. Къ Отечеству и друзьямъ своимъ былъ вѣренъ; покровительствовалъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ и ободрялъ ихъ. Въ общожденіи былъ по большой часпи ласковъ, къ искашелямъ его милоспи щедръ; но при всемъ помъ былъ горячъ и вспылчивъ. Сочиненія его суть слѣдующія: Двѣ часпи разныхъ стихотвореній содержатъ въ себѣ духовныя и похвальныя оды,

надписи, двѣ пѣсни героической поэмы ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ, похвальныя слова и другія стихопворенія; Россійская Грамматика, Рифорика, крпжкой Россійской лѣпописецъ, первая книга древней Россійской Исторіи, крпжкое понятіе о Физикѣ, Мешаллургія, двѣ прагедіи Тамира и Селимъ и Демофонпъ; и ученныя разсужденія о разныхъ машеріяхъ. Волфіанская эксперименпальная физика съ Лапшинскаго языка имъ переведенная. Я не могу разпроспранитьсь въ похвалѣ сему великому писателю; а довольно будешъ, когда сообщу изъ эпистолы г. Сумарокова слѣдующіе стихи :

Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ спранъ Малгербъ, онъ Пиндару по-
добенъ.

Также стихи Г. Поповаго къ его порп reshу :

Московской здѣсь Парнасъ изобразилъ Вишю,
Чшо чисшой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ
Россію;
Чшо въ Римъ Цицеронъ и чшо Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣспилъ.
Ошкрылъ нашурь храмъ богашымъ словомъ Рос-
совъ ;

Примѣръ ихъ оспроши въ наукахъ Ломоносовъ.

И наконецъ списки Михайла Маш-
вѣевича Хераскова.

Великій Ломоносовъ !

Ты долго прославлялъ
Гремящей лирой Россювъ
И всѣхъ насъ удивлялъ:
Россійскую державу,
Ея Монарховъ славу
Вознесши къ небесамъ,
Взлещѣлъ шуда и самъ.
Когда ЕЛИСАВЕТУ
Пѣвалъ ты передъ ней,
Всему вѣщалъ ты свѣшу
Спокойство нашихъ дней.
Рокъ люшый разрушаетъ
Художество шрудный даръ:
Но въ вѣкъ не пошущаетъ
Циншовъ сильной жаръ.
Твоихъ героевъ вѣчно
Свѣшь будешь почишашъ,,
И будешь безконечно
Списки твои чтишашъ.
Почто еще и нынѣ
На свѣшѣ не живешъ?
Почто ЕКАТЕРИНѢ
Похвалъ ты не поешъ?

Твоя гремяща лира
 Доспойною была
 Для всѣхъ предѣловъ міра
 Воспѣшь Ея дѣла.
 Когда Анакреону
 Ошвѣсны дѣлааъ пы,
 Его имѣаъ корону,
 Его въ ружахъ цвѣсны;
 Въ стихахъ его погудки
 Пріятно повшоряаъ,
 Къ любви прибавя шушки,
 Въ свирѣли пы играаъ:
 И лира и свирѣлки,
 И важносщъ и бездѣлки
 Черезъ пшвой свящонный гласъ
 Пѣняшь умѣаъ насъ.

Изъ сочиненій его переведены на и-
 носпранные языки слѣдующія: Грамма-
 тика, крашкой лѣпописецъ и Россійская
 Исторія на Нѣмецкій; упреннее и ве-
 чернее размышленія о величествѣ Бо-
 жіемъ на Французскій; похвальное слово
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ перевелъ онъ
 самъ на Лапинской языкъ, а **ПЕТРУ**
ВЕЛИКОМУ Панегерикъ переведенъ на
 Французской Барономъ Чуди. Г. Ломо-
 носовъ имѣаъ переписку со многими уче-
 ными людьми въ Европѣ: Библіошека его

и манускрипты по смерти его куплены Княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

При семъ такъ же для любопытства читателей въ доказательство, въ какомъ уваженіи и славѣ былъ Г. Ломоносовъ для учености своей и въ чужестранныхъ Государствахъ между учеными тогдашняго времени мужами, прилагаются нѣкоторое число опривковъ выбранныхъ самимъ Г. Ломоносовымъ изъ писемъ, часпю къ нему самому писанныхъ, а опъ часпи къ Графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и въ Академію.

1.

Одобреніе Г. Профессора Вольфа на Латинскомъ языкѣ писанное.

Молодой человекъ преимущественнаго оспроумія Михайло Ломоносовъ съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ прѣхалъ, прѣжно Математическія, Философическія, а особливо Физическія лекціи слушалъ, и чрезвычайно привязанъ былъ къ основательному ученію. Ежели впредъ съ такимъ раченіемъ проспираеться будетъ; шо не сомнѣваюсь,

чтобы возвращаясь въ Отечество , не принесъ пользы ; чего сердечно желаю. Дано въ Марбургѣ 1739 года Юля 20 дня.

Христанъ Вольфъ

Акад: Марбург: Проректоръ.

2.

Сколь много я удивлялся проника-
тельностью и глубинѣ вашего оспроумія
въ изясненіи крайне шрудныхъ химиче-
скихъ вопросовъ; такъ равномѣрно ваше
письмо мнѣ было пріятно.... Изъ сочине-
ній вашихъ съ превеликимъ удовольствіемъ
усмопрѣлъ я, что въ исполкованіи
химическихъ дѣйствій далече отъ приня-
шаго у Химиковъ порядка опспунили, и
съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ
высокое знаніе съ обширнымъ искусст-
вомъ всюду соединяете. По сему не
сумнѣваюсь , что бывы нешвердыя еще
и сомнишельныя основанія сея науки не
привеликъ совершенной достовѣрности,
такъ что ей послѣ мѣсто въ Физикѣ
по справедливости дано бытъ можеть.
*Эйлеръ въ письмѣ къ Г. Лом: отъ 23
Марта 1748 года.*

3.

Колико шонки и глубоки ваши разсужденія, копорыхъ сообщеніемъ вы дали мнѣ чувствительный знакъ своей ко мнѣ дружбы и благосклонности! Прошу извинить меня, что я не могъ ранѣе сообщить своего отвѣта; ибо мысли о поль прудныхъ и сокровенныхъ вещахъ пребуоушь времени. *Онѣ же въ лисьмѣ отѣ 24 Август: 1748 года.*

4.

Я съ великимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы въ Академическихъ комменсаріяхъ ученому свѣшу себя показали; чѣмъ вы великую честь принесли своимъ соощичамъ. Я желаю, чтобы вашему примѣру и другіе послѣдовали, и проч. *Вольфѣ въ лисьмѣ изѣ Галы отѣ 6 Августа 1753 года.*

5.

Въ томъ же томѣ содержится экстрактъ XIV тома Академическихъ комменсаріевъ, гдѣ я пространно и съ удовольствіемъ описалъ вашу изящную диссертацію о свѣплости мепалловъ. *Формей въ лисьмѣ изѣ Берлина отѣ 27 Октября 1753 года.*

6.

Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны: ибо онъ пишетъ о матеріяхъ Физическихъ и Химическихъ весьма нужныхъ, которыхъ понмиѣ не знали, и исполковать не могли самые оспроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ долженъ я опдаться справедливостъ Г. Ломоносову, что имѣетъ превосходное дарованіе къ изъясненію Физическихъ и Химическихъ явленій. Желательно, чтобы и другія Академіи въ соспоаніи были произвеспъ такія опкровенія, какія показалъ Г. Ломоносовъ и проч. *Эйлеръ: въ письмѣ между прочимъ къ Графу Кирилѣ Григорьевиту Разумовскому.*

7.

Какъ я всегда удивлялся щастливо-му вашему оспроумію, копоримъ въ шоль разныхъ наукахъ превосходствуешъ, и еспественныя явленія съ особливимъ успѣхомъ теоретически изъясняете; шакъ пріятно мнѣ было ваше извѣстіе . . . Доспойное васъ еспъ дѣло, что вы спеклу всевозможныя дѣвшы дашь може-

ше. Здѣшніе Химйки сіе изобрѣшеніе по-
чипають за важное дѣло. *Эйлер*: *въ*
письмѣ изъ Берлина отъ 30 Марта
1754 году.

8.

Приношу вамъ должное мое благода-
реніе за акшъ Академической и за про-
грамму, доспойное вашей славы сочине-
ніе, сообщеніемъ копораго угодно было
вамъ удоспойть меня, и проч. *Конда-*
мин: *въ письмѣ изъ Пломберии въ Ло-*
тарингии Августа дня 1754 года.

9.

Желая служишь вамъ во всемъ, что
шолько опъ меня зависить, и нашедши
случай опъ часпи по выполнишь, пре-
провожаю при семъ къ вамъ листки
изъ моего журнала, гдѣ оная ваша дис-
серпація напечатана. Самый долгъ пре-
боваль шого, чшобы защишишь шоль
праведное ваше дѣло опъ шакихъ неспра-
ведливыхъ поносителей. *Формей изъ*
Берлина отъ 27 Маія 1755 года.

10.

Того ради спараніе пѣхъ, копорые
въ семъ дѣлѣ шрудяпся всегда великую
похвалу заслуживаешь. Тѣмъ болѣе вамъ
должно опдаваць всю справедливосшь,

что вы сей важный вопросъ изъ тьмы изпоргнули, и положили счастливое начало его изъясненію. *Эйлеръ изъ Берлина отъ 11 Февраля 1755 года.*

II.

Проницательнаго Г. Ломоносова разсужденіе о печеніи сей понкой матеріи въ облакахъ великою помощію послуживъ шѣмъ, которые въ разрѣшеніи сего вопроса силы свои изслѣдовать пожелають. Весьма такъ же изрядны размышленія его о низхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ оупъ шого морозахъ. *Эйлеръ въ Академію изъ Берлин. 1754 года.*

Ж И З Н Ъ

Его же пространнѣе описанная, взятая изъ полнаго собранія твореній его напечатанныхъ при Санктпетербургской Академіи Наукъ.

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ родился 1711 года въ Двинскомъ уѣздѣ въ Куроспировской волости въ деревнѣ Денисовской, на болотѣ шже, на оспровѣ лежащемъ недалеко оупъ Холмогоръ.

*

Опецъ его Василій Дороеевъ Государственнѣйшій крестьянинъ жишель сей волости былъ промысломъ рыбакомъ (1). Началь бранъ его ошъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста съ собою въ каждое лѣто и каждую осень на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море. Бѣдиль съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ сѣверной Океанъ до 70 градусовъ широты мѣста. Самъ онъ разсказывалъ объ обшнѣшельсшвахъ сихъ спранъ, о ловлѣ кишовъ и о другихъ промыслахъ.

- (1) Онъ первой изъ жишелей сего края состроилъ и по Европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіошъ, и прозвалъ его Чайкою; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, по Бѣлому Морю и сѣверному Океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы, казенные и частныхъ людей ошъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ, въ Соловецкой Монашнрѣ, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семолди и на рѣку Мезень.

Возвращаясь съ рыбных промысловъ, проводя зиму дома. Въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя (2) чипать и писать по Руски, чипаль обыкновенно одни полько церковныя книги, и когда прашиваль у учителя своего свѣтскихъ; то сей обыкновенно отвѣчалъ ему, что для прибрѣтенія большаго знанія и учености потребуешя знать языкъ Латинской; а сему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ или Пепербургѣ; что въ сихъ полько городахъ довольно книгъ на помъ языкъ. Простой

(2) Черезъ два года учинился къ удивленію всѣхъ лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что нерѣдко биванъ былъ не оми сверстниковъ по лѣпамъ, но оми сверстниковъ по ученію за то, что спыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносишь читаемое къ мѣсту распоновочно, внятно, а при томъ и съ особою пріятностію и ломкоспію голоса.

Ариѣмешикъ (3) выучился онъ самъ собою. (4)

Долгое время пипаль онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ кошпороѣ нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чѣмъ вдашься

(3) Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первой въ жизни своей разѣ. не духовныя книги. То были шаринная Славенская Граммашика и Ариѣмешика напечатанная въ Санкпешербургѣ въ царшпованіе Пешпра Великаго для Навигацкихъ учениковъ. Неостшупныя и усильныя прозѣбы, чѣмъ шарикъ Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оставалися всегда щещными. Опрокъ пылающій ревностію къ ученію, долгое время умышленно угождая прѣмъ шариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до того, чѣмъ выдали они ему сіи книги. Ошъ сего самаго времени не распавался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою, и не преспанно читая, вышвердилъ наизушъ. Самъ онъ попомъ называлъ ихъ врашами своей учености.

(4) На штринадцашомъ году младшй его разумъ уложенъ былъ раскольниками, шакъ называемаго шолка Безпоповщины; держался онаго два года; но скоро позналъ, чѣмъ заблуждаешъ.

шамъ наукамъ. Неперпѣливо нажидалъ случая. На 17 году возраста своего на-последокъ оной открылся. Изъ селенія его отпралялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намѣреніе, по ушру смошрѣлъ, какъ буд-по изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ всѣ въ домѣ опца его спали (5), надѣвъ двѣ рубашки и нагольной пулупъ, потнался за онымъ въ слѣдъ. Въ шрепій день наспигъ его въ 70 уже верстахъ. Караванной прикащикъ не хошѣлъ прежде взяшь его съ собою; но убѣжденъ былъ прозьбою и слезами, чшобъ даль ему посмошрѣть Москвы, наконецъ согласился. Чрезъ три недѣли прибыли въ сполічный сей городъ. Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ общевняхъ у рыбнаго ряду. Назавпрее проснулся шакъ рано, чшо еще всѣ шоварици его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; опъ рыбаковъ съ нимъ пріѣхавшихъ не могъ

(5) Не позабылъ взяшь съ собою любезныхъ своихъ книгъ, соспавлявшихъ тогда всю его Библиошеку, ш. е. Грамматику и Ариѣмелику.

ожидать никакой помощи; они занимались продажей только рыбы своей, совсемъ объ немъ не помышляя. Овладела душою его скорбь; началъ горько плакать; палъ на колѣна; обратилъ глаза къ ближней церкви, и молилъ усердно Бога, чтобы его призрѣлъ и помиловалъ.

Какъ уже совсемъ разсвѣло, пришелъ какой-то господской прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лице показалось ему знакомо. Узнавъ же, кто онъ таковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и отвелъ для жилья уголъ между слугами того дома.

У караваннаго прикащика былъ знакомой монахъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, кошорой часто къ нему хаживалъ. Черезъ два дни послѣ приѣзда его въ Москву пришелъ съ нимъ повидаться. Предсавя онъ ему молодого своего земляка, разсказалъ объ его обспояшельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усиленно постараться, чтобы приняли его въ Заиконоспаское училище. Монахъ взялъ что на себя, и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монасты-

рѣ (6). Дома между шѣмъ долго его искали, и не нашедъ нигдѣ, почипали пропавшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пупи: погда уже узнали, гдѣ онъ и чпо онъ.

Въ Монастырѣ обучался Ломоносовъ (7) съ великою охотою, и оказалъ при-

(6) А какъ не принимаютъ въ сію семинарію положенныхъ въ подушной окладъ; шо назвался Ломоносовъ дворяниномъ. Покойный Новгородскій Архіерей Феофанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ его узнавъ, и полюбя за опмѣнные въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: ... „ Не бойся ничего; хочя бы со звономъ въ Московской соборной колоколь спали шебя публиковать самозванцемъ, я швой защитникъ.

(7) Вспушеніе его въ Законоспаское училище было въ 1722 году при Ректорѣ Архимандритѣ Германѣ Кошцевичѣ и Префектѣ Софроніи Мегалевичѣ.

За Лашинскую азбуку посадилъ его Іеромонахъ Модестъ Ипполишовичъ. Въ 1730 году переведенъ въ Лашинской Грамматической классъ училеш Іеромонаха Германа Канашевича.

Въ 1731 году Синшаксисъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ.

Въ 1732 въ Лашинской и Россійской поэзіи наставлялъ Іеромонахъ Феофилактъ Квѣшницкій.

мѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во вшорой, въ томъ же году изъ вшораго въ прешій классъ. Черезъ годъ послѣ шгого сполько спалъ онъ силенъ въ Лашинскомъ языкѣ, чпо могъ уже на немъ сочиняшь небольшія стихопворенія. Тогда началъ учисья по Гречески, а въ свободные часы вмѣсто шгого, чпо другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвощи, рылся въ Монашырскомъ книгохранилищѣ. Находимыя въ ономъ книги ушвердили его въ языкѣ Славенскомъ. Тамъ же сверхъ лѣпописей, сочиненій церковныхъ опщевъ и другихъ Богословскихъ книгъ попалось въ рѹки его малое число

Въ 1784, слушалъ Ришорику у Геромонаха Порфирія Крайскаго, кошорой послѣ шгого заспунилъ мѣсто Рекшора сего училища.

Въ Маіѣ Мѣсяцѣ 1785 ради опличныхъ успѣховъ въ ученіи рекшоръ Архимандритъ Стефанъ и Префектъ Антоній опсправили его въ Санкшпешербургскую Академію Наукъ.

Въ его время покойной Новгородской Преосвященный Димитрій Свченой былъ еще не посшриженъ, и училъ чпшашъ и писашъ по Лашини.

Философическихъ, Физическихъ и Математическихъ книгъ.

Законоспаская Библиотека не могла насытить жадности его къ наукамъ; прибѣгнувъ къ Архимандриту съ усиленною прозьбою, чтобы послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться Философіи, Физикъ и Математикъ; но и въ Кіевѣ прошивъ чаянія своего нашель пущья полько словопрѣнія Аристокелевой Философіи. Не имѣя же случаевъ успѣшь въ Физикъ и Математикъ, пребыль тамъ менѣе года, упражняясь болѣе въ чтеніи древнихъ лѣтописей и другихъ книгъ писанныхъ на Славенскомъ, Греческомъ и Латинскомъ языкахъ.

Скоро по возвращеніи его въ Спасское училище прислано въ оное было въ 1734 году (8) шребованіе, изъ Петербургской

-
- (8) Показаніе жизни сего мужа напечатанной при изданіи его трудовъ 1778 года, буд-тобы переведенъ онъ былъ изъ Законоспаской въ Санктпетбургскую Академію 1734 года, есть несправедливо. Бывшимъ сего Монашья Рекшоромъ Павломъ, что нынѣ Архіепископъ Ярославскій, особюю доспойною уваженія найдена своеручная росписка Г. Ломоносова въ пріемъ жалованья за Генварскую шрешъ 1735 года шрешъ рублей пшшдешати копѣекъ.

Академіи наукъ о присылкѣ нѣсколькихъ семинаристовъ, копорые бы уже разумѣли по Лапину, для ученія Физикъ и Матемашикъ у Профессоровъ шамошнихъ. Ломоносовъ обрадовался давно желанному случаю, и неопступно просилъ Архимандриша, чшобы шуда его послали. (9)

Онъ приѣхаль съ прочими учениками изъ Спаскаго Монашья въ Пешербургъ въ соспящую подъ вѣдомствомъ Академіи Гимназію. Тамъ слушалъ начальныя основанія Философіи и Матемашики, и прилѣжалъ къ шому съ крайнею охощю, упражняясь между шѣмъ и въ стихотворствѣ; но изъ сихъ послѣднихъ его шрудовъ ничего въ печать не вышло. Ошмѣнную оказаль склонность къ опышной Физикѣ, Химіи и Минералогіи. Учившись цѣлыя два года начальнымъ основаніямъ сихъ наукъ, и ушвердившись въ Матемашикѣ, назначень былъ съ поварищемъ своимъ Виноградовымъ въ Германію, прежде въ Марбургъ къ погдашнему слав-

(9) Способшвоваль ему въ шомъ послѣ бывшій Синодальнымъ Вице Президентомъ Новгородскій и Великолуцкій Архіепископъ Ѳеоданъ Прокоповичъ.

ному философу и Математику Христиану Вольфу.

По прошествіи прехъ лѣтъ отпра-
вленъ по совѣшу сего славнаго мужа
къ искусному Горному Совѣшнику Ген-
келю въ Фрейбергъ на Саксонскіе мѣд-
ные рудники учиться практической Ме-
талургіи и Горному дѣлу.

Черезъ годъ возвратился въ Марбург-
ской Универсицетъ для продолженія
Теоріи въ сихъ наукахъ.

Не замедлил сдѣлаться сильнымъ
въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ еще
будучи въ Пешербургѣ, положилъ хоро-
шее основаніе. Опъ обхожденія съ та-
мошними студентами, и слушая ихъ
пѣсни, возлюбилъ Нѣмецкое стихопвор-
ство. Лучшей для него писатель былъ
Гиншеръ. Многихъ знанѣйшихъ стихо-
пворцевъ выпвердилъ наизусть. По та-
мошнимъ Ямбама, Хореямъ и Дакшилямъ
началь размѣрять споны и въ Россій-
скихъ стихахъ совсѣмъ новымъ образомъ
несравненно глаже и согласнѣе пропивъ
прежнихъ въ чпеніи. Первый примѣръ
шакowychъ размѣровъ въ Рускихъ стихахъ

показалъ въ 1739 (10) году поржѣшвенною одою на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Ташарами и Турками, или на завоеваніе крѣпости Хонина. Сію оду прислалъ онъ изъ Марбурга къ тогдашнему Санктпепербургской Академіи Наукъ Президенту Г. Корфу. Оздана она была для просмотрѣнія Г. Адаурову обще съ нѣкоторыми Академиками. Удивились они размѣру стиховъ, копорой до шого времени былъ во все неизвѣстенъ въ Россійскомъ стихопворствѣ. Ода написана была Ямбическими споами на вкусъ Гинпера подражательпо славной его одѣ.

Камергеръ Корфъ напечаталъ ее, подалъ въ поржѣшвенный день Импераприцъ Аниѣ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ: каждой читалъ ее со удовольствіемъ.

(10) Изъ сего ясно, что Г. Ломоносовъ за долго предъ шѣмъ ввелъ споы въ Россійское стихопворство, какъ Г. Сумароковъ только что выпущенной въ семь самомъ году изъ Кадешкаго корпуса учинился извѣстнымъ стихопворцемъ.

Въ то самое время, то есть 1740 года женился Ломоносовъ въ Марбургѣ шайно на дочери хозяина шого дома, гдѣ жилъ, поршнаго маспера, кошора я еще до оплученія его изъ сего города опцемъ его учинила.

Живъ онъ въ Марбургѣ городѣ недалекомъ опъ Гарцскихъ горъ однимъ жалованьемъ, кошорое получалъ изъ Пешербургской Академіи по шрепямъ, содержалъ порядочно свое семейшво.

Академія по прошенію его позволила ему побывашъ на Гессенскихъ рудникахъ, чшо въ Гарцѣ. Тамъ познакомилса онъ съ славнымъ горнымъ Совѣшникомъ и Мешалургомъ Г. Крамеромъ, имѣвшимъ шогда уже въ гошовности къ напечатанію прекрасное свое сочиненіе объ искусствѣ раздѣленія мешалловъ. У сего ученаго и искуснаго мужа жилъ онъ довольное время, и много успѣлъ въ практической Мешалургіи. Цѣлое лѣшо провелъ въ осмашриваніи плавильныхъ и разбивныхъ заводовъ; зимою возврапся въ Марбургъ, ошталса шамъ до весны 1741 года.

Опъ неминуемыхъ издержекъ на содержаніе скрываемаго имъ семейшва своего

и ошъ непорядочнаго, можешъ бышь, хозяйспва впаль въ нищепу и долги; дошелъ на конецъ почши до опчаяннаго состоянія, шакъ что непреспанно былъ угрожаемъ ошъ должниковъ шюрмою, коихъ удовольспвовашь не имѣлъ силы. Принужденнымъ себя увидѣлъ уйши изъ сего города, пишаясь милоспынею на дорогѣ. Изъ полученнаго имъ не задолго предъ шѣмъ шрешнаго жалованья не оспавалось у него ни копѣйки. Расположился ишши или въ Любекъ, или въ Голландію, и послѣ ошправившись моремъ въ Петербургъ.

Не простившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора, и пушплся прямо по дорогѣ въ Голландію, шедъ всю ночь. На шрешей день миновавъ Диссельдорфъ, ночеваль по близоспи ошъ сего города въ небольшомъ селеніи на постпояломъ дворѣ. Нашель шамъ Прусскаго офицера съ солдапами, набираващаго рекрушовъ. Здѣсь случилось съ нимъ спранные произшествіе. Пушникъ нашъ показался Прусакамъ годною рыбою на ихъ уду. Офицеръ просиль его учшпвымъ образомъ съспъ подлѣ себя, ошужинашь съ его

подчиненными, и вмѣстѣ выпить, шакъ ими называемую, *круговую рюмку*. Въ продолженіе спола разхваливали ему Королевскую Прусскую службу. Нашъ пупникъ шакъ былъ упопчиванъ, что не могъ помнишь, что происходило съ нимъ ночью. Пробудясь, увидѣлъ на плашь своемъ красной воровникъ; снялъ его. Въ карманахъ оцупалъ нѣсколькѣ Прусскихъ денегъ. Прусской Офицеръ назвавъ его храбрымъ солдашомъ, далъ ему между шѣмъ знашь, что конечно сыщепъ онъ счастье, начавъ служишь въ Прусскомъ войскѣ. Подчиненные Офицера сего именовали его братомъ. . . „*Какъ*, опвѣчалъ „*Ломоносовъ, я вашъ братъ? я Россія-* „*нинъ, сѣдовательно вамъ неродня...* „*Какъ?* закричалъ ему Прусской уряд- „*никъ, развѣ шы не совсѣмъ выпался,* „*или забылъ, что вчерась при всѣхъ насъ* „*вспунилъ въ Королевскую Прусскую* „*службу; билъ съ Г. Порупчикомъ по* „*рукамъ; взялъ деньги, пилъ съ нами* „*круговую рюмку за свое и полку на-* „*шего здоровье, и побрашался съ нами?* „*Не унывай шолько, и не думай ни о* „*чемъ, шебъ у насъ полюбишься; дѣпина* „*шы доброй, и годишься на лошадь.* „

В

Такимъ образомъ бѣдной нашъ Ломоносовъ сдѣлался Королевскимъ Прусскимъ Рейшмаромъ. Палка Пруссаго Вахмистра запечаташля у него уста. Дни чрезъ два опшведень, былъ въ крѣпость Вессель съ прочими рекрутами, набранными по окрестностямъ.

Принялъ однакоже самъ въ себѣ швердое намѣреніе вырваться изъ пшажка своего сосшоянія при первомъ случаѣ. Казалось ему, что за нимъ болѣе присматривающъ, нежели за другими рекрутами. Спалъ припворяшьясь веселымъ и полюбившимъ солдатскую жизнь. Къ счастью не поставили его посшоемъ въ городъ, а держали въ караульнѣ, гдѣ онъ и спалъ на нарахъ.

Караульня находилась близко вала, заднимъ окномъ была къ скапу. Замѣшивъ онъ по, и высмошрѣвъ другія удобности къ задуманному побѣгу, оной предпринялъ и совершилъ сшасшливо.

На каждой вечеръ ложилаь онъ спать весьма рано, высыпался уже, когда другіе на марахъ были еще въ первомъ снѣ. Пробудясь по полуночи и примѣшя, что всѣ еще спали крѣпко, вылѣзъ, сколько могъ пише, въ заднее окно; взползъ на

валъ, и пользуясь темною ночью, влекся по оному на чепверенкахъ, чтобъ не примѣтили пого сплывшіе на валу часовые. Переплывъ главной ровъ, а за вѣшними укрѣпленіями и рavelинной, проминовалъ съ крайнимъ трудомъ конпрескарпъ, по крышѣ ходъ, палисадникъ и гласисъ, и увидѣлъ себя наконецъ на полѣ: оспавалось зайти за Прусскую Границу. Бѣжалъ изо всей силы съ цѣлою Нѣмецкую милю. Плащѣ на немъ было мокро. Спало между нѣмъ свѣшалъ. Услышалъ пушечной выстрѣлъ изъ крѣпости, обычной знакъ погони за ушедшимъ рекрупомъ. Овладевшей имъ страхъ придавъ силы. Ударился бѣжать, сколько могъ, скорѣе. Непрестанно оглядываясь, завидѣлъ вдали скачущаго за собою чelовѣка во весь опоръ; но успѣлъ однакожь онъ между нѣмъ перебѣжать за Веспфальскую границу.

Обошелъ изъ предосторожности Епископское селеніе находившимся поблизку лѣсомъ; оспановился въ немъ ошдохнуть; сушилъ мокрое свое плащѣ; проспалъ спокойно до полудни. Возспановя такимъ образомъ силы свои, пушпился въ пушь, и прибылъ чрезъ Арнгеимъ и

*

Упрехпъ въ Амстердамъ, назывался вездѣ бѣднымъ Саксонскимъ Спуденпомъ.

Въ послѣднемъ городѣ Россійскій Императорскій повѣренной въ дѣлахъ Г. Ольдекопъ изрядно его принявъ, отправилъ сходшвенно съ его желаніемъ въ Гагу къ Россійскому Послу Графу Головкину на шлюпкѣ. Сей Графъ довольствовалъ его чрезъ нѣсколько дней всемъ нужнымъ, и давъ на дорогу денегъ, отослалъ обратно въ Амстердамъ, гдѣ скоро сыскалъ онъ удобной случай отправиться моремъ въ Санктпетербургъ.

Еще до отпѣзда своего изъ Гаги увѣдомилъ онъ оставленную въ Марбургѣ жену свою чрезъ письмо о приѣздѣ своемъ въ Голландію къ Россійско-Императорскому Послу Графу Головкину, и чпобъ не писала къ нему прежде, пока не дастъ ей знать о будущемъ своемъ состояніи и о мѣспѣ своего пребыванія. Послѣ не могъ болѣе года переписываться съ нею можетъ быть для того, чпо по приѣздѣ въ Петербургъ 1741 года, гдѣ скоро пожаловали его Адъюнктомъ, обстоятельство не позволяли объявить, чпо онъ женатъ, да и не сказывалъ о томъ никому. Жену съ дочерью

по дороговизнѣ жизни Пешербургской не въ соспоянїи былъ содержащъ своимъ жалованьемъ.

На возвращенїи своемъ пуши моремъ въ опечество единожды приснилось ему, что видишь выброшеннаго по разбиїи корабля опца своего на необитаемой оспровъ въ Ледовишомъ Морѣ, къ копорому въ молодости своей былъ нѣкогда съ нимъ занесенъ бурю. Сїя мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. По прибытїи въ Пешербургъ первое его попеченїе было навѣдаться опъ Архангелогородцевъ и Холмогорцевъ объ опцѣ своемъ. Нашель памъ роднаго брата своего, и услышавъ опъ него, что опецъ ихъ того же года по первомъ вскрытїи водъ опправился по обыкновенїю своему въ море на рыбной промыселъ; что минуло шому уже чешыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели поѣхавшихъ съ нимъ еще не воропились. Сказанной сонъ и брапнїя слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ. Принялъ намѣренїе просишься въ оппускъ ѣхать искаць опца на шопъ самой оспровъ, кошорой видѣль во снѣ, чтобъ похоронишь его съ

должною чѣстною, еспли подлинно найдешъ шамъ шѣло его.

Но обстоятельства не позволили ему произвестъ намѣренія сего въ дѣйство. Принужденъ былъ послать брата своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры съ письмомъ къ шамошней аршели рыбаковъ, усиленно ихъ въ ономъ прося, чѣтобъ при первомъ выѣздѣ на промысель заѣхали къ оспрову, коего положеніе и видъ береговъ почно и подробно имъ описаль; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и если найдутъ шѣло ошца его, такъ бы предали землѣ.

Люди сіи не ошреклись исполнить прозбы его, и въ шуже осень нашли подлинно шѣло Василя Ломоносова почно на шомъ пущомъ оспровѣ, и погребши, возложили на могилу большой камень. Наслушавшею зимою былъ онъ о всемъ шомъ извѣщенъ. Внутренняя его скорбь давно уже многими примѣченная, превратившись въ явную, со временемъ умѣрилась.

Умножилась его прилѣжностъ къ наукамъ и шрудолубіе. Сочинилъ разсужденіе о Натуральной Исторіи и Химіи, доказавшія чинамъ Академіи изыщностъ

его ума и глубокость его знанія, приобрѣшшія къ нему уваженіе и открывшія ему путь къ достоинству Химіи Профессора.

Между тѣмъ оставленная въ Марбургѣ его жена ожидая вѣщаго отъ него письма цѣлые два года, не знала, куда онъ дѣвался. Въ такомъ страхѣ и неизвѣстности наконецъ въ 1743 году въ Февралѣ мѣсяцѣ подала письмо Россійско-Императорскому въ Гагѣ Министру Графу Головкину, чрезъ котораго получила она, какъ выше упомянуто, первое мужнино письмо; онымъ просила, чпобъ сдѣлалъ съ нею милость, упѣшилъ ея печалію свидаемое сердце и облегчилъ бы бѣдственное ея состояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находится мужъ ея Россійской студентъ Ломоносовъ; еще ли у него въ Гагѣ или въ иномъ мѣстѣ? приобщила къ шому письмо и къ мужу.

Графу Головкину извѣстно было только, что Ломоносовъ за два уже предъ тѣмъ года выѣхалъ изъ Амстердама въ Петербургъ, гдѣ и находится ему надлежало. Охотно взялъ на себя переслать послѣднее письмо, написавъ и отъ себя собственно къ Канцлеру Графу Беспу-

жеву въ Пешербургъ, прося его объ опвѣщѣ.

Графъ Беспужевъ приказалъ опнесши письмо къ Ломоносову, и взявъ для пересылки къ женѣ его опвѣщѣ.

Никшо въ Пешербургъ не думалъ, что бы Ломоносовъ былъ женашъ. По проченіи письма сего вырвались у него слѣдующія слова: *Боже мой! могу ли я ее покинуть? Обстоятельства мѣшали мнѣ до сего времени не только вызвать ее сюда, но и писатъ къ ней. Телерь же пусть она придетъ: завтра же пошлю сто рублей на дорогу.* Что и исполнилъ дѣйствительно. Изъ Канцеляріи Графа Беспужева послано было письмо его и денги къ Графу Головкину въ Гагу, а опъ него въ Марбургъ. Тогоже года лѣпомъ прибыла жена Ломоносова съ дочерью и брапомъ на Любскомъ кораблѣ въ Пешербургъ; и нашла обрадовавшася приѣздомъ своимъ мужа весела и здорова. Жилъ онъ тогда въ Академическомъ домѣ подлѣ Химической лабораторіи.

Что Ломоносовъ въ 1746 году произведенъ Химіи и Экспериментальной Физики Профессоромъ, что вовсе переспро-

иль Академическую лабораторію по новѣйшему и лучшему расположенію ; что многіе дѣлалъ опыты и новыя открытія ; пакъ же какія Академическія сочинія писалъ и чиналъ въ собраніяхъ Академіи ; какія изящныя похвальныя рѣчи говорилъ Великому ПЕТРУ и Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ ; какіе прекрасныя и сильныя сочинялъ списки ; какія книги , напр: Риторіку , Россійскую Грамматику , руководство къ горному строенію и заводамъ ; какія издавалъ въ печать трагедіи въ спискахъ Россійскихъ , и какую Россійскую Исторію : все по не сущъ анекдоты , но труды повсюду извѣстные . Видѣшь ихъ можно по порядку въ печатныхъ его сочиненіяхъ и въ прошколахъ Академическихъ Канцеляріи и Конференціи . Дарованіями и трудами своими снискалъ онъ Всевысочайшую къ себѣ милость блаженной памяти Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ . Во всенародное шому доказательство пожалована ему была сею Государынею дача *Коровалдай* на Финскомъ заливѣ , и зысканъ чинами сдѣрва Коллежскаго , а по шомъ Императрицею Екацериною II и Спашскаго Со-

въпника. Достоинства его уважены были опмѣнно при Дворѣ и опъ знапныхъ особъ Государства, какъ напр: опъ Канцлера Графа Михайлы Ларіоновича Воронцова и всего его семейства; Ивана Ивановича и Графа Пепра Ивановича Шуваловыхъ, опъ погдашняго Академическаго Президентна Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, опъ своихъ и иноспранныхъ славныхъ ученыхъ мужей и обществъ, изъ коихъ нѣкопоры имѣли его своимъ членомъ, какъ по Спокгольмская Академія наукъ, славное Бононское общество, и еще иныя.

Къ анекдотамъ касающимся до Г. Ломоносова, изъ копорыхъ многихъ Г. Спашской Совѣпникъ Шпелинъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, надлежитъ приобщитъ и слѣдующей. Ломоносовъ увидѣвъ въ первой разъ въ жизни своей мозаическую каршину, изображающую плачущаго Апостола Пепра, подаренную въ Римъ Папою Клименшомъ Ламберпиномъ Канцлеру Графу Воронцову, восхощѣлъ шакую же сдѣлать и въ Россіи. Разсмотрѣвъ прилжно соспавленіе оной, дѣлалъ самъ въ плавильной своей печи изъ спекла вспа-

вныя камни разныхъ цвѣтовъ и пѣней. Соспавиль попребный къ работѣ сей ма-
спникъ и изобразиль довольно изрядно
для первой въ Россіи сдѣланной мозаи-
ческой каршины лице Петра Великаго
съ Дангауерова подлинника. По шомъ не-
престанно занимался симъ художествомъ.
Предпріяль наконецъ по Сенапскому у-
каау сочиненіе большой мозаической
каршины величиною въ 12, а шириною
въ 8 фузовъ, представляющія сраженіе
подъ Полсавою, въ кошорой бы люди
напереди были видны во весь человѣче-
ской ростъ. Сполъ великая каршина, по-
добно какъ и многія другія, долженство-
вала бытъ поспавлена на украшеніе вну-
шренихъ спѣнь Санкшпепербургской
церкви св. Апостоль Петра и Павла.
Окончана имъ была чрезъ два года и нѣ-
сколькомѣсяцовъ съ нарочишымъ успѣхомъ.

Превосходству учености его, важно-
сти и красотѣ его пера отдавалъ справед-
ливостъ покойной дѣйствительной Спаш-
ской Совѣтникъ и Кавалеръ Александръ
Петровичъ Сумароковъ (*), не взирая на

(*) Смощри спраницу IX.

всегдашнюю и непримиримую съ нимъ вражду свою.

Ломоносовъ скончался на пренѣй день святыя Пасхи 1765 года. За нѣсколько дней предъ своею кончиною говорилъ онъ Господину Совѣшнику Шпеллину: „другъ мой! я примѣчаю, что мнѣ „скоро умереть: на смерть взираю радостно; но сожалею только о томъ, „что не успѣлъ довершить, что началъ „для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнуть вмѣстѣ со мною.“

Во время великолѣпныхъ его похоронъ, на которыхъ были Новгородской и Санктпетербургской Архіепископы со многими знашными духовенствомъ, нѣкоторые Сенаторы и иныя знашныя особы, былъ и всегда не любившей его Г. Сумароковъ.

Всѣ оставшіяся послѣ Ломоносова бумаги выпросилъ Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ у вдовы его себѣ, поручилъ собрать Григорью Васильевичу Колицкому и заперѣлъ въ особомъ покоѣ своего дома.

Черезъ нѣсколько времени по смерти Ломоносова Канцлеръ Графъ Воронцовъ изъ уваженія заслугъ его къ отечеству, вознамѣряся пославить надъ гробомъ его въ Невскомъ Монастырѣ мраморный столпъ съ надписью, поручилъ Спашскому Совѣснику Шшелину нарисовать изображеніе камня по Флорентинскому размѣру и сочинить надпись. Памятникъ сей иждивеніемъ его сіяшельства выработанъ былъ въ Ливорнѣ изъ Каррерскаго бѣлаго мрамора точно по рисунку съ высѣченными прописями, и по привезеніи въ Петербургъ воздвигнуть надъ пѣломъ Ломоносова въ помянутомъ Монастырѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
СОЧИНТЕЛЕВО
О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ
въ языкъ Россійскомъ.

Въ древнія времена когда Славенскій народъ не зналъ, упошребленія письменно изображашъ свои мысли, кошорыя погда были шѣсно ограничены для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій ученымъ народамъ извѣспныхъ; погда и языкъ его не могъ изобиловашъ такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ чипаемъ. Сіе богатство больше всего приобрѣшено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божія. Опшѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова коль высоко почищается, о шомъ довольно свидѣшельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѣеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкъ Героевъ, ви-

пійсповали великіє Христіанскія церкви учили и шворцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и цареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣшь можно вникнув-шимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль, много мы ошъ перевода вѣхаго и новаго завѣша, пѣученій опеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскина и другихъ шворцевъ канонъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и опшуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собшвеннымъ своимъ доспашкомъ велико и къ прияцію Греческихъ красопъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, чпо многія мѣста оныхъ переводовъ недовольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хощя нельзя прекословишь, чпо съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновашъ и доволью осперечься, чшобы не приняшь въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку спранныхъ; однако оныя чрезъ долгошу времени слуху Славенскому переспали бышь прошивны, и вошли въ обычай. И шакъ, чпо предкамъ

нашимъ казалось невразумительно , по намъ нынѣ спало приятно и полезно.

Справедливоспъ сего доказываепся сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки преклонясп издавна въ Каполицкую вѣру, опсправляющъ службу по своему обряду на Латинскомъ языкѣ , на кошоромъ ихъ спихи и молишвы сочинены во времена варварскія по большой части опсп худыхъ авшоровъ , и пошому ни изъ Греціи , ни опсп Рима не могли спискашъ подобныхъ преимущеспъ , каковы въ нашемъ языкѣ опсп Греческаго приобрѣшены. Нѣмецкой языкъ по шо время былъ 'убогъ , проспъ и безсилень , пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинской. Но какъ Нѣмецкой народъ спалъ священныя книги чипашъ и службу спашашъ на своемъ языкѣ , шогда богашство его умножилось , и произошли искусныя писашели. Напротивъ шога въ Каполицкихъ обласпяхъ , гдѣ шолько одну Латшынъ и шо варварскую въ служеніи употребляютъ , подобнаго успѣха въ чипспотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи , кошорыя словомъ человѣческимъ изображающся , различешву-

юшь по мѣрѣ разной своей важности ; шакъ и Россійскій языкъ чрезъ упошребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣеть разные степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сіе происходитъ отъ шрехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причисаюшся, кошорыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще упошребительны, на примѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, логитаю*. Ко второму принадлежашъ, кои хощя обще упошребляюшся мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамошнымъ людемъ вразумительны, ни примѣръ: *отверзаю, Гослодень, насажденный, взываю*. Неупошребительныя и весьма обещшалаыя отсюда исключаютъся, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ* и сямъ подобныя. Къ шрешьему роду относяшся, кошорыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, шо есть въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: *говорю, ругей, котрой, лока, лишь*. Выключаютъся отсюда презрѣнныя слова, кошорыхъ ни въ какомъ шщилѣ употребидь непришпойно, какъ *шолько* въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго упошребленія и разбора сихъ шрехъ родовъ реченій

раждающся при шпиля: *высокой, посредственной и низкой*. Первой соспавляется изъ реченій Славенороссійскихъ, шо еспь, упопрѣбительныхъ въ обѣихъ нарѣчїяхъ, изъ Славенскихъ Россїянамъ вразумительныхъ и нѣ весьма обѣшпалыхъ. Симъ шпилемъ соспавлятьсѣ должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ маперїяхъ, копорымъ они ошъ обѣкновенной проспопы къ важному великолѣпію возвышающся. Симъ шпилемъ преимущеспвуепъ Россїйскїй языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средней шпиль соспояшь долженъ изъ реченій больше въ Россїйскомъ языкѣ упопрѣбительныхъ, куда можно прїять нѣкопорыя реченїя Славенскїя въ высокомъ шпилѣ упопрѣбительныя, однако съ великою оспорожноспїю, чтобы слоги нѣ казался надушымъ. Равнымъ образомъ упопрѣбїть въ немъ можно низкія слова; однако осперегапъсѣ, чтобы не опуспїтьсѣ въ подлоспъ. И словомъ, въ семъ шпилѣ должно наблюдать всевозможную равноспъ, копорая особливо спѣмъ перяешся, когда реченїе

Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго проспонароднаго. Симвъ шпильдемъ писашь всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ пребуешя обыкновенное человѣческое слово къ живому предшавленію дѣйствія. Однако можешь и перваго рода шпиль имѣшь въ нихъ мѣсто, гдѣ попребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно ошъ шого удаляться. Спихошворныя дружескія письма, саширы, эклоги и элегіи сего шпиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагашь имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой шпиль принимаеть рѣченія прешьяго рода, шо есть, которыхъ нѣшь въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а ошъ Славенскихъ обще неупошребительныхъ вовсе удаляться по пристойности маперій, каковы сущъ комедіи, увеселительныя эпиграмы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Проспонародныя низкія слова могушь имѣшь въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до

*

нарочнаго наспавленія о чистотѣ Россійскаго шпиля.

Сколько въ высокой Поезіи служатъ однимъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причасіями и дѣепричасіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ неупотребительными; по всякъ чувствовашъ можешъ, кпо въ сочиненіи стиховъ испышалъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли ошъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хошя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе вопервыхъ по мѣспу.

Народъ Россійскій по великому проспанству обишашій, не взирая на дальнее розстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напрошивъ шого въ нѣкопорыхъ другихъ государстввахъ, на примѣръ въ Германіи Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго; или Бранденбургской Швабскаго, хошя всѣ шогожъ Нѣмецкаго народа.

Подшверждаетъшя вышешепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ

народами Славенскаго поколенія, копорые Греческаго исповѣданія держался. Ибо хопя раздѣлены опть насъ иноплеменными языками; однако для упошребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говоряпъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, копорой весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничностъ.

По временижъ разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ опть владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку больше семи сопъ лѣпъ не сполько опмѣнился, чпобы спараго разумѣпъ не можно было: не пакъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, копорымъ предки ихъ за чепыреста лѣпъ писали, ради великой его перемѣны случившейся чрезъ шо время.

Разсудивъ шаковую пользу опть книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ опечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собспвеннымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилѣжаніемъ чипали всѣ церковныя книги, опть чего къ общей и къ собспвенной

пользѣ воспослѣдуетъ : 1) по важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвысиль. 2) Будешь всякъ умѣшь разбирашь высокія слова ошь подлхъ и упопреляшь ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ спарашельнымъ и оспорожнымъ упопреленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ опшрапяшя дикія и спранныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и шо еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чшенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительнo, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняють. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчешя; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богашствѣ перемѣнамъ и упадку неподвержень ушвердишя, коль долго цер-

ковъ Россійская славословіемъ Божиимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое ^{2-е} напоми^{на}ніе довольно къ движенію ревности въ шѣхъ, копорые къ прославленію Опечесства природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей немало запышся слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Испанской, Галской, Брипанской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о шѣхъ, копорые въ прочихъ часпяхъ свѣша у безграмотныхъ жпшелей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и памъ Герои, бывали опмѣнныя дѣла въ общесствахъ, бывали чудныя въ напурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣденіи погрузились. Гораций говоритъ :

Герои были до Априда ;
Но древность скрыла ихъ опъ насъ ,
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертннй сппхошворцевъ гласъ. (*)

(*) Vixere fortes ante Agamemnoña
Multi; sed omnes illacrimabiles
Vrargentur, ignotique longa
Noctē, carent quia vate sacro.

НОВАТ: Od: lib: IV. od: 8.

Счастливы Греки и Римляне предъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хощя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинь сквозь дымъ, сквозь звуки въ опдаленныхъ вѣкахъ слышанъ громкой гласъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносишь ихъ кучно съ опечесвомъ. Послѣдовавшіе поздныя попомки, великою древностію и разстояніемъ мѣспъ опдѣленные, внимающъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одоземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ чипаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Капилину? Возможно ли внимашъ Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему Опечесву опъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедрошою Великія Ея Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не

дадутъ никогда припши въ упадокъ Россійскому слову. Спанутъ чипапъ самые опдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣка, и равно, какъ мы, чувспвоватъ сердечныя движенія. Какъ не бытъ нынѣ Виргиліамъ и Гораціамъ? Царспвуетъ Августа Елисавета; имѣемъ знашныхъ и Меценату подобныхъ предспашелей, чрезъ ходашайспво копорыхъ Ея отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художеспвъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселипша своимъ симъ украшеніемъ, и показываесп оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеспву своего основателя, на бодрое копораго попеченіе и усердное предспашельспво швердую надежду полагаютъ Россійскія Музы о высочайшемъ покровишельспвѣ.

П И С Ь М О
О П Р А В И Л А Х Ъ
РОССІЙСКАГО СТИХОТВОРСТВА. (*)

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Ода , копорую вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное естъ , какъ полько превеликія оныя радости плодъ , копорую непобѣдимѣйшія нашея МОНАРХИИИ преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбуждала. Моя продерзость васъ неискуснымъ перомъ упруждашь полько опъ усердныя къ отечеству и его слову любви происходишь. Подлинно , что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ лучше бы мнѣ молчать было. Од-

(*) Изъ нѣкопрыхъ мѣсць письма сего видно, что Авторъ писалъ его въ скорости по сочиненіи оды на побѣду надъ Турками и Ташарами, шо естъ 1739 года. Оно еще нигдѣ не напечатано было. Мнѣ для внесенія въ его сочиненія сообщено изъ Санктпетербурга. Примѣч: издателя.

нако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распроспраженію и исправленію Россійскаго языка и мое въ семъ неискусство и въ Россійскомъ стихословствѣ недовольную способность извинишь, а доброе мое намѣреніе за благо примешь, дерзнулъ я наималяйшій сей мой прудъ купно со слѣдующимъ *о нашей версификаціи вообще разсужденіемъ* вашему предложіи искусству. Не приспраспіе меня къ сему понудило, чтобы большее искусство имѣющимъ правила давалъ, но искреннее усердіе заставило опъ васъ самихъ научишься, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю, и по копорымъ донынѣ, стихи сочиняя, поступаю. И шакъ, начиная оное, вамъ мои государи, предлагаю, прежде крапко объявлю, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется бытъ сіе: Россійскіе стихи надлежитъ сочиняшь по природному нашего языка свойству, а шого, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносишь.

Вшорое, чѣмъ Россійской языкъ изобилень, и чпо въ немъ къ версификаци угодно и способно, того, смопря на скудоспъ другой какой нибудь рѣчи, или на небреженіе въ оной находящихя спихопворцевъ, не опнимапъ, но какъ собспвенное и природное упопробляпъ надлежипъ.

Третіе: понеже наше спихопворспво шолько лишь начинается; шого ради, чшобы ничего неугоднаго не ввесли, а хорошаго не оспавипъ, надобно смопрѣшпъ, кому и въ чемъ лучше послѣдовапъ.

На сихъ прехъ основаніяхъ ушверждаю я слѣдующія правила :

Первое, въ Россійскомъ языкѣ шѣ шолько слоги долги, надъ копорыми спойпъ сила; а прочіе всѣ крапки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываешъ. Того ради совсѣмъ худо и свѣйспву Славенскаго языка, копорой съ нынѣшнимъ нашимъ немного разнишя, прошивно учинилъ Смоприцкій, когда онъ е, о, за коропкія; а, і, ѵ, за общія; и, ѳ, ѱ, съ нѣкопорыми двугласными и со всѣми гласными, чпо предъ двумя или многими согласными спояпъ, за долгія почель. Его, какъ изъ

перваго параграфа его просодіи видно, обманула Матѣея Сприковскаго. Сармашская Хронологія; или онъ, можешь бышь, на сихъ Овидіевыхъ`спихахъ ушверждался: de Ponto Lib: IV. Eleg: 13.

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poetæ
Inter inhumanos nomen habere Getas.

Ежели Овидій, будучи въ ссылкѣ въ Томахъ, .спариннымъ Славенскимъ, или Болгарскимъ, или Сармашскимъ языкомъ спихи на Латинскую спашь писалъ: но опкуду Славенскія Грамманики Авшору на умъ пришло долгоспъ и крашкоспъ слоговъ совсѣмъ Греческую, а не Латинскую приняшь, не вижу. И хошя Овидій въ своихъ спихахъ по обыкновеңію Латинскихъ спихопворцевъ спѳцы, и, сколько изъ сего Гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi.
ididem.

заклучишь можно, двоесложныя и просеосложныя въ героическомъ своемъ поэмашъ упошреблялъ: однако шоль високаго разума пища, не надѣюсь, что шакъ погрѣшилъ, чшобы ему долгоспъ

и крапкость слоговъ, Лапинскому, или Греческому языку свойственную, въ онѣе стихи ввеси, копорые онъ на чужомъ и весьма особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древній оной языкъ опъ нынѣшняго нашего не очень былъ различенъ: то употреблялъ оспроумный шопъ стихохворецъ въ стихахъ своихъ не иные, какъ шолько шъ за долгіе слоги, на копорыхъ акцентъ спойшъ, а прочіе всѣ за крапкіе. Слѣдовашельно гексаметры, употребляя вмѣсто Спандеевъ для ихъ малоспи Хореи, шѣмъ же образомъ писалъ, копорымъ слѣдующія Россійскія сочинены:

Щаслива красна была весна, все лѣшо пріятно;
Только мушился песокъ, лишь бѣлая пѣна
кипѣла.

А пеншаметры :

Какъ обличаешь, смощри больше свои на дѣла.
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся шого подошнушь.

**А не шакъ, какъ Славенскія Грамматики
Авторъ:**

Сармашски новорасшныя Музы спощу первую
Тщашуюся Парнасъ во обшель вѣчну зашши,
Хршше Царю, пршма и благоволи въ шобѣ съ
ощцемъ и проч.

Сии стихи колю Славянскаго языка свойству прошивны, всякъ видѣшь можешъ, кпо оной разумѣшь. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочипашъ, въ копорыхъ всѣ односложныя слова за долгія почишающся. Причина сего всякому Россіянину извѣсна. Кпо будешъ просягашь единосложные союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣспоименія и нарѣчія, споя при другихъ словахъ, свою силу шеряюшь, на примѣрь : за сто лѣшь ; подъ моспъ упалъ ; реветъ какъ левъ ; что пы знаешъ? По оному Королларію, въ копоромъ сіе прѣвило щасливо предложено, сочиненные стихи, хопя бытъ гексаметрами, въ испые и изрядные, изъ Анапестовъ и Хореевъ состоящіе, пеншаментры попали, на примѣрь :

— — — — —
Невозможно сердцу, ахъ! не имѣшь печали.

По моему мнѣнію наши единосложныя слова иныя всегда долги, какъ : Богъ, храмъ, свящъ ; иныя крапки, на примѣрь союзы : же, да, и ; а иныя иногда крапки, иногда долги, на примѣрь : на морѣ, по году, на волю, по горѣ.

Второе правило : во всѣхъ Россійскихъ правильныхъ стихахъ , долгихъ и короткихъ , надлежитъ нашему языку свойственныя стопы опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя употреблять . Оныя каковы бытъ должны , свойство въ нашемъ языкѣ находящихъ словъ оному учить . Доброхотная природа какъ во всемъ , такъ и въ оныхъ довольное Россіи дала изобиліе . Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство , такъ что въ наши стихи безъ всякаго нужды двосложныя и просложныя стопы внести , и въ томъ Грекамъ , Римлянамъ , Нѣмцамъ и другимъ народамъ въ версификаціи правильно поступающимъ послѣдовать можемъ . Не знаю , чего бы ради инаго наши гексаметры и всѣ другіе стихи съ одной стороны такъ запереть , чтобы они ни больше , ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли ; а съ другой такую волю дать , чтобы вмѣсто Хорея свободно было положить Ямба , Пиррихія и Сpondeя , а слѣдовательно и всякую прозу стихомъ называть , какъ только развѣ послѣдуя на рѣзъ кончающимся

Польскимъ и Французскимъ спрочкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ Московскія школы изъ Польши принесено, никакого нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можеть. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, которыхъ о правильномъ порядкѣ пѣхъ же шворцы не радѣють? Французы, которые во всемъ хопяшь напурально поступать, однако почти всегда проливно своему намѣренію чиняшь, намъ въ помъ, что до стихъ надлежитъ, примѣромъ бытъ не могутъ: понеже надѣясь на свою фантазію, а не на правила, поль криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеивають, что ни прозой, ни стихами назватъ не лзя. И хопя они шакъ же, какъ и Нѣмцы, могли бы стѣпы употреблять, что сама природа иногда имъ въ роуь кладеть, какъ видно въ первой спрофѣ оды, которую Боало Детро на сдачу Намура сочинилъ :

*Quelle docte et sainte yvresse,
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc.*

Однако нѣжные пѣ господа на по не смопръ, почти одними приемами себя

Д`

довольствуюсь. Пристойнымъ весьма символомъ Французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подѣ видомъ нѣкошорья женщины, кошорая сугорбившись и раскарячившись, при музыкѣ играющаго на скрипицѣ Сапиратанцуесть. Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ непокомо бодростию и героическимъ звономъ Греческому, Лапинскому и Нѣмецкому не уступаесть; но и подобную онимъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣшь можешь. Сіе поль долго пренебреженное счастье, чшобы совсѣмъ въ забвеніи не оспалось, умыслилъ я наши правільные стихи изъ нѣкошорыхъ опредѣленныхъ споль сосставляшь, и оль шѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ шрехъ языкахъ обыкновенно, онимъ имена дашь.

Первой родъ стиховъ называю *Ямбическимъ*, кошорой изъ однихъ шолько Ямбовъ соспоишь :

— — — — —
Бѣлѣшь будшо снѣгъ лицомъ.

Вшорой *Анапестическимъ*, въ кошоромъ шолько одни Анапесты находяшся:

Начертанъ многократно въ бѣгущихъ
волнахъ.

Третій изъ *Ямбовъ и Анапестовъ смѣшаннымъ*, въ кошоромъ по нуждѣ, или произволенію, посавлены бышь могушь, какъ случишся.

Во пищу себѣ червей хвапашъ.

Четвертый *Хорейтескимъ*, кошорой одни Хореи соспавляюшь :

Свѣшь мой, знаю, чпо пылаешъ.

Мнѣ моя не служишь доля.

Пятой *Дактилитескимъ*, кошорой изъ единыхъ только Дактилей соспоишь :

Вьешся кругами змя по правѣ обно-
вившись въ разсѣлинь.

Шестой изъ Хореевъ и Дактилей смѣшаннымъ, гдѣ по нуждѣ, или по изволенію шу и другую упошребляшь можно спопу.

Ежелъ боишся, кпобъ не спалъ бышь си-
лень безмѣрно.

*

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ Гексаметровъ, сполькожь родовъ *Пентаметровъ*, *Тетраметровъ*, *Триметровъ* и *диметровъ*, а слѣдовательно всѣхъ шринадцать родовъ.

Неправильными и вольными стихами пѣ называю, въ которыхъ вмѣсто Ямба, или Хорея можно Пиррихія положить. Оныя стихи упошребляю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ бытъ надлежитъ. Напримѣръ въ семь стихъ вмѣсто Ямба положенъ Пиррихій:

Цвѣтны румянецъ умножайше.

А здѣсь вмѣсто Хорея:

Солнцева сеспра забыла.

Хорея вмѣсто Ямба и Ямба вмѣсто Хорея въ вольныхъ стихахъ упошребляю я очень рѣдко, да и по ради необходимости нужды, или великія скорости: понеже они совсѣмъ другъ другу пропивны.

Что до *цезуры* надлежитъ, оную, какъ мнѣ видится, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ упошреблять и

оставлять можно. Долженствуешь ли она въ нашемъ гексаметрѣ для одного только опдыху быть неопмѣнно, по можешь разсудишь всякъ по своей силѣ. Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставить позволено, кто однимъ духомъ принацпши слоговъ прочишашь не можешь. За наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скоростъ и шихостъ дѣйствія и соспоянія всякаго приспраспія изобразить наиспособнѣйшіе, оныя стихи почишаю, которые состояшъ изъ Анапестовъ и Хореевъ.

Чисныя Ямбическіе стихи хотя и прудновато сочиняшъ; однако поднимаяся шихо въ верхъ, матерія благородство, великолѣпіе и вышосу умножающъ. Оныхъ вигдѣ не можно лучше употребляшъ, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моей нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ Хореевъ и Дактилевъ составленные стихи къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффектовъ, скорыхъ и шихихъ дѣйствій бышъ видяшся. Примѣръ скорого и яраго дѣйствія:

Бревна кашайше на верхъ, каменья и горы валяше,
Лѣсъ бросайше, живучей выжавъ духъ, задавише.

Прочіе роды стиховъ, разсуждая по
соспоянію и важности матеріи, шакъ же
очень приспойно употреблять можно, о
чемъ подробну упоминашь для крапко-
сти времени оспавляю.

Третье : Россійскіе стихи красно и
свойшвенно на *мужескія, женскія, и*
три литеры гласныя въ себѣ имѣющія
Риѣмы, подобныя Италіанскимъ, могутъ
кончиться. Хотя до сего времени поль-
ко одни женскія Риѣмы въ Россійскихъ
стихахъ употребляемы были, а мужес-
кія и опъ шрепяго слога начинающія-
ся заказаны; однако сей заказъ шоль
праведень и нашей версификаціи шакъ
свойшвенъ и природень, какъ ежели
бы-кшо обѣими ногами здоровому чело-
вѣку всегда на одной скакашь велѣлъ.
Оное правило начало свое имѣеть, какъ
видно, въ Польшѣ, опкуда пришедъ въ
Москву, нарочито вкоренилось. Неосно-
вательному оному обыкновенію шакъ ма-
ло можно послѣдовать, какъ самимъ
Польскимъ Риѣмамъ, копорыя не мо-
гутъ иными быть, какъ шолько жен-
скими: понеже всѣ Польскія слова, вы-

ключая нѣкопорыя односложныя, силу надъ предпоследнемъ слогѣ имѣють. Въ нашемъ языкѣ поль же довольно на послѣднемъ и прешемъ, жоль надъ предпоследнемъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находилъ: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякія причины самовольную нищету перигать, и полько одними женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу, проегласныхъ усремленіе и высоту ославлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія Риемы поль смѣшны и подлы были, чшобы ихъ полько въ комическомъ и сапирическомъ стихѣ, да ишо ещереѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы святѣе на прим. сіи женскія Риемы: *красовуляхъ, ходуляхъ*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ, высокъ*, были? по моему мнѣнію подлость Риемъ не въ томъ состоитъ, чшо онѣ больше или меньше слоговъ имѣють; но чшо оныхъ слова подлое или простое чшо либо значать.

Четвертое: Россійскіе стихи также къ спашу красно и свойственнo сочетаваться могутъ, какъ и Нѣмецкіе. Понеже мы *мужескія, женскія и трехгласныя*

риемы имѣть можемъ; по услаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна оныя межъ собою перемѣшивашь при-спойно велишь; что я вочши во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто одни женскія Риѣмы упо-преляетъ, сочешаніе и перемѣшка стиховъ спранны кажутся; однако ежелибы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное поль же приапно и красно, какъ въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужская Риѣма предъ женскою не показала, какъ дряхлой, черной и деваносполѣпней спарой Араць прѣдъ наипоклоняемою, наинѣжною и самымъ цвѣтвомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя спрофы изъ моихъ стиховъ въ примѣръ споць и сочешанія. Темраметры изъ Анапестовъ и Ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардился,
 Вылепаетъ вспылчиво хищный вспокъ,
 Глаза кровавы, самъ вершился;
 Удара не сносишь Сѣверъ въ бокъ,

Господство даетъ своему побѣдителю,
 Пресильному водъ морскихъ возбужителю.
 Свои шопъ зыби на прежни возводишь,
 Являешь полношь силъ своей,
 Что южной спраной владѣешь всей,
 Индйски быспро оспрова проходишь.

Вольные восплавающеіе Тетраметры :

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
 Однако съ нимъ любовь моя.
 Хошь я не самъ шоя причина,
 Люблю Миршилу, какъ себя.

Вольные падающеіе Тетраметры :

Нимфы около насъ кругами
 Танцовали поючи,
 Всплескиваючи руками,
 Нашей искренней любви
 Веселяся, привѣчали,
 И цвѣшамъ насъ вѣчали.

Ямбическіе Триметры :

Весна тепло ведѣшь,
 Пріятной Западь вѣшь,
 Всю землю солнце грѣшь;
 Въ моемъ лишъ сердцѣ лёдъ,
 Грусь прочъ забавы бѣшь.

Но, мои государи, опасаяся, чтобы
 неважнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ
 очень долго не наскучишь, съ покорнымъ

прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мой предложенныя о *Россійской версификаціи мнѣнія* нашему языку не свойственны и непристойны, меня извинишь. Не съ инымъ какимъ намѣреніемъ я сіе учинишь дерзнулъ, какъ полько чпобы оныхъ благосклонное иоправленіе, или безпристрастное подкрѣпленіе для большаго къ Поэзіи поощренія опъ васъ получить. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюся.

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Вашъ покорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

О Д Ы
Д У Х О В Н Ы Я.

О Д А І.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА І.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣщъ не ходитъ,
Не хочешь грѣшнымъ въ сѣдѣ спупашъ,
И съ шѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣсцѣ засѣдашь. (1)

Но мысль и волю (2) подвергаешь
Закону Божію во всемъ,
И почто (3) оный наблюдаешь
Во всемъ печеніи своемъ.

Какъ древо онъ распространился,
Что близъ текущихъ водъ расцветъ,
Плодомъ своимъ обогатился,
И листь его не опадеть.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смяшущся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

-
- (1) Въ согласныхъ мысляхъ засѣдашь.
(2) Но волю шокмо.
(3) И сердцемъ.

И шакъ злодѣи не возстанушъ
Предъ Вышняго Творца на судъ,
И праведны не вспомянушъ
Въ своемъ соборѣ ихъ опниюдъ.

Господь на праведныхъ зриаешъ,
И ихъ въ души своемъ хранишъ;
Ошъ грѣшныхъ взоръ свой опаращаешъ,
И злобный душъ ихъ погубишъ.

О Д А И.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14.

Господи! кто обижаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ побоею населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣсць?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду всегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ почто,
Какъ языкомъ говоритъ.

Кто устами льститъ не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хищникъ съшей не спешаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душою правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дашь сребро спыдишься,
Мзды съ невинныхъ не берешь.
Кто на свѣтъ пакъ жить щипишься,
Тотъ во вѣки не падешь.

*

О Д А Ш.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 26.

Господь спаси пель мнѣ и свѣтъ^{*} :

Кого я убоюся?

Господь самъ жизнь мою блюдетъ :

Кого я успрашуся ?

Чшобъ въ (1) злобъ плоть мою пожратъ ,
Противны усшремились .

Но злой навѣтъ (2) хошя начашъ ,
Упадши, сокрушились .

Хошь полкъ противъ меня возшпанъ ;
Но я не ужасаюсь .

Пускай враги воздвигнутъ брань ;
На Бога полагаюсь .

Я шолько опъ Творца прошу ,
Чшобъ въ храмъ его вселишься ;
И больше въ свѣтъ не ищю ,
Какъ въ ономъ веселишься .

Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня Онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣнилъ ,
Какъ злые окружали .

(1) Во злобъ .

(2) Совѣтъ .

Возвысилъ Онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жершву приноса, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ;
Къ Тебѣ я прибѣгаю.

Я къ (1) свѣшу швоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И ошъ всещедраго Творца
Приемлю лучъ вседневный.

Ошъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не опшрашися;
Да въздешъ предъ Тебя мольба,
И въ гнѣвъ укрошися.

Меня оставилъ мой ошець
И машъ еще въ младеншвѣ;
Но восприялъ меня Творецъ,
И даль жишъ въ благоденшвѣ.

Насшави, Господи, на пушь
Свяшнымъ швоимъ закономъ,
Чшобъ врагъ не могъ поколебнушь
Крѣпящагося въ ономъ.

(1) Ко свѣшу.

Меня въ сей жизни не опшдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницею покрывай
Опш клеветашей ложныхъ.

Я чаю видѣшь на землѣ
Всевышняго щедробы
И не лишишья шикола
Владычнїя доброты.

Ты сердце духомъ укрѣпись,
О Господѣ мужайся,
И бѣдшвиємъ не колеблїсь,
На Бога полагайся.

О Д А IV.

Преложение псалма 34.

Суди обидящихъ, Зиждишеть,
И ошь борющихся со мной
Всегдашній буди покровишеть,
Васшупникъ и спасишеть мой.

На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружіе и щипь,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда прошивникъ мнѣ грозишть.

Сдержи спременение гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ:
Увѣрь въ напасяхъ обшоящихъ,
Чшо я въ покрывіи швоемъ.

Гонишеля да посшядяшся,
Чшо ищущъ зла души моей,
И съ срамомъ вспянь да возвращаюшся,
Смушившися въ памяти своей.

Да сильный гнѣвъ швой злыхъ возшишишть,
Какъ бурнымъ вихремъ легкой прахъ;
И Ангель швой да не защишишть,
Бѣгущимъ (1) умножая спрахъ,

(1) Бѣгущихъ

Да помрачнѣхся пущь ихъ мглою,
Да будешь ползокъ и разрышь,
И Ангель мспящею рукою
Ихъ въ слѣдъ гоня, да успрашишь.

Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбишь за злобу ихъ,
Чшо на меня ярься (1) напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.

Глубокій, мрачный ровъ злодѣю,
Въ пущи да будешь сокровень;
Да будешь съшїю своею,
Чшо мнѣ поспавиль, удовлень.

Душа моя возвеселихся
О покровишелъ своемъ,
И радосшїю ободрихся
О заспуленїи швомъ.

Съ Тобою кто себя сравняешь?
Всѣ кости, Боже мой, гласяшь;
Твоя власшь сильныхъ сокрушаешь,
Чшо бѣдныхъ разшерзаешь кошяшь.

Уже свидѣтели возспали
Неправедные на меня,
И спыдъ оставивъ, вопрошали
О шомъ. чего не знаю я.

(1) Чшо зяся на меня.

Наносяшь мнѣ вражду и злобу,
Чтѣшь пѣмъ мнѣ за добро воздашь,
И бѣдной духъ мой и ушробу
Досадой и шоской перзашь.

Но какъ они ослабѣвали ;
Тогда вспомь я и мольбой
Смирять себя, дабы воспали
Противники мои въ покой.

Какъ брату своему я шцился,
Какъ ближнимъ, такъ имъ угождашь.
И съшуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ держашь.

Они однако веселяшся,
Какъ видяшь близъ мою напасшь,
И на меня согласно зляшся;
Гошова ровъ, гдѣ мнѣ упасшь.

Смященный духъ во мнѣ перзаетъ,
Моимъ паденьемъ льспя себя;
Смѣюшся, нагло укоряюшь,
Зубами на меня скрыпя.

Доколя, Господи, безъ гнѣву
На злосшь ихъ будешь Ты зриашъ ?
Не дай, же дай Ты львову чреву
Живошь мой до конца пожрашь !

Во храмъ возвѣщу великомъ
Преславную хвалу швою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При шьмахъ народа воскою,

Не дай врагамъ возвеселишься
Неправедной враждой своѣй,
Не дай презоршвомъ возгордишься
И помизаніемъ очей.

Хошь мирныя слова вѣщали,
И ласковъ видъ казали внѣ;
Но въ сердцѣ злобу умышляли,
И сѣши соплѣтали мнѣ.

Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно спали восклицашь,
Смѣяшьяся, челюсть расширяя:
Намъ радостно на то зриашь!

Ты видѣль, Господи, ихъ мерзость:
Ошмши и злымъ не сперши,
Ошмши безсовѣстную дерзость,
И опъ меня не ошмшуй.

Возспани, Господи Зиждишель,
Взойди на швой свяшый прешоль;
И буди нашей при рѣшишель,
Спаси опъ несшерпимыхъ золь.

Подвигнись правдою свяшою ,
Суди насъ , Господи , суди ,
Не дай имъ поругаться мною ,
Суди , и мнѣ не снисходи .

Не дай имъ въ злобѣ похвалишься ,
И мнѣ въ ругательствѣ сказаешь :
О какъ въ насъ сердце веселился ,
Чшо мы могли его пожрать !

Посрамлены да возмѣянушся ,
Чшо ради злымъ моимъ бѣдамъ ;
И съ верхъ главы да облекушся
Мои прошивны въ спудъ и въ срамъ .

Но шѣмъ дай вѣчную награду ,
Чшо оправдашь меня хошаяшь ;
Взирая на мою оспраду ,
Великъ Господь нашъ , говоряшь .

Языкъ мой правдѣ поучишся ,
И истиннѣ свяшой швоей .
Тобой мой духъ возвеселишся ,
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней .

О Д А V.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 70.

Въ Тебѣ надѣжду полагаю,
Всесильный Господи, всегда;
Къ Тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся ошъ снуда.

Свяпою правдою швоею
Избавь меня ошъ злобныхъ рукъ;
Склонись молишвою моею,
И сокруши коварныхъ лукъ.

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ спремящихся враговъ,
И брешной сей и шлѣнной груди
Сшѣна, защита и покровъ.

Спаси меня ошъ грѣшныхъ власши.
И прешупившихъ швой законъ,
Не дай мнѣ въ чешюспи ихъ впасши
Зілющи со всѣхъ шпоронъ.

Въ шершѣни моемъ, Зиждиптель,
Ты былъ ошъ самыхъ юныхъ дней
Помощникъ мой и покровишель,
Приспанище души моей.

Ошь чрева машерня Тобою
И ошь ушробы крѣплень,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ Тебѣ возжень.

Враги мои чудяся, смѣюшся,
Чшо я кругомъ объяшь бѣдой:
Однако мысли не мяшущся,
Когда Господь заспушникъ мой.

Превозносишь швою державу
И воспѣвашь на всякой часъ
Великолѣпіе и славу
Ошь успшь да ушпредишся гласъ.

Во время старосши глубокой,
О Боже мой! не опспуши;
Но крѣпкой мышцей и высокой
Увидши члены укрѣпи.

Враги, кошорые всечасно
Погибели моеи кошпашь,
Уже о мнѣ единогласно
Между собою говоряшь.

Погонямъ: Богъ его оспавиль;
Кого онъ можешь преклонишь?
Ошь насъ бы кшо его избавиль?
Теперь пора его губишь.

О Боже мой! не удалися,
Покрой меня рукой своей,
И помощь низпослашь пощиси
Объяшой злому душѣ моей.

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузяшя,
Кощорыя мнѣ ищущь зла;
Да на главу ихъ обращаешя
Коварства, плевы и худа.

Надѣжду крѣпку несомнѣнно
Въ Тебѣ единомъ положу,
И прославляя безпремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

Отъ успѣ моихъ распроспраняшя
О истиннѣ швоей хвала,
Благодѣяній слухъ промчяшя,
Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.

Твою я крѣпость, Вседержишель,
Повсюду стану прославляшь;
И что Ты мой былъ покровишель,
Во вѣки буду воспоминашь.

Тобою, Боже, я насцавлень
Хвалишь Тебя отъ юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославлень
Черезъ весь Тобой созданный свѣтъ.

Доколь дряхлосшь обращаешь
Не возбранишь моимъ усшамъ,
Твоя въ нихъ крѣпосшь прославяешь
Грядущимъ будешь всѣмъ родамъ.

Твоя держава возвѣспишя
И правда мною до небесъ;
О Боже, кто тебѣ сравнишя
Великимъ множествомъ чудесъ?

Ты къ пропасши меня посшавилъ,
Чшобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обращаешь избавилъ
И опъ глубокихъ безднъ возвелъ.

Щедрошу Ты свою прославилъ,
Меня ушѣнишь восшопѣлъ,
И скоро обращаешь избавилъ,
И опъ глубокихъ безднъ возвелъ,

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу швою,
И на шпрунахъ моихъ всечасно
Твои щедрости воспую.

Успя моя возвеселяшя,
Когда возвышу голосъ мой,
И купно чувствя насладишя
Души спасенныя Тобой.

Еще языкъ мой поучишя
Твои хвалиши правошя,
Коварныхъ сила поспыдишя,
Кошоры ищупъ мнѣ бѣды.

•

О Д А VI.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 143.

Благословенъ Господь мой Богъ,
Мою десницу укрѣпивый
И персы въ брани научивый
Сопрѣшь враговъ взнесенный рогъ.

Заспунникъ и спасишель мой,
Покровъ и милосшь и опрада,
Надѣжда въ брани и ограда,
Подъ власшь мнѣ дадь народъ свяшой.

О Боже! что ешь человекъ?
Что Ты ему себя являешь,
И шакъ его Ты почишаешь,
Кошораго шоль крашокъ вѣкъ.

Онъ ушро, вечеръ, ночь и день
Во щещинныхъ помыслахъ проводишь;
И шакъ вся жизнь его проходишь,
Подобно какъ пусшяя шѣнь.

Склони, Зиждишель, небеса,
Коснись горамъ, и воздымашся,
Да паки на земли являшся
Твои ужасны чудеса.

Часть I.

2

И молніей швоей блесни,
Рази ошь спранъ гремящихъ спрѣмъ,
Разсыпь враговъ швоихъ предѣмъ,
Какъ бурей плены разлени.

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязь глубокой,
Ты съ шверди длань просшири высокой,
Спаси меня ошь многихъ водъ.

Въщаешъ ложь языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Успя обильны суешою;
Скрывающъ въ сердцѣ злобный ковь.

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десятишь спрунъ шебѣ согласно,
Псалмы и пѣсни приношу.

Тебѣ Спасишелю Царей,
Чшо крѣпоспью меня прославиль,
Ошь люшаго меча избавиль,
Чшо врагъ вознесъ рукой своей.

Избавь меня ошь хищныхъ рукъ
И ошь чужихъ народовъ власши;
Ихъ рѣчь полна шщещы, напасши,
Рука ихъ въ насъ наводишь лукъ.

Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣшаютъ,
Одѣждой дщери ихъ блискаютъ,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

Пшеницы полны гумна ихъ,
Несчетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ пажитяхъ хранятся
Спада въ правѣ воловъ шолсыихъ.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ,
Вездѣ столпами укрѣпленныхъ,
Тамъ вопля въ спогнахъ нѣтъ смѣшенныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ шамъ времянь.

Щаслива жизнь моихъ враговъ!
Но шѣ свѣщѣе веселятся,
Ни бурь, ни громовъ не боятся,
Кошорымъ Вышній самъ покровъ.

О Д А VII.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 145.

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Пощиися, духъ мой, воссылашь:
Я буду пѣшь въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дышашь.

Никшо не уповай во вѣки
На щещену власшь Князей земныхъ;
Ихъ шѣшь родили человеки,
И нѣшь спасенія ошь нихъ.

Когда съ душою разлучашся,
И шѣнна площь ихъ въ прахъ падешъ:
Высоки мысли разрушашся
И гордосшь, ихъ и власшь минешъ.

Блаженъ шощъ, кто себя вручаешъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И шокмо въ помощь призываешъ
Живущаго на небесахъ.

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту
И непоспигжими дѣлами
Земли и моря широщу.

Творящаго на смѣльныхъ нищу
По истиннѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіюшь.

Господь оковы разрѣшаешь
И умудряешь оныя слѣпцовъ,
Господь упавшихъ возвышаешь,
И любишь праведныхъ рабовъ.

Господь пришельцевъ сохраняешь,
И вдовъ приемлешь и сиротъ.
Онъ дерзскій грѣшныхъ путь скончаешь,
Въ Сионѣ будешь въ родъ и родъ.

О Д А VIII.

Преложение псалма 103 (*).

Да хваляшь духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

Одѣяя чудной красошой,
Зарей божественнаго свѣща,
Ты звѣзды распроспери безъ счеша
Шашру подобно предъ собой.

Покрывъ водами высошы,
На легкихъ облакахъ восходишь;
Крилами вихрей шумъ наводишь,
Когда на нихъ лещаешь Ты.

И воли швоея послы,
Какъ усшремленія воздушны,
Всесильнымъ маниемъ послушны,
Текушь, горящъ, не знаа мгла.

(*) Сей псаломъ взятъ изъ I часши Академиче-
скаго изданія, гдѣ онъ, ошмысканъ будучи ме-
жду оспавшимися рукописями послѣ Г. Ло-
моносова неполной, въ первой разъ былъ
напечатанъ. Не преложено псалма сего еще
19 спиховъ.

Ты землю твердо основалъ ,
И для надѣжныхъ окрѣпы
Недвижны положилъ заклёпы,
И вѣчну непреклонностьъ даль.

Ты бездною ея облекъ ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходишь, спущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождаешся и снѣгъ.

Ихъ воля швой единый взглядъ,
Опъ запрещенія мушашся,
И въ шучи усшрашася шѣснашся;
Лишь грянешъ громъ швой, внизъ шумашъ.

Восходяшъ горы въ высокошу,
Крупныя спавишь шы спремнины,
И спелешъ злачныя долины,
Угрюмшвомъ множа красошу.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ ,
Чшобъ землю скрышъ не обрашислсь,
Ничѣмъ бы внизъ не преклонилсь,
Опричъ швоишъ безмѣрныхъ силъ.

Изъ горъ въ долины льешъ ключи,
И прокладашъ шѣмъ опъ зноя ;
Журчашъ для сладкаго покоя,
Между горами шекучи.

И напаяють всѣхъ звѣрей,
Что окреститъ селъ себя пишающихъ,
Онагрѣ ждутъ, какъ въ жаждѣ шающихъ,
Ошрады ошъ руки швоей.

Слешаясь шамо цшицы въ шѣнь,
Возносяшъ пѣніе и свисшы,
Живяшъ вершепы каменисшы,
И шѣмъ проводяшъ жаркой, день.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣхъ живущихъ насыщаешь,
Свидѣтелей швоимъ дѣламъ.

Расшишь въ поляхъ шправу для шпадъ;
Тамъ разны зѣлія въ пошребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу;
Щедрошою ко всѣмъ богашъ.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпишь,
Намъ масло члены умягчаешь,
Вино въ печали ушѣшаешь,
И сердце радосшью живишь.

Древамъ даешь обильный шукъ,
Поля вѣнчаешь ими, щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
могущесшвомъ всесилныхъ рукъ.

О Д А IX.

ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ІОВА глав: 38. 39.
40 и 41.

О пы, что въ горесни напрасно
На бога ропщешь, человекъ!
Внимай, коль въ ревносни ужасно,
Онъ къ Іову изъ дщучи рѣкъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блиспал,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебаль,
И шакъ его на распрю зваль.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, спшой и дай опвѣсть.
Гдѣ былъ пы, какъ я въ спройномъ чинѣ
Прекрасный сей успроилъ свѣсть,
Когда я швердь земли посшавиль,
И сонмъ небесныхъ силъ прославиль
Величешво и власшь мою?
Яви премудрость пы свою!

Гдѣ былъ пы, какъ передо мною
Безчисленны пымы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширосни безмѣрныхъ мѣспъ

Мое величество вѣщали,
Когда ошь солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Спремисься далѣ не велѣлъ?
Покрышую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Ошкрылъ и разогналъ шумань,
И съ суши сдвигнулъ океань?

Возмогъ ли шы хощя однажды
Велѣши ранѣй ушпру бышь,
И нивы въ день шомящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоишь,
Пловцу способный вѣпрѣ направишь,
Чпобъ въ ирисшани его поспавишь,
И шыгошу земли шрякнушь,
Дабы безбожныхъ съ ней солкнушь?

Сшремнинами пушей шы разныхъ
Прощель ли моря глубину,
И счель ли чудъ многообразныхъ
Сшадя ходящія по дну?

Ошверзались ли передъ шобою
Всегдашнюю покрывши шмою (1)
Со спрахомъ смершныя враша?
Ты сперель ли адовы уша?

Спѣсня вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрытьъ,
И воздухъ огуспишь прозрачный,
И молнію въ дождѣ родишь,
И вдругъ быспрошекущимъ блескомъ
И горь сердца шрясуцимъ шрескомъ
Концы вселенной колебашъ
И смершнымъ гнѣвъ свой возвѣщашъ?

Твоей ли хипростью взлешашъ
Орель, на высопу паря,
По вѣпру крила просшираешъ,
И смошришь въ рѣки и моря?
Ошъ облакъ видишь онъ высокихъ
Въ водахъ и пропасняхъ глубокихъ,
Чшо я ему на пищу даль. (2)
Толь быспро око (3) пыль создалъ?

Воззри въ лѣса на Бегемоша,
Чшо мною сошворень съ шобой;
Колочей шернь его охоша
Безвредно попирашь ногой.

(1) Мглою.

(2) Чшо въ пищу я ему послалъ.

(3) Ты ли даль.

Какъ веревн сплешенн въ немъ жилы:
Ошвѣдай шм своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ лишая мѣдъ:
Кшо можешь рогъ его сошрѣшь?

Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вышянушь на брегъ?
Въ срединѣ самой Океана
Онъ быспрый просшираешъ бѣгъ;
Свѣщящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щипами,
Конье и мечъ и молонъ швой
Щипашешъ за просшникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣешъ,
И зубы спрашный рядъ серповъ:
Кшо руку въ нихъ вложишь посмѣешъ?
Всегда къ сраженью онъ гошѡвъ;
На оспрыхъ камняхъ возлегаешъ,
И швердосшь оныхъ презираешъ,
Для крѣпосши великихъ силъ
Щипашешъ ихъ за мягкой иль.

Когда ко браши усшремилшя,
То море какъ кошель кипищъ,
Какъ печь горшанъ его дммишя,
Въ пучинѣ слѣдъ его горишь,

Сверкають очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ раскаленный:
Всѣхъ сильныхъ онъ спрашиваетъ, гоня:
Кипо можешь спать прошивъ меня?

Обширнаго громаду свѣша
Когда устроишь я хопѣль,
Просилъ ли швоего совѣша
Для множесшва шолкикихъ дѣль?
Какъ перешъ я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создаши человекъ;
За чѣмъ шогда шы не сказала,
Чшобъ видѣ иной шебѣ я даль?

Сіе, о смершныи, разсуждая,
Предсшавъ Зиждшелеву власшъ;
Свшую волю почишая,
Имѣй свою въ шерпѣньи часшъ.
Онъ все на пользу нашу спроишь,
Казнишь кого, или покоишь.
Въ надѣждѣ шягошу сноси,
И безъ рошпанія проси.

О Д А Х.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣщило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла опшкрыло;
Мой духъ съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ шоль лучамъ,
Предспавъ, каковъ Зиждишпель самъ!

Когда бы смершнымъ шоль высоко
Возможно было, возлешѣшь,
Чшобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣшь;
Тогдабъ со всѣхъ опшкрылся, спранъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огнениы валы спремьяшся
И не находяшъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крушьяшся,
Борющись множесшво вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипяшъ,
Горящи шамъ дожди шумяшъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ побой одна.
О коль пресвѣпшая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты шворишь намъ повелѣлъ!

Опъ мрачной ноци (1) свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему опкрылись
Исполнены швоихъ чудесь.
Тамъ всякая взываешъ плошь:
Великъ Зиждишель нашъ Господь!

Свѣпило дневное блиспаешъ
Лишь шолько на поверхность шѣль;
Но взоръ швой въ бездну проникаешъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Опъ свѣпности швоихъ очей
Лиешся радосшь шваря всей.

Творецъ, покршпому миѣ шмою
Проспри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда швориши научи,
И на швою взирая шварь,
Хвалишь Тебя, безмершый Царь.

(1) Ночи.

О Д А Х I.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна (1) шѣнь;
Лучи ошъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ шонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь мыслями ушомленъ!

Уша премудрыхъ намъ гласишь:
Тамъ разныхъ множесиво свѣповъ;
Несчетны солнца шамъ горяшь;
Народы шамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божешва
Тамъ равна сила ешпешва.

(1) Чорна.

Но гдѣжь, Натура, швой законъ?
Съ подночныхъ спранъ вспаешъ заря!
Не солнцель спавипгъ шамъ свой шронъ?
Не льдиспыль мещупъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрыль!
Се въ ночь на землю день вступиль!

О вы, кошорыхъ быспрый зракъ
Пронзаешъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Кошорымъ малый вещи знакъ
Являешъ еспіесива успавъ,
Вамъ пушь извѣспенъ всѣхъ планешъ,
Скажише, чшо насъ шакъ мяшешъ?

Чшо зыблешъ ясный нощью лучъ?
Чшо шонкій пламень въ швердь разишь?
Какъ молнія безъ грозныхъ шучъ
Спремишся ошъ земли въ зенишь?
Какъ можешъ бышь, чшобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ спориптъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестяшь,
Склонясь сквозъ воздухъ къ намъ гусшой;
Иль шучныхъ горъ верхи горяшь,
Иль въ морѣ душь преспалъ зефиръ,
И гладки воды бьюшь въ эфиръ.

Часть I.

3

Сомнѣній полонъ вашъ ошѣпъ
О помъ, чпо окрестъ ближнихъ мѣсць:
Скажишежъ, коль проспраненъ свѣпъ?
И чпо мадѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ шварей вамъ конецъ:
Скажишежъ, коль великъ Творецъ?

О Д Ы
П О Х В А Л Ь Н Ы Я .

О Д А І.

Блаженныя памяти Государынь
Императриць АННѢ ІОАННОВНѢ на
повѣду надѣ Турками и Татарами
и на взятіе Хотина 1739 года.

Воспоргъ внезапный умъ пѣнилъ ,
Ведеть на верьхъ горы высокой ,
Гдѣ въспрь въ лѣсахъ шумѣшь забылъ ,
Въ долинь пишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчишь,
Копорой завсегда журчишь
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ спремился;
Лавровъ вьющся шамъ вѣнци,
Тамъ слухъ спѣчишь во всѣ концы;
Далече дымъ къ поляхъ куриши.

Не Пиндъ ли подѣ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сеспръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку посиѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды :
Испей и всѣ забудь шруды ;
Умой росой Каспальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ проспери,
И духъ свой къ нѣмъ спранамъ впери,
Гдѣ всходишь день но шемвой ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнь среди,
Копорья хошящъ покрыши,
Бѣжишь, срывая съ нихъ верьхи,
Прѣшишь съ пущи себя склониши;
Съдая пѣна вкругъ шумишь;
Въ пучинѣ слѣдъ его горишь;
Къ Россійской силѣ пакъ спремящся,
Кругомъ объѣхавъ шьмы Ташаръ;
Скрываешь небо конскій паръ!
Чтожь въ шомъ? спремглавъ безъ душъ валящся.

Крѣпипь опечесшва любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаешь всякъ пролишь всю кровь,
Ошь грознаго бодрисся звуку.
Какъ сильный левъ спада волковъ,
Что кажупь оспрыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонишь спрахомъ?
Ошь реву лѣсь и брегъ дрожишь,
И хвостъ песокъ и пыль мушишь,
Разишь, извишписъ сильнымъ махомъ.

Не мѣдъ ли въ чревѣ Эшны ржешь,
И съ сѣрою кипя, клочкочешь?
Не адъ ли шяжки узы рвешь
И челюспи раззинушь хочешь?
То родъ опшверженной раби,

Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Мешалль и пламень въ доль бросаешь,
Гдѣ въ шрудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Черезъ быспрой шокъ на огонь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябъ
Дымъ, пепель, пламень, смерть рыгаешь,
За Тигръ, Шамбуль, своихъ заграбъ,
Что камни съ береговъ сдираешь:
Но чтобъ орловъ сдержашъ полещъ,
Такихъ препонъ на свѣшъ нѣшь;
Имъ воды, лѣсъ, бугры, спремнины,
Глухія степи равень пушь:
Гдѣ шолько въшры могушь душъ,
Проспуянтъ (1) шамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Поншь прясешь,
Пускай вездѣ громады спонунтъ,
Премрачный дымъ покروعъ свѣшъ,
Въ крови Молдавски горы шонунтъ:
Но вамъ не можешь шо вредишь,
О Россы, васъ самъ рокъ покрышь
Желаешь для щасливой АННЫ.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быспро проходишь сквозь Татаръ,
И пушь опшворенъ вамъ проспранный.

(1). Доспуянтъ.

Скрываешь лучь свой въ волны день,
Оспавивъ бой ночнымъ пожарамъ ;
Мурза упалъ на долгу шѣнь ;
Взялъ купно свѣтъ и духъ Ташарамъ ;
Изъ лъвъ гусныхъ выходишь волкъ
На блѣдный шрупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю,
Закрой, кричишь, багряной видъ,
И купно съ нимъ Магмешовъ спмъдъ,
Спустишь послѣшно съ солнцемъ къ морю.

Чшо пакъ шѣснишь боязнь мой духъ ?
Хладѣюшь жиламъ, сердце ноешъ !
Чшо бешъ за спранный шумъ въ мой слухъ ?
Пусыня, лѣсъ и воздухъ воешъ !
Въ пещеру скрылъ свирѣпшво звѣрь ;
Небесная опверзлась дверь ;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ ;
Омышымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ Герой ошкрылся.

Не сей ли при Донскихъ спруяхъ
Разсыпалъ вредни Россамъ шѣни ?
И Персы въ жаждущихъ снепяхъ
Не сямъ ли пали пораженни ?
Онъ пакъ взиралъ къ своимъ врагамъ,

Какъ къ Гошескимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возноскалъ десницу;
Такъ быспрый конь его скакалъ,
Когда онъ шѣ поля шопшалъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувсивуя приходъ Пешровъ,
Дубравы и поля препенцуютъ.
Кшо съ нимъ шолъ грозно зришь на Югъ,
Одѣянь спрашнямъ громомъ вокругъ?
Никакъ смиришель спранъ Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при насъ
Селима гордаго пошрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ шуть Герой:
„Не щещепно я съ шобой шрудился,
Не щещепенъ подвигъ мой и швой,
Чшобъ Россовъ цѣлой свѣшъ спрашился.
Черезъ насъ предѣль нашъ спалъ широкъ
На Сѣверъ, Западъ и Восшокъ.
На Югъ АННА шоржесшивуешь,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.,,
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зришь ихъ око, слухъ не чуешь.

Крушишь рѣка Тапарску кровь,
Что прошекала между ними;
Не смѣя въ бой пусшиться вновь,
Мѣспами врагъ бѣжилъ пусшными,
Забывъ и мечъ и спанъ и спыдъ,
И предспавляешь спрашнй видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже шрахнувшись, легкй листъ
Спрашишь его, какъ ярый свисъ
Быспро сквозь воздухъ ядръ лешащихъ.

Шумишь съ ручьями боръ и доль:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что опъ меча уполъ,
Боишся собспвеннаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна спыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Лешаешь слава въ шемъ ночной,
Звучишь во всѣхъ земляхъ шрубой:
Коль Росская ужасна сила!

Вливаясь въ Поншъ, Дунай ревешъ,
И Россовъ плеску опивѣщаетъ,
Ярься, волнами Турку лешъ,
Что спыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщешъ какъ пронзенный звѣрь,

И чаешь, что уже пеперь
Въ послѣдній разъ заносишь ногу ;
И что земля его носишь
Не хочешь, что не могъ покрышь.
Смуцаешь мракъ и страхъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба пивоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на Сѣверны края ?
Стамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ спустишь,
Насъ пошчасъ чаялъ побѣдишь;
Яничаръ пивой свирѣпо злился,
Какъ шигръ на Россій полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мершеъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ заился.

Цѣлуйше ногу шу въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала;
Цѣлуйше руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой АННЫ грозный взоръ
Оспраду дашъ просящимъ скоръ ;
По спиральной ступѣ возсіеши,
Къ себѣ повинносшь вашу зря,
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнъ и милосшь обѣщаешь.

Злашпой уже денницы (1) перспь
Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами;
Опъ вспока скачешъ по спу верспь,
Пуская искры конь ноздрами,
Лицемъ сіяешъ Фебъ на помъ;
Онъ пламеннымъ попрясь верхомъ;
Преславно дѣло зря, дивишся:
„Я мало шаковыхъ видаль
Побѣдъ, коль долго я блиспаль,
Коль долго кругъ вѣковъ кашипся.,,

Какъ въ клубъ змія себя крупипшь,
Шипишь, подъ камень жало кроешъ,
Орель когда шумя лешипшь,
И шамъ паришь, гдѣ въшрь не воешъ;
Превыше молній, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видишь, рыбъ, гадовъ.
Предъ Росской шакъ дрожишь орлицей,
Спѣсняешъ виупрь Холинъ своихъ.
Но что? въ спѣзнахъ ли можешь снхъ
Предъ сильной успояшь Царицей?

Кшо скоро шоль шебя, Калчакъ,
Россійской учишь вдашся власпи,
Ключи вручишь подданшва въ знакъ,
И большей избѣжашъ напаспи?
Правдивой Аннинь гнѣвъ велишь,

(1) Десницы.

Что падшихъ передъ ней щадишь :
Ея взошли и шамъ оливы ,
Гдѣ Вислы шокъ , гдѣ славный Рень ,
Мечемъ прошивникъ гдѣ смиренъ ,
Извергли духъ сердца кичливы .

О какъ красуются мѣста ,
Что иго люшо низложили ,
И что на Туркахъ шягоша ,
Кошорую ошь нихъ носили ;
И варварскія руки шѣ ,
Что ихъ держали въ шѣсношѣ ,
Въ полонъ уже несущѣ оковы ;
Что ноги узами звучашѣ ,
Кошоры для ошгнашѣ спашѣ
Чужи поля шолшашѣ гошовы !

Не вся швоя шупъ , Порша , казнѣ ,
Не шакъ шебя смиряшѣ досшойно ,
Но большу нанесши боязнѣ ,
Что жишѣ намъ не дала спокойно .
Еще высокихъ мыслей спрасшѣ
Прешшшѣ шебѣ предѣ АННОЙ пасшѣ ?
Гдѣ можешѣ шш ошь ней укрышѣся ?
Дамаскъ , Каиръ , Алеппъ сторишѣ ;
Обспавяшѣ Росскимъ флосшомъ Крипшѣ ;
Евфрашѣ въ швоей крови смушшшся .

Чинить премьну что во всемъ?
Что очи блескомъ проникаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ.
И дневну яснысь превышаетъ?
Героевъ самыу весель кликъ!
Одѣянь въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣзды вѣчнось вноситеъ круги;
И правда взявъ перо злато,
Въ неплѣнной книгѣ пишетеъ то,
Вѣлики коль Ея заслуги!

Висшійство, Пиндаръ, успеъ пивохъ,
Тягчаебъ Оивы обвинили,
За шѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Авинъ :
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣшетеъ подъ Анниной державой.
Въ Кишайскихъ чинупъ ее спѣнахъ,
И свѣшъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

Россія, коль счастлива пы
Подъ сильнымъ Аннинимъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ шоржеспивованьи новомъ!
Военныхъ не спрашися бѣдъ:

Бѣжишь ошпуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ АННУ прославляешь.
Пусишь злобна зависишь ядъ свой льещь,
Пусишь свой языкъ, ярьсь, грмзещь,
То наша радости презираешь.

Козацкихъ полъ за Днѣспрской пашь
Разбишь, прогнанъ, какъ прахъ развѣняъ,
Не смѣешь больше ужъ шопшашь,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянь.
Безбѣдно ѣдешъ въ пушь купецъ,
И видишь край волнамъ пловець,
Нигдѣ не зналъ, памвя, препяшшва.
Красуется великъ и малъ;
Жишь хочешъ вѣкъ, кпо въ гробъ желалъ;
Влекушь къ шому шоржесивъ изрядшва.

Паспѣухъ снада гоняешъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходишь,
Припедъ, овецъ пасешъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводишь;
Солдашску храбросишь хвалишь въ ней,
И жизни часишь блажишь своей,
И вѣчно шишини желаещъ
Мѣспамъ, гдѣ шоль спокойно спишь;
И Ту, чшо опъ враговъ хранишь,
Проспимъ усердьемъ прославляешь,

Любовь Россіи; спрахъ враговъ ,
Страны полночной Героиня ,
Седми просшранныхъ морь береговъ
Надѣжда, радость и богиня,
Велика АННА; Ты добрость
Силешъ свѣшомъ и щедрость ,
Просши, что рабъ швой къ громкой славъ
Звучишь, что крѣпость силъ швоихъ
Придашь дерзнулъ некрасной спихъ
Подданства въ знакъ Твоей державѣ.

О Д А П.

НА ПРИБЫТИЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУ-
ДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЪ 1742 ГОДА ПО КОРО-
НАЦИИ.

Какой припшой Зѣфиръ вѣешь,
И нову силу въ чувства льешь?
Какая красота яснѣешь?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечешь?
Мы славу дщери зримъ Пешровой,
Зарей шоржесшвъ свѣщицу новой.
Чѣмъ ближе ша сіяешь къ намъ,
Мрачнѣе ночь 1) грозить врагамъ.
Брега Невы руками плещушь,
Брега Бошнѣйскихъ водъ шрепещушь.

Взнесись 2) превыше молній, Муза,
Какъ быспрый съ Пиндаромъ орель 3);
Гремящихъ арфъ ищи союза,
И въ верьхъ пари скорѣ спрѣль;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;

1) Ночь.

2) Взлещи.

3) Какъ Пиндаръ быспрый швой орель.

Превысь Парнасъ высокимъ шпономъ ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ шоржеспивень ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пущынныхъ родм.

Дерзай спуцишь на сильны плечи
Апланшскихъ къ небу смежныхъ горъ ;
Внушай свои вселенной рѣчи ;
Блюдясь спуцишь свой въ доли взоръ ;
Надъ шучи онымъ просширайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ въ слѣдъ.
Но ею весь просширанный свѣтъ
Наполненный спрашася чудишся :
Какъ въ спихъ возможно ей вмѣспишся ?

Однако шы и шѣмъ щасшавъ,
Чшо щцишся 1) похвалы вспѣвашъ
Всея земли красы и дива,
И шѣмъ красу себѣ снискашъ.
Ты швердъ оспавъ, о древня лира,
Взнесенна басньми къ верьху міра :
Моя число умножишь звѣздъ,
Возвысившись до горникъ мѣспъ
Парящей славою 2) Орлицы,
Прявъ ошъ Росцкой свѣтъ Денницы.

1) Имя воспѣвашъ.

2) Славой вознесенна

И новымъ блескомъ освѣщенна.

Священный ужасъ мысль объемлетъ ;
Опшверзь Олимпъ всесильный дверь ;
Вся шварь со многимъ спрахомъ внемлетъ ,
Великихъ зря Монарховъ дочерь ,
Огнь вѣрныхъ всѣхъ сердець избранну ,
Рукою Вышняго вѣнчанну ,
Стоящу предъ Его лицемъ ,
Копору въ свѣтѣ онь своемъ
Прославивъ , щедро къ ней взираешъ ,
Завѣшь крѣпиль и утѣшаешъ .

„Благословенна вѣчно буди ,
Вѣщаешъ Вешкій деньми къ ней ,
И всѣ швои съ шобою люди ,
Чшо вѣрмь власни Я швоей ;
Твои любезныя доброши
Влекушъ къ себѣ мои щедроши .
Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ шворецъ ,
Но нынѣ паки имѣ ошець :
Души швоей крошчайшей сила
Мой гнѣвъ на крошесшь преложила .

„Ушѣпгилъ я въ печали Ноя ,
Когда пошпопомъ мѣръ казнилъ ,
Дугу посшавилъ въ знакъ покоя ,
И шюю съ нимъ завѣшь чинилъ .
Хошѣлъ Россію бѣдъ водою .

И гнѣвною казнишь грозою;
Однако для заслугъ твоихъ
Пробавилъ милосшъ въ людяхъ сихъ;
Тебя поспавилъ въ знакъ завѣща
Надъ знашнѣйшею часшью свѣща

„Мой образъ чпяшь въ шебѣ народы
И опъ меня влѣянный духъ;
Въ безчисленны промчипся роды
Доброщъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поспавлю судъ правдивый,
Тобой сопру сердца кичливы,
Тобой я буду злосщъ казнишь,
Тобой заслугамъ мзду даришь;
Господствуй ушверженна мною,
Я буду завсегда съ шобою.“

Но что спраны вечерни пмяшся,
И дождь кровавыхъ каплей льющъ?
Что Финскихъ рѣкъ спруи дымяшся,
И долы съ влагой пламень пьюшъ?
Тамъ видя выше горизонша
Всходяща Гошеска Фаешонша
Пропивъ шеченія небесь,
И вокругъ себя горящій лѣсъ,
Тюмень въ брегахъ своихъ мушипся,
И воды скрышь подъ землю шципся.

Прешающимъ окомъ Вседержитель
Возрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ :
„О дерзкій мира нарушилъ!
Ты мечъ прошивъ меня извлекъ ;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто можешь спастъ со мною въ спорѣ?
Моя десница мещетъ громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю ;
Я самъ Россію защищаю.“

Но Вышній зракъ свой отвращаешь
Опъ Гопешскихъ ослѣпленныхъ спранъ,
И шѣмъ продержосшь ихъ смущаешь,
Трясешь полки ихъ, Флотъ и спанъ ;
Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонишь
И древъ верхи высоки клонишь.
Богинѣ Росской громъ вручилъ,
Чѣмъ заосишь разишь пропивныхъ силъ :
„Прими разженны къ месши спирѣмъ,
Разсыпъ враговъ своихъ предѣлы.“

Спокогольмъ глубокимъ сномъ покрывшій,
Проснись, познай Пешрову кровь ;
Не жди льщепцовъ своихъ защиты,
Ошринь коварну ихъ любовь ;
Ты всеу солнце почишаешь,

И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй ЕЛИСАВЕТИНЪ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь:
Его мягчишь одна покорность,
Остришь кичливая упорность.

Примѣры храбрости Россійской
Предсказъ миссера въ умъ своемъ;
Возри на Донъ и край Поншійской.
Смиранный мстищельнымъ огнемъ.
Тамъ сшепи кровью напоены
Враспили 1) лавры намъ зелены;
Багрова пламя земля шрслась,
И къ небу съ дымомъ пылъ вилась;
Россіянь швердо грудь спокла,
И слава ихъ во мглѣ блисцада.

Свою Полшавску вспомни рану,
Что знашь еще къ груди швоей,
И гордость при Днѣпрѣ пошранну
И многій плачь швоихъ людей,
За Обскія брега вселенны,
Хребшомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власишь
Велику держишь вшпока часишь,
Гдѣ орды ей собирають дани,
По ней всегда гошовы къ брани.

1) Родили.

Какъ лишь рѣкамъ не льзя къ вершинѣ
Противъ крушизы водъ своихъ,
И силы взяшь огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ ввесиши людей своихъ.
Орамъ на шое не взираюшь,
Чшо львовы челюсти зѣлюшь.
Вошце швой хищрѣй былъ совѣщъ:
Россію самъ Господь блюдешь;
Рукою Онъ ЕЛИСАВЕТЪ
Противныхъ разрушишь навѣщы.

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство шечешъ,
И сильной крѣпосшью своею
За лѣсъ и рѣки Гопшесовъ жмешъ.
Огня ревущаго удары
И свисшъ опшъ ядръ лешащихъ ярѣй
Сгущенный дымомъ воздухъ рвушь,
И шяжкихъ горъ сердца шрясушь,
Уже мрачншся свѣщъ полдневнѣй,
Повсюду видъ и служъ плачевнѣй.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваюшь къ небу прахъ гущей,
Тамъ смершъ межъ Гопшескими полками
Бѣжишь, ярасъ, изъ шпроя въ шпрой,
И адчну челюсть опшверзаешъ,

И хладны руки проспираешъ,
Ихъ гордый испоргая духъ,
Тамъ тысящи валяшея вдругъ.
Но ешьли хочешъ видѣшь ясно,
Коль Росско войнштво ужасно :

Взойди на брегъ крушой високо.
Гдѣ кончишся землею поншъ ;
Проспри свое чрезъ воды око ,
Коль много обнялъ горизоншъ ;
Внимай, какъ югъ пучину давишъ,
Съ пескомъ мушишъ , зыбъ на зыбъ спавишъ ,
Касаешся морскому дну,
На сушу гонишъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаешъ ;
Такъ Россъ прошивныхъ низлагаешъ.

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плушонъ, являя гнѣвъ и власшъ,
И ешьли градъ пому чудился,
Чшо Курцій, видя мрачну пасшъ,
Презрѣлъ и младосшъ и породу,
Погибъ за Римскую свободу,
Съ развѣду въ оную скочивъ ;
То ей, Квиришны, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, чшо безъ спраху
Чрезъ огонь и рви шечешъ съ размаху.

Всякъ мнишь, что равень онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную Эгиду
Носи, враговъ своихъ спрашивъ;
Пронзаешь, рвешь и разсѣкаешь,
Противныхъ силу презираешь.
Смѣсившись съ прахомъ, кровь кипишь;
Здѣсь племъ съ глазоу, шамъ шрупъ лежишь,
Тамъ мечъ съ рукоу отбишь валишься.
Коль злоба жестоко казнишься!

Народы, нынѣ научишься,
Смотри на спрашну гордыхъ казню,
Союзы разрушаешь блюдишься,
Хранишь искренню пріязню;
На множество не уповайше
И шѣмъ Небесъ не раздражайше:
Мечи, щипы и крѣпости спѣнь
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и шѣнь:
Предъ нимъ и горы исчезающъ,
Предъ нимъ пучины иссыхающъ.

Бѣжишь въ свой пупъ съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполнъ,
Слупаешь по вершинамъ спрогимъ,
Презрѣвъ глубоко дне долинь,
Вьешь воздухъ вихремъ за собою;

Подъ сильною его пяшою
Кремнистые бугры прещашъ,
И слѣдомъ дерева лежашъ,
Что множеству вѣковъ спояли,
И бурей яросшь презирали.

Такъ Флотъ Россійскій въ понышъ держашъ,
Такъ роешъ онъ поверхъ валовъ ;
Надменна бездна уступашъ,
Спеша онъ шягосши судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшишь сѣдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносишь Гошеамъ спрахъ великъ ;
Уже надежду опшвергаюшь,
И въ мглаъ свой флотъ и спыдъ скрываютъ.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою,
Какъ Апшасъ держишь цѣлой свѣтъ,
И море сильною рукою
И полной власшью въ узакъ жмешъ ;
Что швердъ съ собой въ союзъ свяжешъ,
И вспяшь ниши лунъ укажешъ ?
Однако родъ Россійскій зналъ,
И мысленно шогда взиралъ,
Когда онъ спшалъ на насъ грозитъся,
Какъ онъ бѣжишь, какъ насъ спрашитъся !

На нивахъ жашву оспавляешъ
Опъ месши усшрашнный Финь,
И съ горь оцъпенѣвъ зриаешъ
На дымъ всходящій изъ долинь,
На мечъ на Гошеовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ возпаленный;
Тамъ ночью опъ пѣжаровъ день,
Тамъ днемъ въ пмалъ ношная шѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣешъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣешъ.

Но колмы и дрва скачите,
Ликуйте множесшва озеръ,
Руками рѣки восплецише,
Пешрополь буди вамъ примѣръ:
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходишь,
Оспраду съ шищиной приводишь,
Любя вселенныя покой,
Уже просшершой вамъ рукой
Даруешъ мирныя оливы,
Щадишь велишь луга и нивы.

Хошь съ вамибъ, Гошемъ, къ намъ досшигали
Пошци западъ бысприны,
Хоши бы вы на насъ воздвигали
Союзны ваши всѣ спраны;
Но шщесшны быдѣбъ всѣ походы:

Незнаемые вамъ народы,
Что далъ Сѣвера живушь,
Того по всѣ минуши ждущъ,
Что имъ велишь ЕЛИСАВЕТА,
Готшвы спашъ прошиву свѣша.

О слава жень во свѣшѣ славныхъ,
Россіи радоспѣ, спирахъ враговъ,
Краса Владѣшельницъ державныхъ!
Всякъ кровь свою пролишь готшвъ
За многія швои доброшвы
И къ подданнымъ швоимъ щедрошвы.
Твой слухъ плѣнилъ и шѣхъ людей,
Что спранспивуюшъ среди звѣрей,
Что съ люпшми пасушся львами;
За чесш швою возмшанушъ съ нами.

Твое прехвально имя пишешъ
Неложна слава въ вѣчномъ лѣдѣ,
Всегда гдѣ хладный Сѣверъ дышешъ,
И шолько вѣрой шепль къ тебѣ;
И спени въ зноѣ опдаленны
Къ тебѣ любовію возженны
Еще усерднѣ горящъ:
Къ тебѣ ошъ вспочныхъ спранъ спѣшашъ
Уже Американски волны
Въ Камчатшской поршѣ веселья полны.

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
Веселья больше, нежели водъ,
Что видѣли судовъ Россійскихъ
Противъ враговъ щасливый ходъ.
Коль радостень женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскій понизъ въ швоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ успяхъ рѣкъ, въ губахъ
Играя, Нямфы въюшъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
Тебѣ воспѣвая 1) дѣсни новы.

О чистый Невскій шокъ и ясный,
Щасливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ,
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь шеперь ошъ спруй своихъ,
Спремись, шуми, шеки обильно,
И бысприной швоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше успраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна злая.

Какъ люпный мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являютъ ясны дни сцранамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,

1) И воспѣвающъ.

Нашуру намъ возобновляешь,
Поля цвѣтами красишь вновь:
Такъ нынѣ милосѣ и любовь,
И свѣтлый дщери взоръ Пепровой
Насъ жизнью оживляешь новой.

Какая бодрая дремоша
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горишь во мнѣ охоша
Торжественный возвысишь шонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блискаешь,
И купно ясный день сіяешь!
То сердце сильна власнь спраганишь,
То крошосць оное живишь;
То бодросць спрахъ, шо спрахъ шу клонишь,
Противна спрасишь противну гонишь!

На Западъ смопришь грознымъ окомъ,
Сквозь дверь небесну духъ Пепровъ,
Во гнѣвъ сильномъ и жестокомъ
Пресупныхъ онъ мяшешъ враговъ.
Богиня кропко съ нимъ зриаешь
На Невскій брегъ, и проспираешь
Свой персць на дщери свою съ высоць:
Возря на образъ швой и плодь,
Чшо всѣ дѣла швой воспавишь,
И въ свѣтъ шѣмъ себя прославяишь.

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои распусть,
Вѣщаетъ Пётръ къ Екатеринѣ;
Твои совѣты всѣ цѣвѣшушь;
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ нею.
Блаженъ пошъ годъ, пошъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ ея намъ на успѣху
И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху.

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ спинономъ возрыдаешь,
Въ угрюмыхъ кроющихся лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вождѣльный,
И гласъ возносящъ къ ней смиренный;
Преспанъ прекрасный вѣкъ мрачишь,
И Фински горы кровавишь:
Се царшвуешь ЕЛИСАВЕТА,
Да миръ подасишь предѣламъ свѣта.

Хопя швои махины грозны,
Но сплавлю ихъ въ сваянный видъ,
Чтобъ знали впредь пошомки позны,
Что нынѣ свѣтъ Россіи зришь.
Я вящши учиню премѣны,

Когда градовъ 'проспранны спѣны
Безъ пагубы людской сопру,
Въ огромные спѣллы сберу;
Превыше будущъ пѣ Мемфійскихъ
Монарховъ славою Россійскихъ.

Мечи швои и копыя вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;
Пребудушъ всѣ поля безбѣдны,
Опвергнувъ люшу власшъ швою:
На мѣстѣ брани и раздора:
Цвѣтшъ свои рассыплещъ Флора.
Разишъ не будещъ сѣрншй прахъ
Сквозъ воздухъ, огонь и смершъ въ полкахъ,
Но озаривъ веселы ночи,
Восхишишъ зрящихъ духъ и очи.

Еще пѣненна мысль мушишся!
Я слышу спихошворцевъ шумъ,
Копормъ жаръ не погасишся,
И будещъ чпунцихъ двигашъ умъ;
Зависшно на меня взирая,
И съ жалоспю въздыкая,
Ко мнѣ возносяшъ скорбншй гласъ:
О коль пѣы щаспливѣ насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ:
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

На что бы вымышлялъ намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когдабы было намъ возможно -
Рожденнымъ въ Росской быль спранѣ
Въ сіе благословенно время,
Въ кошорое Пешрово сѣмя,
Всѣхъ женъ хвала ЕЛИСАВЕТЪ
Сладчайшій Музамъ вѣкъ даешъ.
Въ ней зряшся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты.

Что шоль пріятный сонъ смущаешъ,
Воспоргъ пресладкій гонитъ прочь,
И что спокойну брань скрываетъ,
И опвращаешъ ясну ночь?
Возносишь Вспокъ и Западъ клики!
Согласно разные языки
Гласяшь къ Монархинѣ своей:
Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь швои дражайши льща
Къ опрадѣ и зацшишь свѣта.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красошой,
Тогда бы жершвой почищали
Прекрасный въ храмѣ образъ швой.
Чтошожъ будущіе скажутъ роды?

Часть I. .

5

Покрышы кораблями воды
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
Великій ПЕТРЪ намъ даль блаженство,
ЕЛИСАВЕТА совершенство.

Цѣлуй, Пешрополь, шу десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ всегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣши опъ жажды паюшъ;
Не такъ способныхъ въпродъ ждешъ
Корабль, что въ шихій порпъ плывешъ,
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице ея сіяло.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй пѣмъ шворцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будущъ въ вѣкъ хранишь
Дѣла Пешровой дщери громки,
Что спанушъ поздны чешъ пошѣмки.

О Д А Ш.

НА ПРИВЪТІЕ ИЗЪ ГОЛСТИНИИ И НА
ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАря ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1742
ГОДА ФЕВРАРЯ 10 ДНЯ.

Дивишся нинѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Чшо опъ напастей злыхъ спасенна
Россія зришь конецъ бѣдамъ;
И чшо уже ЕЛИСАВЕТА
Злашмя въ ону вводишь лѣша,
Избавивъ опъ насильныхъ рукъ.
Красуюшся Пешровы спѣны, ¹
Чшо къ нимъ его приходишь внукъ
Прекрасной АННОЙ днесъ рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всецедрыи нашъ Творецъ
Возспавиль намъ Пешрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ,
Ужь съ радосшью любовь согласно
Вездѣ ликуюшь безопасно.
Всего народа весель шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ возводишь,
И мой опрады полный умъ
Восхишивъ пѣмъ, въ восшоргъ приводишь.

*

Воинскій звукъ осплавъ, Беллона,
И, Марсь, вложи свой шумный мечъ,
Чшобъ спройносшь праздничнаго шона
И Музь поющихъ нынѣ рѣчь
Едина громко разносилась,
И съ нашей радостью сравнилась;
Чшобъ воздухъ, море и земля
ЕЛИСАВЕТУ возглашали,
И купно съ ней Пепра хваля,
Моей бы лирѣ подражали.

Богиня, коея державу
Обьяшь не могутъ семь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣспишь вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Пепра
Какъ Феникса воскресла нынѣ;
Дражайшая швоя сеспра
Жива въ своемъ любезномъ смнѣ.

О коль велика добродѣшель
Въ Пепровыхъ дняхъ цвѣшеть!
Коль славень Сѣвера владѣшель
Въ шебѣ, Россія, возрастеть!
Онъ ради двоюго блаженства

Даровъ достигнешь совершенства:
И счастье бѣгъ останоуишь
Любовью оныхъ восхищенно, ●
Союзъ съ шобою ушвердишь,
И вѣчно будешь непремѣнно.

О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Пешрова кровь,
Къ тебѣ горишь уже издавна
Россiанъ искрення любовь!
Пешрополь по тебѣ перзался,
Когда съ шобою разлучался
Еще въ зачатiи швоемъ.
Сердца жалънемъ закипѣли,
Когда годъ держимъ кораблемъ
Балшійски волны побѣдили.

Какъ мать спенаньемъ и слезами
Крушишся о сынѣ своемъ,
Что онъ прошивными вѣпрами
Ошгнанъ живешь въ краю чужемъ,
Она минушы всѣ счищаешь,
На брегъ по всякой часъ зриаешь;
И просишь щедры небеса:
Россiя шакъ тебя желала,
И чрезъ пучину и лѣса
Усердны мысли просширала.

Но нынѣ радости умножаешь
Желанный нами пивой приходи;
И крошосишь ~~и~~ба обѣщаешь
Возвысишь пѣмь Россійскій родъ.
Спикии сами предъявляюшь,
Чего всѣ Россы ожидаюшь.
Здѣсь шеплымъ воздухъ повѣвалъ
Съ любовью нашею согласно;
Весну пріятну предвѣщавъ,
Какъ ждали мы себя всечасно.

Колякой славой днесъ блиспаешь
Сей градъ въ прибышии пивоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаешь
Въ проспранномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняешь плескомъ,
И ноци пѣму оиъемлешь блескомъ.
Ахъ еспылибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ шебѣ горяща мысль ошкрылась;
Тобѣ мрачна ноцъ оиъ сихъ ушѣхъ
На вѣчной день перемѣнилась!

Намѣспница Всевышней власши,
Чшо родомъ, духомъ и лицемъ
Восходишь выше смертныхъ часши,
Прехвальна, совершенна всѣмъ,
Въ кошорой всѣхъ даровъ изрядшшо,

Съ величешвомъ цвѣшеть пріятешво,
Кому возможно описашь
Твои доброты всѣ подробну?
Какъ развѣ только указашь
Въ Пешрѣ природу въ шомъ подобну.

Но спѣшно шоль куда возводишь
Внезапно мой пламенный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводишь
Превыше Фессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю сполщу,
Рукою опрока держащу
И всѣ спраны полночны съ нимъ.
Украшена кругомъ звѣздами
Разишь перуномъ внизъ своимъ,
Гони прошивносши съ бѣдами.

И вѣчношь предешоипъ предъ нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Клянешся небомъ и землею
О щасшѣ будущихъ родовъ,
Что къ Россамъ будешь непремѣнно,
Пешровой кровью ушвержденно.
Ошверзлась дверь, не видѣнь край,
Въ просшранствѣ заблуждаешъ око,
Цвѣшеть въ Россіи красной рай,
Просшертъ во всѣ спраны широко,

Млеко́мъ и медомъ напоенны
Тучнѣюшъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣюшся злачныя луга:
Съ полудни вѣешь духъ смиренный,
Черезъ плодъ земли благословенный:
Ушихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣешь шишина полями,
Спокойство царствуешь въ градахъ,
И миръ просперся надъ водами.

Увидѣвъ времена злая
Среди градовъ своихъ и сель,
Гласишь спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣлъ:
Тебѣ я подданныхъ нишаю,
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ шую за себя пролишь.
Ахъ, чтобы къ удивленью свѣша
Изволилъ Вышній утвердилъ
Пресполь Пешровъ чрезъ вѣчны лѣша!

О Д А IV.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ТЕОДО-
РОВИЧА 1743 ГОДА.

Уже враша опшверзало лѣшо;
Нашура спавишь общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣшо;
Колелешь въшъви шихъ Зефиръ,
Объемлешь мягкій лугъ крылами;
Крушиица чистый шокъ полями;
Брега пишаешь шучный иль;
Древа и цвѣшь покрылись медомъ;
Ведешь своимъ довольшнво слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣшилъ.

Но о небесь пресвѣшло око,
Веселыхъ дней прекрасный царь!
Какъ наша радость, вспань высоко,
Пролей чистѣйшій лучъ на шварь,
Въ прекраснѣю облекись порфиру,
Явись великолѣпнень міру,
И въ новомъ блескѣ вознесись,
Въ злашую сѣдши колесницу,
Въ зенишь всшупи, прѣшедъ границу,
Поздиѣ¹⁾ въ Океанъ спустиись.

1) И позже.

И шѣмъ \ почши Пешрова внука,
Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
Горишь ошъ радостнаго звука,
Копорый въ нашъ внушаешь слухъ
Младаго шумъ орла паряща,
И предкамъ въ слѣдъ взлещѣшь слѣща,
На миръ возрѣшь, искашь побѣдъ.
Онъ выше буръ и шучь промчнша,
Прошивъ перуновъ ополчнша,
Однимъ обозришь взглядомъ свѣтъ.

Какой веселый ляхъ приходишь?
Се вѣчношь ошъ проснранныхъ нѣдръ
Великій рядъ вѣковъ приводишь,
Въ нихъ будешь жишь Великій Пешръ
Тобой, Великій Князь Россійскій.
Въ Тебѣ весь Нордъ и край Асійскій
Воскресшу прежню чпишь любовь.
Какъ въ гробъ лице Пешрово скрмлось,
Въ сей день веселья солнце шмилось;
Но днесь шобою свѣшишь вновь.

Тебѣ Россія вся опкрмла,
Кленущисъ Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣшь шамла,
Чшо мнѣ доспоишь жишь шобой;
Мнѣ полдень съ ушромъ вдругъ всшупаешь,

Весна цвѣтши и плодъ являешь
Въ возлюбленной душѣ швоей.
Но грудь пронзиптъ народовъ льспивныхъ
Ужасный лучъ, въ полки прошивныхъ
Блиспая изъ швоихъ очей.

Возвысипся какъ кедръ высокій
Надъ сильныхъ всѣхъ швоя глава;
Ты какъ змию попрешь пороки,
Пяшой насшупишь шы на льва.
Твоими самъ Господь усшами
Завѣшь во вѣкъ посшавишь съ нами;
И крѣпче Мавришанскіихъ горъ
Твои плещи Пешромъ скрѣпленны
И силой свшше облеченны
Надѣждный будущъ намъ подпоръ.

Просшрешь свои державны длани,
Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
Покажешь мечъ и шпрахъ въ день брани
Подобно какъ швой дѣдъ въ полкахъ:
Премудрость сядеть въ судъ въ шобою,
Изгонишь лещъ и ковъ съ хулою;
И мужещцо швой чресла
Скрѣпишь для общей нашей чещи,
Защипишь насъ къ прошивныхъ мещи,
Дабы изшоргнушь корень зла.

Подъ инну Трою вновь приступишь
Россійскій храбрый Ахиллесъ,
Продерзкій мечъ враговъ пришупишь,
Хвалою взойдешь къ верьху небесъ.
Ошрада пойдешь въ слѣдъ ошрадѣ
И плески плескамъ вѣсшь дадушъ:
Господь щедрошы въ насъ пробавишь,
И больше насъ шобой прославишь,
Какъ съ шренешомъ враги падушъ.

Мой духъ шечешъ къ предѣламъ свѣша,
Ошошой храбрыхъ дѣлъ пѣвнень,
Въ восшоргѣ зришь грядущи лѣпа
И грозный древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верьхъ дымишся!
Тамъ Наввинъ, иль Сампсонъ спремещя!
Текутъ струи Евфрански вспишь!
Онъ Тигровъ челюшни шерзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велишь лунѣ и солнцу спашъ.

Фиссонъ шумишь, Багдадъ пылаешъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьюшь,
Ассирски спѣны огнь шерзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ поншъ бѣгушь.
Единъ шрещешъ свирѣлымъ Югомъ

И дальнимъ вѣсточныхъ спранъ округомъ,
Сильнѣйшій горъ, огня, вѣспровъ,
Ошмспишпель храбръ враговъ сварливыхъ,
Карашель спранъ въ союзъ лживыхъ
Россійскій родъ и плодъ Пешровъ.

Однако ешъли врагъ оспавишь
Коварну зависъ самъ собой,
То насъ желанный миръ прославишь,
И шѣмъ возвысишь насъ Герой.
Сшихи дросшь укрощайше,
Туманы въ ясны дни распайше,
Являй веселый небо зракъ,
Цѣлуйшесь громы съ шишвиною,
Упейся молнія росую,
Спанъ рядъ планетъ въ щаспливый знакъ.

Въ брегахъ да льются шихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣль спуняшь;
Да придуть всѣ спраны далеки
Съ концевъ земныхъ тебѣ служишь.
Воззри на свѣща паръ проспранный,
Воззри на поняшь тебѣ подспланный,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесъ;
Онъ зиблешся и помаваешь,
И славу арѣшь ливою желеаешь,
Свѣшящихъ шѣмами въ немъ очешъ.

Возри на прудъ и громку славу,
Что свѣшь въ Пешрѣ неложно чпишь;
Нешпунъ позналъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласишь;
Онъ богъ, онъ богъ швой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ шебѣ плошскія,
Сомедъ къ шебѣ отъ горьнихъ мѣшпъ;
Онъ нынѣ въ вѣчноспи сіяешъ,
На внука весело зриаешъ,
Среди Героевъ, выше звѣздъ.

Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
Испочникъ лѣшъ, вѣковъ Опецъ,
Услыши гласъ Россіанъ вѣрныхъ
И чисту искренноспи сердець!
Какъ еспли сей предѣль положень,
Что выше спепенъ не возможень,
Куда дѣлами Пешрѣ возшелъ;
Яви сію щедронгу съ нами,
Да превзбидешъ его лѣпами
Наслѣдникъ имени и дѣль.

3

О Д А - V.

НА ДЕНЬ ВРАЧНАГО СОЧЕТАНІЯ ИХЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ ГОСУ-
ДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ТЕО-
ДОРОВИЧА и ГОСУДАРЬНИ ВЕЛИКІЯ
КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЪ-
ЕВНЫ 1745 года.

Не садъ ли вижу я священный
Въ Едемѣ Вышнимъ насаженный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
Въ черногъ богиня въ славу входить,
Любезнѣйшихъ супруговъ вводишь,
Плѣняющихъ сердца и зракъ.
Въ одномъ Геройской духъ и сила
Цвѣшущъ во днѣхъ уже младыхъ,
Въ другой нашурѣ испощила
Богатшше всѣхъ красотъ своихъ.

Исполнилъ Богъ свои совѣщанья
Съ желаніемъ ЕЛИСАВЕТЫ:
Красуйся свѣшло Россій родъ.
Се наки Пешръ съ Екатериной
Велелья общаго причиною:

Ликуйте сонмы многихъ водъ.
Рифейскихъ гъръ верьхи неплодны
Одъньшесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
Пустыни, и поля безводны
Излейте чистый сокъ ключей.

На Вспокѣ, Западѣ и Югѣ,
Во всемъ просшранномъ свѣта кругѣ
Ужасны Росскіе полки
Мечи и шлемы опложише,
И въ храбры руки днесъ возмише
Зелены вѣшви и цвѣпки.
Союзны царсшва ушверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ шипину,
Вы бурны вихри не дерзайте
Подвигнушь нынѣ глубину.

Дѣвиць и юношь красныхъ лики
Вносише радосшны клики
По мягкимъ шихихъ рѣкъ брегамъ.
Пусшь гласъ веселый раздаешся,
Пусшь сей пріятшый гласъ промчешся
По холмамъ, рощамъ и лугамъ:
Къ ушѣхъ Росскаго народа
Пешра съ Екашериной вновъ
Счешаешъ щасшье и порода,
Пригожшво, младосшь и любовь.

Какъ сладкій сонъ вливаешь въ члены
Во дни 1) шрудами изнуренны,
Ошраду, легкоешь и покой;
Такъ мысль въ весельѣ ушопаетъ.
О коль прекрасенъ свѣтъ блиспаешь,
Являя видъ спраны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными 2) облаками
Сянешь злато и лазурь.

Кристаллы горы окружающъ,
Сшруи прохладны обшекающъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцомъ излещренны,
И вѣшью медомъ орошенны
Весну являющъ съ лѣшомъ вдругъ.
Воспоргъ всѣ чувшва возхищаетъ!
Какая сладосшь льещя въ кровь?
Въ жару приапномъ сердце шаетъ!
Не шамъ ли царшвуешъ любовь?

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являющъ шамо власнь.
Древа лиснами помавающъ,
Другъ друга вѣшьюми обнимающъ,

1) Чрезъ день.

2) Между млечными.

Въ бездушныхъ 1) шамъ любовна спрасшь!
Ручьи во сладъ ручьямъ крупящися,
То гоняшь, шо себя манишь,
То прямо къ другу другъ спремящися,
И славящися межъ собой журчащъ.

Нарциссъ надъ ясною водою,
Пахнень своею красошою,
Стоишь, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ шы по брегу дуешь,
Шо крапъ лиски его цѣлуешь,
И сладкой пѣв кропишь росой.
Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранишель,
Куда свой правишь съ нихъ полетишь?
Зефиръ кушовъ и рошъ любишель,
Чшо прочъ ошъ нихъ шебя влечешъ?

Онъ легкими шумишь крилами,
Взвиваешся подъ небесами,
И лешъ на воздухъ аромашъ;
Царицу мѣстъ любовь сръпгаешъ,
Порфиру и власы взвѣваешъ;
Она спѣшишь въ свой свѣпшый градъ.
Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
Хопъ вѣчна васъ весна песпришь,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любви зришь.

1) Зрю любовну спрасшь»

Какъ упрення заря сіяешь,
Когда день ясный общаетъ,
Румянишь синій горизонтъ;
Лице любви шоль прекрасно.
Въ ночи горяшь коль звѣзды ясно,
И проникаюшь шихій понтъ;
Подобно сей Царицы взгляды
Сквозь души и сердца идушь,
Съ надеждой смѣшанны ошрады
Въ объятии спрасшью мысли льюшь.

Бѣлѣйшей мрамора рукою
Любовь несешь передъ собою
Младыхъ супруговъ свѣтлымъ ликъ;
Сама смотря на нихъ дивишся,
И полкъ всѣхъ нѣжношей шѣснишся,
И къ онымъ шщашельно приникъ;
Кругомъ ея умильны смѣхи
Взирающихъ плѣняюшь грудь,
Приятнoshi и всѣ ушѣхи
Цвѣтками ушшилаюшь пушь.

Усердна вѣрность принимаешь
Носимый ликъ и пошпавляешь
На крѣпкихъ мраморныхъ шполпахъ,
Сребромъ чисшѣйшимъ обведенныхъ,
И шакъ ошъ вѣка ушвержденныхъ,

Какъ въ пѣжкихъ Таврскихъ нушрѣ горахъ;
Бурливыхъ вихрей не боишься,
И презираешь молній блескъ,
Отъ мрачныхъ шуть бѣжашь не щипишься,
Въ ничто вмѣняешь громовъ шрескъ.

Не самъ ли въ арфу ударяешь
Орфей, и камня оживляешь,
И слѣдомъ водишь хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею возклицаюшь
Лѣса, и громко возвышаюшь
Младыхъ супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьютъ ключи прозрачны,
Сверькая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплюшь чрезъ долины злачны,
Чѣмъ блестятъ Ормъ въ своихъ краяхъ

Каспальски Нимфы ликовспвуюшь,
Съ любовью купно шоржеспвуюшь,
И движутъ плесками Парнасъ:
Надежда оныхъ ободряешь,
Надежда шверда возбуждаешь
Возвысишь громко брачный гласъ:
Надежда общаешь явно;
Онъ себѣ съ весельемъ жадушь
Имѣшь въ Россіи имя славно,
Щедрошой ободренный шрудъ.

О вѣпвъ оцъ корене Пепрова
Для всѣхъ полночныхъ спранъ покрова
Благополучно возрасшай.
О щедрая Екашерина !
Ты процвѣщай краснѣ крина,
И сладки намъ плоды подай.
Оцъ вась Россія ожидаешъ
Щасшливыхъ и спокойныхъ лѣпшъ ;
На вась по всякой часъ взираешъ,
Какъ на всходящій дневный свѣщъ

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ сщепяхъ Асійскихъ
Единоголасно говорятъ :
Какъ Богъ продлишь чрезъ вѣчно время
Дражайшее Пепрово племя,
Щасшлива жизнь и нашихъ чадъ :
Не будешъ спрашной 1) ужъ премѣны,
И оцъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплются цротивныхъ спѣны,
И сильныхъ изнемождешъ лукъ.

Пепръ силою десницъ
Россійски распроспретъ границы,
И въ нихъ спокойшво ушвердишь.
Дражайшія его супруги
Вездѣ прославяшся заслуги,

1) Спрашныя.

И сѣшь щедропа удивись.
Онъ добродѣшель чрезъ награду
Въ народъ будешь умножать;
Она предшашельспвомъ опраду
Пошщися бѣднмъ подавашъ.

Опъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
Опъ вѣчныхъ льдовъ до поковъ Нильскихъ,
По всѣмъ народамъ и спранамъ
Вашъ слухъ пріятный прошекаешъ,
Язyki многи улаждаешъ,
Какъ благовонный еиміамъ.
Коль сладко пушникъ почиваешъ
Въ гусшой шравъ, гдѣ ключъ печешъ;
Свое шакъ сердце ушѣшаешъ,
Смошря на васъ ЕЛИСАВЕТЪ.

Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣшамъ зѣницы,
Проспранный видишь шаръ земной,
Въ Россійской шы державъ всходишь,
Надъ нею дневный пушъ преводишь,
И въ волны кроешъ пламень свой.
Ты нашей радости свидѣшель,
Ты зришь усердій нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ содѣшель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

О боже, крѣпкій Вседержитель!
Подай, чшобъ Россю обновитель
Въ попомкахъ вѣчно жить своихъ:
Вспомини его заслуги,
И преклонивъ небесны круги,
Благослови супруговъ сихъ.
Съ высошь пивоихъ, ЕЛИСАВЕТЪ
Посли свѣшную благодать,
Сподоби шу въ грядущемъ лѣшѣ
Пенрова первенца лобзашь.

О Д А VI.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙ-
СКІЙ ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУ-
ДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОС-
СІЙСКІЯ 1746 ГОДА.

На верхъ Парнаскихъ горъ прекрасный
Спрямишся мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекающе ясны,
И прохлаждающе Музъ соборъ.
Меня не жажда спруй прозрачныхъ,
Но шумъ приятный въ рощахъ злчныхъ
Поспѣшно радостна влечешъ:
Тамъ холмы и древа взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ ЕЛИСАВЕТЪ.

И се уже рукою багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Огнь ризы сыплешъ свѣщъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
Велишъ ночнымъ лучамъ склонишся
Предъ свѣщлымъ днемъ и въ шверди скрпшся,
И шѣмъ почиши его приходъ.
Онъ блескъ и радостъ изливаешъ
И въ красны лики созываешъ
Спасенный днесъ Россійскій родъ.

Взирая на дѣла Пешровы,
На градъ, на флосшь и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власшь чужой руки,
Россія ревностно вдыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Пешрово племя,
Ушѣшь печаль 1) швоихъ людей.

Покрой ошечески законы,
Полки прошивныхъ ошжени,
И свяшосши швоей короны
Чужимъ коснушься возбрани,
Ошъ церкви ошвраци налоги:
Тебя Монарши ждушъ чершого,
Порфира, скипеншрь и прешполь;
Всевышній поидешъ предъ шобою
И крѣпкою тебя рукою
Ошъ спрашныхъ защитишь всѣхъ золь.

Какую чувшвуецъ премѣну
Желаніемъ вперенный духъ?
Се мысль внезапно возшищенцу
Веселый ободряешъ слухъ!
Уже со многими народы

1) Ушѣшь.

Гласишь вѣнръ, земля и воды,
И камни вопіюшь пѣнерь!
Къ намъ щедро небо преклонилось,
И щасье наше обновилось:
На провъ возшла Пешрова дщерь.

О ушра часъ благословенный,
Дражайшій намъ злапыхъ вѣковъ!
О вѣспѣникъ щасья вождѣльный,
Для насъ и будущихъ родовъ!
Ты коль велику даль опраду,
Когда открылъ Пешрову граду
Избавльшій богини зракъ!
Мы въ скорбной шемношъ заснули,
Но въ радости отъ сна вспрынули,
Какъ ты ночной рассыпалъ мракъ.

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей ноци сидѣлъ:
Но Богъ смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію крошкимъ окомъ,
И видя въ мракъ шу глубокомъ,
Со власью рекъ: да будешь свѣтъ.
И бысть! о швари обладаешь!
Ты паки свѣта намъ Создаешь,
Что взвелъ на провъ ЕЛИСАВЕТЬ.

О день блаженный, день избранный
Для щаспїя полночныхъ спранъ!
Тобой сугубо осїанный
Воспокъ и льдистый Океанъ
Свои колѣна преклоняющъ,
И жершву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радостныхъ сердцахъ
Предъ солнцемъ на земли свѣщающимъ,
Чшо намъ въ печальной шѣмѣ сѣдящимъ
Проливши свѣшь, оцгнало спрахъ.

Намъ въ онома ужасѣ казалось,
Чшо море въ яросци своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земли спенала ошъ зыбей,
Чшо вихри въ вихри ударялись,
И шучи съ шучами спирались,
И усшремлялся громъ на громъ,
И чшо надушы водъ громады
Текали покрышъ проспранны грады,
Сравняшь хребшы горъ съ влажнымъ дномъ.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злился Исполнѣ
Разсыпанъ земнородныхъ племя,
И разрушишь нашу чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмуцаешъ,

Льсисны съ мѣсць бугры хвапашь,
И въ швердь сквозь облака разишь.
Сиканской какъ Вулканъ 1) дымишя,
Такъ мгла изъ челюстей куришя,
И помрачаешъ солнце видъ.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣсило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Просперши блескъ швоихъ лучей,
Спасенный Сѣверъ освѣщаешъ,
И къ намъ веселый видъ склоняешъ,
Взирая на ЕЛИСАВЕТЪ
И купно на ея доброшмъ:
Опъ ней шекушъ на всѣхъ щедрошмъ,
Какъ швой повсюду явный сащъ.

О вы недремлющія очи
Спрегущія небесный градъ!
Вы бодршвуи во время ночи,
Когда покоясь смершны спяшъ,
Взираешъ сквозь шѣнь гущую
На цѣлу широкую земную.
Но чаю, что вы въ оной часъ
Впрошивъ ешесшвенному чину
Петрову зрѣли дочь едину,
Когда пошла избавишъ насъ.

1) Какъ Эпна въ яросши.

Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ шѣнью дровъ густою
Прилпелъ въ жаркіе часы;
Но влщпу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаешь
Россійскія опрады день.
Еще приходишь плескъ во уши!
Плѣняюща сердца и души
Тогдашней ноци зришся шѣнь!

По спогнамъ шумный гласъ несещи
ЕЛИСАВЕГИНЫХЪ похвалъ,
Въ полкахъ спокрашно раздаеися:
Великій Пётръ изъ мершвухъ вспадъ!
Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
Преодолимъ бури и погоды,
Пославимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ пошупимъ,
На горды выи ихъ насшупимъ,
На грозныхъ спанемъ мы валахъ.

Коль наша радость справедлива,
Насъ красить сладосшный покой!
О коль, Россія, шм щасшлива
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой!
Прошивны сидь ея спрашатся,

И купно милоспи чюдятся.
Таковъ Екатеринаинъ ликъ
Былъ щедръ и крошокъ и прекрасень;
Таковъ былъ Пешпръ врагамъ ужасень,
Своимъ ошець, вездѣ великъ.

Что вы, о поздніе попомки!
Помыслише о нашихъ дняхъ?
Дѣла Пешровой дщери громки
Предспавивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвише между собой?
Не всякъ ли скажешь бышь чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ шолокой купно красотою!

' Велико дѣло ешь и знашно
Сердца народовъ привлеци,
И сиранно всѣмъ и непоняшно
Полю свѣта взяшь въ одной ноци!
Но кое сердце шоль жеспоко,
Колпоробъ сей богини око
Не сильно было умягчишь?
И кая можешь власшь земная,
На дщерь и духъ Пешровъ взирая,
Себя прошиву ополчишь?

Плать крапъ подь щасплавной держарой
Цвъшамн красилась земля;
Спокранной облеклся славой
Россійски грады и поля:
Сшояшь профеи вознесенны,
Цвъшупъ оливы насажденны
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой,
Чшо новыхъ свѣшовъ досязаешъ;
Опъ шой Европа ожидаешъ,
Чшобъ въ ней воспавленъ былъ покой.

Хошя опъ смершныхъ сокровенно
Грядущихъ бышнє вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величешвомъ богини сей
На будущє дни взираешъ,
И больше щасъе предвѣщашъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Чшо ради нашего блаженства
На веръхъ поставишь совершенства
Всходящій въ небо Пешръ велѣлъ.

Кшо можешъ всѣ хвалы достойно
Сея Монархини сказашъ?
Чья Муза шоль красно и спройно
Предъ нею можешъ возыграшъ?
Я лхру нынѣ подвергаю

Спопамъ ея, и возглашаю:
Подай, о сильно божество!
Да узряшь многихъ лѣтъ округи
Ея къ опечесшву заслуги
И свѣпло днешне шоржесшво.

Да возраспешъ ея держава,
Богашшво, щасшье и полки,
И купно дѣль геройскихъ слава;
Какъ шокъ великiя рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой просшираешъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщашъ,
И множешво градовъ поишъ,
Разлившись на поля восходишъ;
Обильный шукъ на нихъ наводишъ,
И шашвы щедро богатишъ.

О Д А VII.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ Ея Величества Госу-
дарыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕ-
ТРОВНЫ Самодеержицы Всероссійскія
1746 года.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ спрана!
Въ сей день ошъ высошы святныя
ЕЛИСАВЕТЪ шебъ дана
Воздвигнуши 1) Пешра по смерши,
Гордыню сопоспаповъ сперши,
И къ ужасъ оныхъ привесши,
Ошъ грозныхъ бѣдъ шебя избавишь,
Судьей надъ царспвами посшавишь,
И выше облакъ вознесиши.

О дщеръ гремящаго надъ нами!
О маши всѣхъ племень земныхъ!
Нашура чудная дѣлами,
Какъ еспъли шаинъ шы своихъ
Меня достпойнымъ бышь судила,
И еспъли слаба мыслей сила
Проникнушь 2) можешъ въ швой черпогъ;
Предспавъ мнѣ оную годину
И купно бѣгъ свѣшилъ по чину,
Какъ Вышній далъ намъ сей залогъ.

1) Воздвигнушь намъ.

2) Приникнушь.

Сквозь пучи бывшія печали,
Что люшый рокъ на насъ навель,
Какъ горы о Пешрѣ рыдали,
И поншь въ брегахъ своихъ ревѣль,
Сквозь спрашны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу пошь пресвѣщлый часъ:
Тамъ вкругъ молодой ЕЛИСАВЕТЫ
Сіаюшь щаспавны планены,
Я слышу шамъ нашурь гласъ.

Сѣдя на блещущемъ пресполь,
Соспавленномъ изъ швердыхъ горъ,
Въ проспранномъ всѣхъ швореній полѣ
Между сшихій смиряешь споръ;
Сосцами всяку плошь кипаешь, 1)
Опть чрева рѣки проливаешь;
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ разширяя,
Изъ усшь Зефирами дыкая,
Съ веселіемъ вѣщаешь къ намъ.

„Я съ вами нынѣ шоржешшвую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣ нѣшь,
Что героиню шаковую
Въ сей день произвела я въ свѣшь.
Въ ней кипросшь вся моя и сила

1) Сосцами рѣки проливаешь
И нѣми всяку шварь кипаешь.

Возможность крайню положила;
Я избрала щасливой знакъ
Надежду показашъ нелеснну:
Въ просшранну высошу небесну
Прилѣжно возведише зракъ.

„Се сонце бѣгъ свой премѣняеть,
И, къ вамъ печешъ умножишъ день,
На Сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогднаетъ шѣнь,
Являя, что ЕЛИСАВЕТА
Въ Россіи усугубишъ свѣсна
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ерміи наукамъ предводишель
И Марсъ на брани побѣдишель
Блнщающъ совокупно съ нимъ.

„Тамъ мужъ звѣздами изпецренный
Свой свѣшлмй напругаетъ лудъ,
Діана спрѣлм позлащенны
Съ нимъ менцешъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуешъ ясно,
Колѣ по съ доброшами согласно.
Рожденныя въ признакахъ сихъ
Ошъ ней геройство съ красошою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускающъ дней злашыхъ.“

Сіе предвѣсшіе природы
Хотя предсшавило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красота!
Но вѣща радость восхищала
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ твоихъ признакъ
Надежде въ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
Родишелей великихъ зракъ.

Въ шебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье изліяли 1)
Въ твои пресвѣтлы очеса,
Лице всходящія денницы
И бодрость быспрѣя орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Уже младенческіе взгляды
Предвозвѣщали тебѣ оспрады,
Что бѣднымъ нынѣ опшъемлюшь спрахъ.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ крошечью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадить.
Такъ Ниль смиренно пропекаешь,

1) Блистаніе вліяли.

Бреговъ своихъ онъ не перзаептъ ;
Но пользой выше прочихъ рѣкъ :
Своею сладкою водою ,
Въ лугахъ зеленыхъ пролипою ,
Злашюй даешъ Египшу вѣкъ .

Какъ ясно солнце изліяло
Свой блескъ впервые на шебя ,
Ужъ щасшье руку проспирало ,
Твои пріятности любя ,
Вънецъ держало надъ главою ,
И возвышало предъ шобою
Трофеи опшескихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя .
Коль щасшлива была Россія ,
Когда возрѣла шы на свѣтъ !

Тогда опть радоспной Полшавы
Побѣды Росской звукъ гремятъ ;
Тогда не могъ Пешровой славы
Вмѣшшишь вселенныя предѣль ;
Тогда Вандалы побѣждены
Главы имѣли преклоннены
Еще при целенахъ півоиыхъ ;
Тогда предьявлено судьбою ,
Чшо съ шрепешомъ передъ шобою
Падушъ полки пошомковъ ихъ .

О сладкой нѣжности обидель!
О вы блаженныя мѣспа!
Гдѣ храбрый Гошеовъ побѣдидель
Лобзаль и въ очи и въ уста
Впервые плодъ свой вождельный,
Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
Вась оныхъ радосныхъ яремень.
Любезна память услаждаешь,
И оный день вамъ пребиваешь
Въ безсмертны 1) вѣки забывень.

Но се различныя языки
Ошь рѣкъ великихъ и морей
Согласны возносятъ клики;
Къ шебѣ Монархинѣ своей
Сердца и руки проспирають,
И многокрасно повшоряють:
„Да здравствуетъ ЕЛИСАВЕТЪ,
Для Росской славы днесъ рожденна!
Да будешь свыше укрѣпленна
Черезъ множествно щасливыхъ лѣтъ!“

Сие гласитъ шебѣ Россія
И купно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранія
Возводишь къ верьху быспрѣй взоръ,
Небесны бѣги наблюдаешь,

1) Въ безщесны.

И съ радостію составляешь
Вънець себя изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показать безмѣрно
Незнаемыхъ желаешь мѣстъ.

Поэзіи парящей ревностъ
Дѣла свои превознесешь ;
Ни гнѣвъ стихій, ни вѣща древностъ
Похвалъ своихъ не пресѣчешь.
Открыши еспешива успавы
Твоей умножашъ громкостъ славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
И усугубишь шѣмъ желаешь
И вѣкъ и здравіе свое.

Да будетъ шое неврѣдимо,
Какъ верьхъ высокія горы
Взираешь непоколебимо
На мракъ и вредныя пары ;
Не можешь вихрь его достигнуть,
Ни громы спрашныя подвигнуть,
Внесенъ къ безоблачнымъ спранамъ,
Ногами шучи попираешь,
Угрюмы бури презираешь,
Смѣешься скачущимъ волнамъ.

О Д А VIII.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ
ПРЕСТОЛЬ ЕЯ ВЕЛІЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
1747 года.

Царей и царствъ земныхъ опрада
Возлюбленная шишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ себя цвѣтны песпрѣюшь
И класы на поляхъ желпѣюшь,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаюшь въ море за шобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по землѣ.

Великое свѣшило міру,
Блистая съ вѣчной вышины
На бисерь, злашо и порфиру,
На всѣ земныя красоны,
Во всѣ страны свой взоръ возводишь;
Но краше въ свѣтѣ не находишь
ЕЛИСАВЕТЫ и себя.
Ты кромѣ шой всего превыше;
Душа ея Зефира шине
И зракъ прекраснѣ рай.

‘ Когда на пронь она вспустила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ;
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ посшавила конецъ;
Тебя приявъ обლობызала;
Мнѣ полно шѣхъ побѣдъ; сказала,
Для коихъ крови льещя шокъ.
Я Россовъ щасшѣемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойспивомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Воспокъ.

Божеспвеннымъ усшамъ приличень,
Монархиня, сей крошкѣй гласъ:
О коль досшойно возвеличенъ
Сей день и шопъ блаженный часъ,
Когда ошъ радосшной премѣны
Цешровы возвышали спшѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты креситъ несла рукою,
И на прешоль взвела съ собою
Доброщъ швоихъ прекрасный ликъ!

Чшобъ слову съ оными сравняшся,
Досшашокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержашся
Ошъ пѣнія швоихъ похваля.
Твои щедрощы ободряющъ

Нашъ духъ и къ бѣгу успремяютьъ,
Какъ въ поншѣ пловца способный въспрѣ
Черезъ яры волны порываешъ ;
Онъ брегъ съ весельемъ оспавялетъ ;
Лешитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчише пламенныя звуки
И колебашъ преспаншь свѣтъ :
Здѣсь въ мирѣ разширяшъ науки
Изволила ЕЛИСАВЕТЪ.
Вы наглы вихри не держайше
Ревѣшъ, но крошко разглашайше
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хочешъ лира восхищенна
Гласишъ велики имена.

Ужасный чудными дѣлами
Зидишель міра искони
Своими положишъ судьбами
Себя прославишъ въ наши дни ;
Послалъ въ Россію челоуѣка,
Каковъ не слыханъ былъ ошъ вѣка.
Сквозъ всѣ препяшсшва онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варваршвомъ 1) попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

1) Грубосшью.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ спрашлася,
Свой мечъ въ Пешровыхъ зря рукахъ;
И съ шрепешомъ Непшунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ спѣнахъ внезапно укрѣплена
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась,
И съ онаго пуши склонилась,
Кошорымъ прежде я шекла?

Тогда божешивенны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію просширали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ пищаніемъ гошовымъ
Подашь въ Россійскомъ родѣ новы
Чиспѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣшь ихъ шруды.

Но ахъ жеспокая судьбина!
Безсмертія досшойный мулъ,
Блаженштва нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Зависплавнымъ ошпоржень рокомъ,

Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски воспенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣшлый духъ.

Въ шолокой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался пушь;
И шокмо шешвуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянушь.
Но крошкая Екашерина
Ошпрада по Пешрѣ едина
Пріемлеть щедрой ихъ рукой.
Ахъ ешълибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Секвана пошпыдилась
Съ своимъ искѣсшвомъ предъ Невой!

Какая свѣшлосшь окружаешь
Въ шолокой горесши Парнасъ?
О коль согласно щамъ бряцаешь
Прияшнихъ шпрунь сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываюшь лики;
Въ долинахъ раздаюшся клики:
Великая Пешрова дщерь
Шедрошы ошчи превышаешь,
Довольштво Музь усугубляешь,
И къ щасшью ошверзаешь дверь.

Великой похвалы доспоишь,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнишь сраженьямъ можешь воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живешь:
Но рашники ему подвласны
Всегда хвалы его причасны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ споронъ
Звучащу славу заглушаешь,
И грому шрубъ ея мѣшаешь
Плачевный побѣжденныхъ спонъ.

Сія шебъ единой слава,
Монархия, принадлежишь,
Проспранная швоя держава
О какъ шебъ благодарить!
Возри на горы превысоки,
Возри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь шечешъ;
Богапшво въ оныхъ пошаенно
Наукой будешъ опкровенно,
Чшо щедростью швоей цвѣшешъ.

Толикое земель пространшво
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щасливое подданшво,
Тогда сокровища опкрылъ,
Какими хвалишся Индія:

Но пребуешь къ шому Россіа
Искусствомъ уцвѣренныхъ рукъ.
Сіе злашу очистишь жилу,
Почувствуюшь и камни силу
Тобой воспавленныхъ наукъ.

Хопя всегдашними снѣгами
Покрыша сѣверна спрана,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои завѣваешъ знамена;
Но Богъ межъ льдисшими горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чиспой бысприной,
Какъ Ниль народы напалешъ
И бреги наконецъ шеряешъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смершнымъ неизвесшымъ
Творяшь нашура чудеса,
Гдѣ гущосшью живощимъ шѣсны
Стояшь глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ шѣней
На пасшѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгоняль;
Охощникъ гдѣ не мешиль лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ спукомъ
Поющихъ пшницъ не успрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ пупь свой проспирашь!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздашь?
Мы даръ швой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедрости швоихъ пославимъ,
Гдѣ солнца востодъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крушился,
Желая паки возвращишься
Въ швою державу ошъ Манжурь.

Се мрачной вѣчности закону
Надежда опровергаешъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрости шамо зиждешъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣешъ,
Тамъ влажный флота пупь бѣлѣешъ,
И море щипиши уснуиши:
Колумбъ Россійскій черезъ водм
Сплѣшиши въ невѣдомы народм
Твои щедрости возвѣспиши.

Тамъ шьмою оспрововъ посѣяшь
Рѣкъ подобенъ Океанъ;
Небесной синевою одѣяшь
Павлина посрамляешъ вранъ.
Тамъ шучи разнымъ щипицъ лешающъ,

Что песпрошою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Пишась въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ припшныхъ,
Не знаютъ спрогя зими.

И се Минерва ударяешъ
Въ верьхи Рифейски копьемъ,
Сребро и злашо исшекаешъ
Во всемъ наслѣдїи швоемъ.
Плушонъ въ разсѣлинахъ мяпепся,
Что Россамъ въ руки предаешся
Драгой его мешалъ изъ горъ,
Кошорой шамъ напура скрыла;
Ошъ блеску дневнаго свѣшила
Ошъ мрачный ошвращаешъ взоръ.

О вы, кошорыхъ ожидаешъ
Ошечесиво ошъ нѣдръ своихъ,
И видѣшь шаковыхъ желаешъ,
Какихъ зовешъ ошъ спранъ чужихъ,
О ващи дни благословенны!
Держайше нынѣ ободренны
Раченъемъ вашимъ показашъ,
Что можешъ собшвенныхъ Плапоновъ
И быспрыхъ разумомъ Невпоновъ
Россійская земля раждашъ.

Науки юношей¹ питающе,
Оспраду спарымъ подающе,
Въ щасливой жизни украшающе,
Въ несчастной случай берегуще,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустыняхъ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ шрудѣ.

Тебѣ, о милосердіи источникъ!
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на шого помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнешь,
Завидя нашему покою,
Противъ себя возснать войною.
Тебя Зидишель сохранишь
Во всѣхъ пушяхъ безпрешковенну,
И жизнь швою благословенну
Съ числомъ щедрости швоихъ сравнишь.

О Д А IX.

На день возшествия на престоль Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 года.

Заря багряною рукою
Отъ упренныхъ спокойныхъ водъ
Выводишь съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіало:
И нашихъ искренноснъ сердець
Предъ трономъ Вышняго пылаешь,
Да щасіемъ швоимъ вѣнчаешь
Его средину и конецъ.

Да движущся свѣшила спройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да шекунъ спокойно
Тебѣ въ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злоснъ да изшребилсн,
И огонь и мечъ да удалилсн
Отъ спранъ швоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣшесн нѣжно,
И рапай въ нивахъ 1) безмяшежно
Сшоричный плодъ да соберешъ.

1) И земледѣлецъ.

Съ способными въспрами споря,
Терзашь да не дерзнешь Борей
Покрышаго судами моря,
Пловущими къ земли швоей.
Да всѣхъ глубокий миръ пишашь,
Жельзо браней да не знаешь,
Служа въ шрудѣ безмолвныхъ седь,
Да злобна зависшь посимдишся,
И славѣ свѣшъ да удивишся
Твоихъ великодушныхъ дѣль.

Священны да храняшъ усшави
И правду на судѣ судьи;
И время швоея державы
Да ублажашъ раби швои.
Сосѣды да блюдушъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за спрахъ,
За грозно время и плачевно
Да будешъ радосшь повседневно,
При Невскихъ обновясь спруяхъ.

Годину шу воспоминая,
Среди ушѣхъ мятепся умъ!
Еще крушишся мгла гутшала,
Еще наносишъ спрашай шумъ!
Тамъ буря искры зажигаешъ;

И алчный пламень пожираешь
Минервинъ съ громкимъ прескомъ храмъ!
Какъ мѣдъ въ горнилѣ небо рдѣшь,
Богатство разума стремишься
На низъ къ прелещущимъ ногамъ.

Дражайши Музы, опложите
Взводишь на мысль печали пѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ опеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ пронѣ
Яснѣ дня ЕЛИСАВЕТЪ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась,
И пѣма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга успанны цвѣтами
Царица шрудолобныхъ пчель,
Блеснящими шумя крылами,
Лешить между прохладныхъ сель;
Спекаешься оспавивъ розы,
И сопомъ напоены лозы,
Со щациемъ опвсюду рой,
Свою царицу окружаешь;
И пѣсно въ слѣдъ ея лепашь
Усердіемъ вперенный спрой.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Спекался здѣсь Россійскій родъ,
И радосшію восхищенный
Тѣснясь, взиралъ на пивой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Слѣшили слѣдомъ за побоею.
Тогда великій градъ Пешровъ
Въ едину спогну умѣшился,
Тогда и въшрь ошановилася,
И плескъ 1) возносилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣща,
Какъ молнія, доспигнуль слухъ,
Чшо царспвуешь ЕЛИСАВЕТА,
Пешровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда неспройные сосѣды
Ошчаялись своей побѣды,
И въ мысли ошспупали вспянь.
Монархиня, кшо Россовъ знаешь,
И ревносишь ихъ къ шебѣ внимаешь,
Помыслишь ли прошиву спашь?

Чшо Марсъ кровавый не дерзаешь
Руки своей просперши къ намъ,
Твой онъ силы почишаешь
И власнь подобну небесамъ.
Левъ нынѣ шокмо зришь ограду,

1) Чшобъ плескъ всходилъ. ^

Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ сжаду.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны сираи.

Европа упоменна въ брани,
Изъ пламени подъявъ главу,
Къ шебѣ свои просперла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя крошчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
Всемишній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ швой лаврами обвишій
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Европа и весь міръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миллионъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россійскій украшаетъ шронъ!
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархини, швой дѣла!
Народовъ швоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но вѣкъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ зываемъ,
Чшо ны заццишница и машь,
Твои доброшы изчислемъ;
Но всѣхъ не можемъ описашь.
Когда воспѣшь щедрошы шцимся,
Безгласны красоти чудимся.
Побѣдыль славишь мыомъ печешь,
Какъ пали Гошѣи предъ шобою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣмъ удивила свѣшь.

Весьма необычайно дѣло,
Чшобъ всѣми кшо дарами цѣль:
Гошъ крѣпкое имѣешь шѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣль:
Въ другомъ блиспаешъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣешь шѣсный,
И духу силъ не доспаешъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочешъ злою,
И самъ съ собой войну ведешъ.

Тебя, Богиня, возвышающъ
Души и шѣла красоны;
Чшо въ многихъ раздѣлась блиспающъ,
Едина всѣ имѣешь ны.
Мы видимъ, чшо въ шибѣ единой

Великій Пепръ съ Екашериной
Къ блаженству нашему живещь.
Похваль пучина ршфоридась!
Смущенна мысль оспановилась,
Чшо словъ къ шому не доспаець!

Однако духъ еще спремишя,
Еще кипишь сердечный жарь,
И ревность умолчашь спыдишя:
О Муза, усугубь швой дарь,
Глази со мной въ концы земныя,
Коль нмѣ радостна Россія!
Она кофлувшяся облакошь,
Конца не зришь своей державы;
Гремящей насыщенна славы
Покоишя среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими числыми спруями
Шумя, спадамъ наводяшь сонъ,
Сѣдишь и ноги просшираець
На спень, гдѣ Хину ошдѣляець
Просширанная спѣна ошъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаець,
И вкругъ довольства изчислаець,
Возлегши лакшемъ на Кавкасъ.

„Се нашею, рекла, рукою
Лежишь поверженный Азовъ;
Рушишель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ!
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блага Пепръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена шамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали шучи спрѣль!

„Въ моей послушности крушатся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы щцаются
Драгихъ мнѣ въ даръ ловишь звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣюшся люшосни Борей;
Чудовищамъ дерзають въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ проспирашь,
Угрюмы шучи раздираешь,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

„Здѣсь Днѣпръ хранишь мои границы,
Гдѣ Гошеъ гордящійся упалъ
Съ поржешивенныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сармашовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,

Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во все страны, и спрахомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу бысприяой.

„Въ спѣнахъ Пешровыхъ прошекаетъ
Полна веселья шамъ Нева,
Злашой 1) порфирию блискаетъ
Покрыша лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылають
Сердца, какъ спогны все сияють
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Пешрополь небу подражая,
Подобны испустилъ лучи.“

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласитъ:
Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ побой спойтъ,
Власы съдме просшираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаешь,
Къ тебѣ единой вопія:
„Возари на храмы опаленны,
Воззри на спѣны разрушенны;
Я жду щедроты швоея.“

1) Вънцемъ.

Гряди, краснѣйшая дѣвицы,
Гряди, и свѣтлоспью лица
И блескомъ чистой багряницы
Ушѣшь печальныя сердца,
И время возврапи злѣное.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ шудамъ.
Ошсуществуя ты будешь съ нами;
Покрышымъ орлими крилами
Кшо смѣешь прикоснушься намъ?

Но ешлыи гордосшь ослѣпленна
Дерзнешь на насъ воздвигнушь рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Прошивъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верьхъ небесъ шебѣ преклонишь,
И шучи спрашныя нагонишь
Во срѣщенье врагамъ швоимъ.
Лишь шолько ополчишься къ бою,
Предыдешь ужась предъ шобою,
И слѣдомъ воскуришься дымъ.

О Д А Х.

Въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость въ Сарскомъ сель, Августа 27 дня 1750 года.

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищень?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьхъ Олимпа вознесень!
Божеспивенно лице сіяешь
Ко мнѣ, и сердце озаряешь
Блнспяющимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богашспиво!
Коль сродно воздуха приашспиво
Богинѣ красныхъ снхъ высотъ!

Чшожь се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Опть коей хнспросшью напрасной
Укрышься хочешь звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со денницей
Великолпной колѣсницей
Въ безоблачныхъ спранахъ несусь!
Блаженспиво мыслямъ непоняшно!
Благополучень многокрапно,
Когда нешщещнымъ сномъ я лѣбусь!

Пресцань сомнѣнемъ колебашся,
Смященный духъ мой, и повѣрь:
Неложны по мечшанья зряшся,
Но истинно Пепрова дщерь
Къ наукамъ машерски снисходитъ,
Щедрошою въ воспоргъ приводитъ.
Ты, Муза, лиру прими,
И чшобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ древнимъ именемъ Славена
Гордяся, пролилась спруи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Злашые кровы окомъ мѣришь,
И въ ужасъ себѣ не вѣришь;
Но каждую обозрѣвши часпъ,
Съ веселиемъ сіе вѣщаешъ:
То само Небо созидаешъ,
Или Пепровой дщери власпъ.

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась пщательно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя,
Клубишся пѣною въ правѣ.
Во храмъ сілюющій мешалломъ,

Предъ шронъ украшенный кристалломъ
Поспѣшно проспираешь ходъ ;
Вънцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаешь облеченной
Владычицъ Россійскихъ водъ.

Рѣка, кошорой пролявають
Великія озеро дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань !
Ты щасплива шрудомъ Пепровымъ ;
Тебя и нынѣ красишь новымъ
Раченіемъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Но малые мои пѣшоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Кошорой изъ рая шечешъ.

Мои испочники вѣнчаютъ
Едемской равни красоша,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохлады возлюбивъ мѣсна ;
Поля гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами изнепряютъ.
Не шокмо вѣжная весна,
Но осень шамо юношь года ;
Всегда роскошшвуешь природа
Искусшвомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣшви высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свисомъ пицы воспѣваютьъ,
Опъ сна къ веселю возбуждаютъ,
Что царшвуешь съ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивишся.
Цвѣтны, межъ коихъ Индъ крупишся,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда поминъ прощяный день,
Опъ знойной шеплоны и свѣта
Прохладна покрываетъ пѣнь,
Гдѣ вѣшви преклонясь зеленъ,
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Ошводяшъ жаркіе лучи.
Но коль великая ошрада,
И помнымъ чувствамъ шущъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣтны въ ночи!

ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ доброшамъ
Вездѣ подобна красоша;
Примѣра многимъ лишъ щедрошамъ
Не смѣешь скудна дашъ вода,
И орошашъ скаканьемъ поля;

Однако ежели оной воля
Охошу ободрить мою,
Великой въ похвалу Богинѣ
Я воды обращу къ вершинѣ;
Речешъ, и къ небу успрямлю.

Коль часпо доли оживляешъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Бѣгиня понуждаешъ
Звѣрей чрезъ шрубный гласъ изъ норъ!
Ей въспры въ слѣдъ не успѣваютьъ;
Коню бѣжашъ не воспяцаютьъ
Ни рвы, ни часныхъ въспѣвей связъ;
Крушишь главою, звучишь бродами,
И шопчешъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясъ!

Какъ еспьли зданіемъ прекраснымъ
Умножишь должно звѣздъ число;
Созвѣздіемъ являшся яснымъ
Доспойно Сарское село.
Чудовища, чшо легковѣрнымъ
Раченъемъ древносшь и безмѣрнымъ,
Поднявъ на швердъ, вмѣспила шамъ,
Укройшесь за предѣлы свѣта:
Се зиждешъ здѣсь ЕЛИСАВЕТА
Красу приличну небесамъ!

Великія Семирамиды

Разсыпанна окружнось спѣнь,
И вы, о горы пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ ошягощенъ,
Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный шрудъ лѣшь малыхъ зрѣли;
Вамъ не было бы шяжо шо,
Чшо спроены вы цѣлы вѣки:
Вась созидали человеки,
Здѣсь созидаешъ божество.

Великолѣпными верьхами
Восходящъ храмы къ небесамъ;
Изъ нихъ пресвѣщдыми очами
ЕЛИСАВЕТЪ сіяешъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ спраны зриаешъ,
И на единѣ предспавляешъ
Врученный свѣтъ подѣ скинешъ свой.
Подобно какъ орелъ парящій
Ошъ самыхъ облакъ зреть лежащи
Поля и грады подѣ собой.

О коль правдиво возвышаешъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ швой далеко блиспаешъ,
То нынѣ чувствоваль Парнаессъ,
Какъ шм ошъ мѣсья прукрашеныхъ 1)

1) Преиспещренныхъ.

И дѣшней нѣгѣ посвященныхъ
Возврѣла мастерски къ нему.
Являя шакову щедросту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даетъ народу швоему!

— Чшо дымъ и пепель опрыгая,
Мрачить вселенну Энциладъ,
Ревелъ подь Эшною рыдая,
И шѣломъ наполняешъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ
Въ ончяныи прясешся яромъ,
Безяленъ 1) шягошу подняшъ,
Великою покрывъ горою,
Безъ пользы движешся подь шюю,
И шщешно силыишии возшашъ

Такъ варваршво швоимъ Перуномъ
Уже повержено лежишъ,
Когда при шумъ сладкошпрунномъ
Поющякъ Музы швой слухъ звучишъ,
Восшокъ и Западъ наполняешъ
Хвалой швоей, и возвышаешъ
Твѣи щедросты выше звѣздъ.
О вы шасшливныи науки!
Прилѣжны просишрайише руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ шѣспъ.

1) Не можешъ.

Пройдише землю и пучину,
И степи и глубокий лѣсъ,
И нушрь Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ:
Вездѣ изслѣдуише всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣль свѣшъ;
Трудами вѣки удивише,
И, сколько можешъ, покажише,
Щедрошою ЕЛИСАВЕТЪ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, шъ въ чешъ возвысь
Монархамъ, ошъ кошорыкъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознесишъ;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блаша изсуши,
Военны облегчи громады,
Пешпромъ основанные грады
Подъ скипшромъ дщери соверши.

•

Въ земное вѣдро, шъ Химія,
Проникни взора оспрошой,
И что содержишъ въ немъ Россія,
Драги сокровища ошкрой:
Ошечеслива умножишъ славу

И вѣще укрѣпишь державу
Слѣши за кипрымъ еспешвомъ,
Подобнымъ облакась цвѣшомъ;
И что прекрасно шокмо лѣшомъ,
Ты сдѣлай вѣчно маспершвомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
ЕЛИСАВЕТИНЫ заслуги,
Чтобъ шамо въ вѣчну славу ей
Сіяла новая планеша.
Россійскаго просшрасшво свѣша
Собравъ на малы чершежи,
И грады оною спасенны,
И села еюже блаженны,
Географія покажи.

Наука легкихъ мепеоровъ
Премъны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Черезъ вѣрны знаки предъявляй,
Чтобъ 1) рашай могъ избраши время,
Когда землѣ повѣришь сѣмя,
И дашь когда покой браздамъ;
И чтобы не боясь погоды,
Съ богашшвомъ дальни шли народы
Къ ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ брегамъ.

1) Земледѣлецъ выбралъ.

А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ щаспьемъ веселись,
Къ блисшующимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись,
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Кшобъ равень былъ ЕЛИСАВЕТЪ
Такимъ блисшаніемъ хвалм.
Но что за громы ударяюшь?
Се гласъ мой звучно повшоряюшь
Земля жъ вѣспры и валы!

4

О Д А Х I.

На день вѣщества на Всероссійскій
престоль блаженныя памяти Государыни
Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Ноября 25 дня 1752 года.

Россійско солнце на восходѣ
Въ сей обще вождельный день
Прогнало въ ревностномъ народѣ
И ночи и печали шѣнь.
Вспомянувъ часы веселы,
Красуйшесь щасшавы предѣлы,
Въ сердцахъ усугубляйше жаръ.
Поля и горы восклицайше,
И совокупно возвышайше
Усердіемъ небесный даръ.

Что часно солнечнымъ сравняемъ
Тебя, Монархиня, лучамъ;
Опъ нужды дѣль не прибѣгаемъ
Къ однимъ шоль много крашъ рѣчамъ:
Когда ни начинаемъ слово,
Сіяніе въ шебѣ зримъ ново
И нову красоту доброщъ.
Лишь шолько умъ къ шебѣ возводимъ,
Мы яснощь солнечну находимъ,
И многихъ шеплошу щедрощъ.

Когда премудроспью своею
Всевышній солнце сошворилъ,
Пуши различны надъ землею
Въ печеніи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часъ Европы
Сіаешь въ Южны Есіопы,
И паки къ намъ приходишь вспяшь;
Полсвѣща дневной теплошою,
Полсвѣща пучной въ ночь росю
Премънно шцишся оживляшь.

Такъ ты, Монархиня, сіаешь
Въ концы державы цвоея,
Когда по онымъ прошекаешь,
Ошраду, радосшь, жизнь дая.
Ошь славныхъ водъ Балшійскихъ края
Къ Воспоку пушь свой просширая,
Являешь холденъ надъ Москвой.
Ты многимъ какъ зря восходишь,
Инымъ прохладну шѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.

Въ пуши, кошорымъ пролетаешь,
Какъ быспрой въ высотѣ орель,
Куда свой зракъ ни обращаешь,
По множешву градовъ и селъ;
Ошь всѣхъ къ тебѣ просшершмъ взоры,

Тобой всѣхъ полни разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ.
Дилія родившихъ вопрошаешь:
Не пая ли на насъзираешь,
Что машерію всѣ доушца?

Иной ошъ спаросити нагбенный
Простершь спараешся хребешъ,
Главу и очи ушомленны
Возводишь, гдѣ швой блещешь свѣшь,
Тамъ видя возрасшь безсловесный,
Монархія, швой зракъ небесный,
Любезну оспавляешь грудь;
Чего языкъ не изьясняешь;
Усмѣшкой шо изобрааешь,
Послѣдуя очами въ пушь.

Среди наслѣднія державы,
На древней предковъ высошь,
Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
Въ любезной мира красошь,
Надѣясь швоего прихода,
Қоляко множешшо народа
Тебѣ во срѣщенье шечешъ!
Всшаюшь верьхи Рифейски выше:
Течешъ Двина, Днепръ, Волга шше,
Желая швой увидѣшь свѣшь.

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящія спруи!
Вы ударяючи во бреги шучны,
И проходя поля свои,
Ликуйше, свѣшло веселишесь;
Вы скоро, скоро насладишесь
Богини щедрья очей.
Здѣсь Нимфы Невской Инокрени
Видѣнія ея лишены.
Сердцами пойдуть въ слѣдъ за ней.

Сердцами пойдуть, и ушами
Въ воспоргѣ сладкомъ возгласитъ:
Коль славными она дѣлами
Пешровъ разпроспранила градъ;
И какъ о свѣшломъ оной взоръ
Возвеселясь, подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ!
Какимъ необычайнымъ шрескомъ,
Какимъ молніевиднымъ блескомъ
Возхищлася внезапно умъ?

Кто въ громъ радостные клики
И огонь ошъ многихъ водъ даешь?
И кто ведешь въ Перунахъ лики?
Великая ЕЛИСАВЕТЪ
Дѣла Пешровы совершаешь,

И глубинѣ повелѣваете,
Въ средину нѣдръ земныхъ всплуните!
Ошъ гласа Росскія Паллады
Подвиглись сильныя громады,
Враша пучинѣ ошворице.

О полны чудесеми вѣки!
О новосшъ непоняшныхъ дѣлъ!
Текушъ изъ моря въ землю рѣки,
Нашуры нарушивъ предѣлъ:
Уже въ нихъ корабли всплупаюшъ,
Ошъ коихъ волны ошбѣгаюшъ,
И спонепѣ спрашннй Океанъ.
Помысли, земнородныхъ племя,
Бываль ли гдѣ въ минуше время
Примѣръ сего чудифе данъ?

Помысли, зря дѣла поляки
И прудъ, чшо можемъ понесши,
Чшо можешъ нынѣ ПЕТРЪ Великій
Чрезъ дщерь свою произвесши!
Напрасно спрогая природа
Ошъ насъ скрываетъ мѣсно входа
Съ бреговъ вечернихъ на Воспокъ.
Я вижу умными очами,
Кодумбъ Россійскій жежду льдами
Слѣшипъ, и презираешъ рокъ.

Тамъ щаспіе ЕЛИСАВЕТЫ
Предходишь кораблямъ въ пуши,
Ошводишь всѣхъ спихій навѣшны,
И въ слѣдъ себѣ велишь ишши.
Ни бури мразомъ изощренны,
Ни волны льдомъ опягощенны
Противъ его не могушь спашь.
Божесшвенны ея щедроты
Къ чему не могушь намъ охопы
И силъ непобѣдимыхъ дашь?

О вы Россійски Героини,
Что въ вѣчности превыше звѣзда
Сяете уже Богини,
Земныхъ оспая низкосшь мѣсшь!
Вы пола превышая свойсшво,
Являи мужеско геройсшво
Черезъ славныя свои дѣла.
Воззрише съ высоиы свяшныя,
Коль свѣшло въ наши дни Россія
Пешровой дочерью процвѣла!

Супружню, Ольга, смершь опимцаа,
Казнишь изкуссшвомъ Искоресшь;
И шьмы невѣрсшва избѣгал,
Спѣшшишь до просвѣщенныхъ мѣсшь.
Премудросшь, храбросшь и свяшныя

Тобой, блаженная Княгиня,
Изъ древности сілешъ къ намъ.
Твои въ дѣлахъ свящія вѣрм
Дашь Пешрова дочерь примѣрм;
Но мстишь умѣренцо врагамъ.

Елена 1), грознаго Героя
Великая дѣлами мать!
Среди враговъ шм грады спроя,
Росію щццлалась защищашь.
Напрасно дерзки сопоспашь,
Свирѣпы орды и Сармашь,
Спремилась на швое вдовспшво;
Сыновія шобою младоспш
Была спранамъ Россійскимъ радоспш,
Врагамъ ужасно спрошспшво.

Ты многой силой защищашь,
Сдержала злоспш враговъ швоихъ;
ЕЛИСАВЕТА возвышашь
На шронъ, низвергнула спохъ;
И нынѣ посредѣ покоя
Прекрасны храмы, грады спроя,
Росію щццлшся украшашь;
Одни Россійскихъ воинспшвъ слѣды
И чудныя ея побѣды
Противныхъ могутъ усшрашашь.

1) Великая Княгиня Московская Елена Васильевна супруга Великаго Князя Василія Іоанновича, рожденіемъ Княжна Глинская, мать

И ты въ женахъ благословенна;
Черезъ кою храбрый АЛЕКСѢЙ
Намъ далъ Монарха несравненна,
Что свѣшь открылъ Россіи всей,
Велика шѣмъ, что ты родила;
Но больше, что намъ сохранила
ПЕТРА отъ внутреннихъ враговъ!
Мы нынѣ въ страхѣ обмираемъ,
Когда злодѣевъ предспавляемъ
Рыкающихъ, какъ люпыхъ львовъ!

Возри на вѣнценосну внуку,
Что злыхъ совѣшъ раззоря,
Пріемлешь скиптръ въ Геройску руку,
Другую движешь чрезъ моря,
Противныхъ силъ успрашаешь,
ПЕТРА въ Россію возвращаешь,
Коварства ихъ разсыпавъ мракъ;
Пушемъ приводишь безопаснымъ;
Съ плесканіемъ вездѣ согласнымъ
Крѣпишь наслѣдіе и бракъ.

О ты, кошораго Россія
Давно отъ чреслъ Пепровыхъ ждеши.
Для коего мольбы свящныя
ЕЛИСАВЕТА къ Богу льешь,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно!

Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича
правила съ нимъ въ его младенчествѣ Россій-
скимъ государствомъ по завѣщанію супруга
своего чешыре года съ половиною.

О семь единомъ безупѣшно
Вздыхають Россы всякой часъ.
О Небо, предвари судьбину,
Снабди плодомъ ЕКАТЕРИНУ,
Внуши народовъ многихъ гласъ!

Великихъ, славныхъ, несравненныхъ
Участница Пешровыхъ дѣлъ
ЕКАТЕРИНА, погруженныхъ
Насъ въ горести, какъ онъ опшелъ,
Упѣшила ны въ слезно время,
Нося шоль шягосиное бремя,
Что самъ онъ на себя взложилъ.
Возвеселися нынѣ шюю,
Кошору онъ для насъ шобюю
Подобну обонкъ родиль.

Что должно оной по наследству,
Геройствомъ возмогла дойти.
Какому ны подверглась бѣдству,
Монархия, шюбъ насъ спаси!
Мы часъ шюшъ нынѣ предшляемъ;
Предшлявивъ, виѣ себя бываемъ:
Надежда, радость, шпрахъ, любовь
Живить, крѣпить, печалить, клонить,
Противна шпрасишъ прошивну гонить,
Гушѣешь и кипишъ въ насъ кровь.

Однако въ силахъ Богъ великій
Тебѣ вънецъ, намъ радость даль;
Въ шебѣ одной хвалы шлоики
Россійскихъ Героинь послалъ.
Въ шебѣ одной всѣхъ почишаемъ,
И къ Вышнему всегда взываемъ:
Подай ЕЛИСАВЕТЪ въкъ
Обилень, радостень, спокоень,
Таковъ, коль долго жишь достоень
Тебѣ подобный человекъ!

О Д А XII.

НА РОЖДЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАря Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ 1754 ГОДА.

Надежда наша совершилась,
И слава въ пучь свой успремилась:
Спѣши, спѣши, о Муза, въ свѣдь,
И Лиру согласи въ съ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россійскій свѣшь!
На гласъ себя онъ нашъ склоняеть,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:
Пешрова первенца лобзаешъ
ЕЛИСАВЕТА на рукахъ.

Се радости возвѣщають звуки!
Воздвигъ Пешрополь къ небу руки,
Веселыми успами рекъ:
„О Боже, буди препрославлень:
Сугубо ни въ я возспавлень,
Злашой мнѣ усугублень въкъ!“
Безмѣрна радость прерывала
Его усердѣйшую рѣчь,
И нѣжны слезы выпускала,
Въ возшоргѣ принуждая печь.

Когда на холмѣ кшо высокомѣ
Сѣдя, въ округѣ объемлешь окомѣ
Поля въ прекрасной лѣпнѣй день,
Сады, долины, рощи влачны,
Шумящихъ водѣ ключи прозрачны
И дровъ густыхъ прохладну стѣнь,
Спада ходящи межъ цѣвшами,
Обильность сельскаго пруда,
И желны класы межъ брандами;
Чшо чувствувешь въ себѣ тогда?

Такъ нынѣ градъ Пешровъ священнѣй,
Толикимъ счастьемъ восхищеннѣй,
Возшедь опрадь на высопу,
Вокругъ веселія счищаешь,
И края имѣ не обрѣщаешь;
Какую зришь онѣ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На спогнахъ ходящъ и брегахъ;
Шумящъ шамъ праздничныя клики,
И раздающъ въ облакахъ.

Тамъ слышны разны разговоры,
Иной взвоя на небо взоры,
Великъ Господь мой! говоришь:
Мнѣ видѣшь въ спаросни судилось,
И прежде смерти ирключилось,

Часть I.

10

Что въ радости Россія зрится!
Иной, я спячу жишь дошолъ,
Гласишь, молодой свой знаю вѣкъ,
Чтобы служишь подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройши и быспросишь рѣкъ!

Уже великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава спираетъ звучишь,
Труды народы оспавляютъ,
И гласу новому внимаютъ,
Что промыслъ имъ чрезъ шо велишь?
Пучина преклонила волны,
И на берегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны;
Внимаешь славу смертныхъ умъ.

Но грады Россіе въ надеждѣ,
Копора ихъ пишала прежде,
Подвигались слухомъ паче шѣхъ,
Верхами къ высотѣ несущся,
И пицаются облакамъ коснувшись.
Москва споя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими спѣнами
Вънчачану вводитишь къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную опраду
Великому внушила слухъ граду,
Ошверзшиемъ священныхъ усь
Трясуци съдиной, въздаешъ:
„Теперь мнѣ Небо ушверждаешъ,
Что домъ Пешровъ не будешъ пущъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворишся;
Премудрость, мужество, покой,
И судъ и правда водаришся;
Онъ рогъ до звѣздъ возвысишъ мой.“

Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при шебѣ прекрасно,
Монархія, живушъ и чщащъ;
Сіе всѣ грады повшоряюшъ,
И рѣчи хупно сообщаюшъ,
И съ ними села всѣ гласяшъ!
Какъ громъ ошъ шучей удаленныхъ
Въ горахъ раздавшисъ, множишъ слухъ;
Какъ брегъ, шумишъ ошъ волнъ надменныхъ
По бурѣ укрошѣвшей вдругъ.

Ты, слава, далѣ простираясь,
На Западъ солнце ушпремаясь,
Гдѣ Висла, Рень, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ сады,
Гдѣ жъ еще гремяшъ побѣды,

Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки,
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
ПЕТРА Великаго попомки
Даюшся милосши въ залогъ.

Чшо Россовъ мужество крѣпишся;
И нынѣ кшо лишь возгордишся,
Сугубу ревность ощушишь!
Не будешь никому измѣнн:
Падушь въ дыму проливныхъ слѣнн,
Погибнешъ въ прахъ древней видъ.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сіе возшубишь свѣшъ;
Меня любовь неперцѣлива
Обращно въ градъ Цешровъ зовешъ.

Богиня власни несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Оспрада Россовъ и любовь!
Во возшоргѣ нынѣ мы безмѣрномъ,
Чшо въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ
И въ жилахъ обновилась кровь.
Велика радость намъ родилась!
Но больше съ радостью швоей.
О какъ шмы симъ возвеселилась!
Коль ясень былъ швой свѣшъ очей!

Когда пш на пресполь достигла,
ПЕТРА Великаго воздвигла,
И жизнь дала ему собой.
Онъ паки нынѣ воскресаешъ,
Чшо въ правнукѣ своемъ дыхаешъ,
И родъ въ немъ воспавляешъ свой.
Мы долго обоихъ желаали!
Лишались долго обоихъ!
Но къ общей радости приялц,
О Небо, ошъ щедрошъ швоихъ!

А вамъ, дражайшіе супруги!
Вамъ плещушъ нынѣ дѣсь и луги,
Вамъ плещушъ рѣки и моря.
Предспавьше радости внѣ и въ градѣ,
Взаимно на себя въ опрадѣ.
И на младаго ПАВЛА зря.
Зачни, диши, зачни любезно
Усмѣшкой рождшихъ познавать:
Боговъ породѣ бесполезно
Не должно сроку ожидашь.

Расши, расши, крѣпясь,
Съ великимъ Прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики сушъ дѣла Пешровы;
Но многія еще гошовы

Тебѣ оспались напреди.
Когда зриаема мы къ Воспоку,
Когда посмошримъ мы на Югъ,
О коль проспранность зримъ широку,
Гдѣ можешь загремѣшь швой слухъ!

Тамъ вкругъ обдегъ драконъ ужасный
Мѣсца свящѣ, мѣсца прекрасны,
И къ облакамъ спо главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища спрашишся,
Единъ лишь смѣло успрямишся
Россійскій можешь Геркулесъ.
Единъ спо оспрыкъ жалъ пригнушишь,
И множесшвомъ низвержешь ранъ,
Единъ на спо головъ наспунишь,
Возспавишь вольноспѣ многихъ спранъ.

Проспранными Китаи спѣвами
Закрмишь бышь мнишся передъ нами,
И что пусшой земли хребенъ
Онъ спранъ Россійскихъ опдѣляетъ;
Онъ гордымъ окомъ къ намъ зриаешь:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно яросшь возгоришся
И огонь и месць между спѣной,
Сіе все можешь совершишся
ПЕТРОВА пламени рукой

Въ своихъ увидишь предкахъ лвыи
Дѣла велики и преславны,
Чшо могушь духъ природѣ дашь.
Уже младаго МИХАИЛА
Была къ шому довольна сила
Упадшую Москву поднишь,
И послѣ спрашной перемѣны
Въ предѣлахъ удержишь враговъ,
Собрашь разсыпанные члены
Такого множества градовъ.

Сармашъ съ свирѣпостью своею
Трофеи опдалъ АЛЕКСѢЮ.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новой флотъ гошовилъ въ море;
Но все шо Богъ ПЕТРУ судилъ.
Сего къ ошечесшву заслуги
У всей подсолнечной въ успахъ;
Его и крошкія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.

Примѣръ въ его великой дщери.
Широки ша опверзла двери
Наукамъ, счастью, шипшинѣ.
Склоняясь къ общему покою,
Щедрошій больше, какъ грозою

Въ Россійской царшвуесть спранѣ.
Но ны, о гордоспѣ вознесенна!
Блюдися съ хипроспшю своею.
Она Героями рожденна;
Геройской духъ извѣспенъ въ ней.

Но нынѣ мы не зная брани,
Проспремъ сердца и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ:
О Боже крѣпкій Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ разширитель,
Коль милоспннѣ бывалъ ны къ намъ!
Чрезъ седмь сопъ лѣтъ едино племя
Ты съ Росскимъ скипшромъ сохранилъ;
Продли сему по мѣрѣ время,
Какъ нынѣ Россію разширилъ,

Воззри къ намъ съ висоины свяини,
Воззри, коль широка Россія,
Кошорой далъ ны власпѣ и цвѣпшѣ.
Опшъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
Опшъ всѣхъ морей и горъ высокихъ
Къ шебѣ взывали девпшѣ лѣтъ.
Ты подалъ оспраслѣ намъ едину:
Умножа благодатпѣ послѣ,
И впредь съ ПЕТРОМЪ ЕКАТЕРИНУ
Рожденіемъ возвесели.

Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣшомъ клялся несозданнымъ
Хранишь во вѣкъ преспошь и родъ.
Исполни что надъ позднымъ свѣшомъ,
И шаковымъ свяшнымъ обѣшомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для шоль великихъ справъ, покою,
Для счастья множесшва вѣковъ,
Поспавъ, какъ солнце предъ шобою
И какъ луну, преспошь Цешровъ.

О Д А XIII.

Блаженной памяти Государынь Импера-
триць ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ на день
рождения Ея Величества, Декабря 18 дня
1757 года.

Красуйтесь многіе народы;
Господь умножилъ домъ Пешровъ;
Поля, лѣса, брега и воды!
Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ спраны взираешь,
Свою Россію обновляешь;
Полки, законы, корабли
Самъ спроишь, правишь и предводишь,
Нашуру духомъ превосходишь
Геройъ въ моряхъ и на земакъ.

О божеской залогъ! о племя!
Чѣмъ наша жизнь обновлена,
Возвращено Пешрово время.
О вы любезны имена!
О швердь небеснаго завѣща
Великая ЕЛИСАВЕТА,
ЕКАТЕРИНА, ПАВЕЛЪ, ПЕТРЪ,
О новая намъ радость АННА,
Россіи свыше дарованна,
Божешвенныхъ порода нѣдръ!

Смоприте въ солнцевъ предѣлѣ
На ранней и вечерней домъ;
Смоприте на сердца веселы:
Внемлите общихъ плесковъ громъ.
Успами цѣлая Россія
Гласишь: о времена злая!
О мой всевождебный вѣкъ!
Прекрасна АННА возвратилась;
Я съ нею разлучась, крушилась,
И слезъ моихъ источникъ шекъ!

Здѣсь Нимфы съ воплемъ провожали
Богиню родомъ, красой.
Но нынѣ громко восплескали,
Младая АННА! предъ шобой;
Тебѣ, пѣснь звучну воспѣваюшь,
Героя въ мужа предвѣщаюшь,
Геройскихъ всѣхъ потомковъ плодъ,
Произойдишь земли владыки,
Родилась бы ПЕТРЫ Велики,
Чшобъ просвѣдшишь весь смертныхъ родъ.

Умолчи нынѣ брань кровава.
Намъ всѣхъ приашище побѣдъ;
Намъ больше радосшь, больше слава,
Чшо ПЕТРЪ въ наслѣдїи живешъ,
Чшо дщерь на шренѣ зришь Россія. }

На что державы ей чужія?
Ей жалобъ былъ наполненъ слухъ.
Послушайте концы вселенной,
Что нынѣ въ брани воспаленной
Въззаль ея на Небо духъ:

„Великій Боже Вседержитель!
Святымъ швой промысль я совѣшь
Имя въ сердце мой родишель,
Вознесъ подь солнцемъ Россій свѣшь.
Меня оставленну судьбою
Ты крѣпкою возвелъ рукою,
И на престолахъ посадилъ.
Шеснаццашъ лѣшь нося порфиру,
Европу я склоняла къ миру
Союзами и шрахомъ силъ.

Какъ славны далъ шм намъ побѣды,
Всего превыше было мнѣ,
Чтобъ родъ Россійской и сосѣды
Въ глубокой были шциниѣ.
О безмятежной жизни свѣша
Я всѣ усердшвовала лѣша:
Но нынѣ я скорблю душой,
Зря бури царшвамъ шоль опасны,
И вижу, что шѣ несогласны
Съ свяшой правдивосшью швоей.

Присяжны преспутивъ союзъ,
Поправши нагло свитосшь правъ,
Царямъ навергнушь шщидшя узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ! возри въ концы вселенны,
Возри на земли ушъсненны,
На помощь спраждуцимъ воспанъ,
Позволь для общаго покою
Подъ сильною швоей рукою
Воздвигнушь прошивъ брани брань.“

Сіе река ЕЛИСАВЕТА,
Геройской свой являя видъ,
Небеснаго очами свѣща
На сродное имъ небо зришь.
Надежда къ Богу въ нихъ сіяешь,
И гнѣвъ со крошосшью блискаешь,
Какъ видишся зарница намъ.
Чшо громко въ слухъ мой ударяешь?
Земля и море опивѣщаешь
ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ словамъ!

Противныя спраны шрепещушь,
Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ.
Ужасные перуны мещушь
Размахи сильныхъ Росскихъ рукъ.
О шмъ союза Герояна

И сродна съ нашею богиня!
По вась поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаешъ,
Обиды наглыя опшщаешъ;
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Когда въ немъ милоспшь представляемъ,
Ему подобныхъ видимъ вась;
Какъ гнѣвъ его изображаемъ,
Оружій вашихъ слышимъ гласъ;
Когда неправды онъ караетъ,
То силы ваши ополчаешъ;
Его земля и небеса,
Законъ и воля повсемѣспна;
Поколь намъ будешъ неизвѣспна
Его щедроша и гроза?

Правиштели, судья внушпше,
Услыши вся словесна площъ,
Народы съ пренешомъ внемаше;
Сіе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ своимъ въ Пророкахъ духомъ;
Вперн всякъ умъ и вникни слухомъ:
Божеспвенный пѣвецъ Давидъ
Священными шумишь спрунами,
И Бога полными успами
Исайя восхищенъ гремишь.

„Хранише праведны заслуги,
И милуйше сиропъ и вдовъ;
Сердцамъ неливымъ будыше други
И бѣднымъ испинный покровъ;
Присягу сохраняйше вѣрно,
Пріизнь къ другамъ нелицемѣрно;
Ошверзише просящимъ дверь;
Давайше спраждущимъ ошраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Пешрову дщерь.

Въ сей день для общаго примѣра
Ее на землю я послалъ.
Въ ней бодрость, крошость, правда, вѣра;
Я самъ въ лицѣ ея предспалъ.
Содѣлалъ знаменіе ново,
Украсийъ шоржесшво Пешрово
Наслѣдницей великихъ дѣлъ;
Мои къ себѣ щедропы знайше,
И швердо все шо наблюдайше,
Чшо Пешрь, она и я велѣлъ.

Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Просширише вашъ усердный прудъ, *
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, паспвой, блескомъ рудъ.
Пуши всѣ ошворю къ блаженшву,

Желаній вашихъ къ совершенству.
Я крошкимъ окомъ къ вамъ воззрю,
Женихъ какъ идетъ изъ чертога,
Такъ взойдетъ съ солнцемъ радость многа,
Враговъ совѣши раззорю.“

Ликуй, спрана благословенна,
Всевышняго объшамъ вѣрь;
Пребудешь онимъ покровенна,
Его щедрошой щасье мѣрь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай въ полки велики, сильны
И на размноженный народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедръ,
Къ шрудамъ ихъ крѣпки мышцы, бедра
Среди жаровъ, морозовъ, водъ.

Свирѣпой Марсъ въ минувши годъ
Въ Россіи по снѣгамъ спупаль,
Мечемъ и пламенемъ народы
Въ срединѣ самой успрашалъ;
Но нынѣ и во время зноя
Не можешь нарушишь покоя;
Какъ сверженной Гигантъ ревешъ;
Поправъ Россійскою ногою,
Спѣсненъ какъ спрашною горою,
Напрасно пняжи узмъ рвешъ.

Тамъ мракъ божеспвеннаго гнѣву
Подвергнуль грады и полки
На жертву алчной смерти зѣву,
Терзаню хладныя руки:
Тамъ слышанъ вой въ оружномъ прескѣ,
Изъ пучъ при смертоносномъ блескѣ
Кровавы струны множатъ спрахъ.
О ты опечесиво драгое!
Ликуй при внутреннемъ покоѣ
Въ ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ лучахъ.

О Д А XIV.

На день тезоименитства влаженный па-
мяти Государыни Императрицы ЕЛИСА-
ВЕТЫ ПЕТРОВНЫ СЕНТЯБРЯ 5 дня 1759,
и на повѣды Ея въ семь году надъ Коро-
лемъ Прускимъ одержанныя.

Щедрошь источникъ, Ангель мира,
Богиня радостныхъ сердець,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце шихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ крошкую весну,
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможноль при швоей державѣ
Въ Европѣ спрашну зрѣшь войну?

Позволь, мнѣ жаръ велишь сердечный,
Монархиня, въ сей свѣтлый день,
Какъ въ имени швоемъ Предвѣчный
Поставилъ намъ покоя сѣнь,
Безмолвно предвѣщая царство,
Чтѣюбъ миромъ свергла шны коварство,
Позволь мнѣ духа взоръ проспершь
На брань и сродство милосердо,
Гдѣ крошосши жилище швердо,
Жалка и сопосташовъ смершь.

О колы мечпанія прошивны
Объемлющъ совокупно умъ!
Доброшны вижу здѣсь предивны,
Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ,
Здѣсь полдень милосши и лѣшо,
Щедрошой общесшво нагрѣшо;
Тамъ смершну хлябъ раззинуль адъ!
Но промысль мракъ сей разгоняешъ,
И волны въ мысляхъ укрощаешъ:
Ошверзся въ славъ Божій градъ.

Ефиръ, земля и преисподня
Зидишела со спрахомъ ждушъ!
Я вижу опрока Господня
Приемлюща небесный судъ.
Всесильный власшю своею
Вѣщаешъ свыше къ Мойсею:
„Я въ яросши ожешпочу
Египшту сердце вознесенно;
Израиля неодоленно
Пресвѣщлой силой ополчу.“

Сіежь явилъ Богъ въ наши лѣща,
Некшпову воэдвигнувъ рашъ,
Дабы шебъ, ЕЛИСАВЕТА,
Вѣнци побѣдъ преславныхъ даща.
Позволилъ вознесшися гордынѣ,

Чтобъ нашей крошкой Героинѣ
Быль жребій вышпа въ славѣ часнѣ;
Чтобъ врагъ дѣламъ Россійскимъ вѣрилъ,
И опытомъ своимъ измѣрилъ,
Каковъ нашъ родъ, мочь, вѣрность, власть.

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ пивой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Еще ли смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дапелемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ?
Лишенный собственныя власти
Еще ли спремешься въ буйной спрасни
Вселенной наложишь яремъ?

Взирая на пожаръ Кисприна,
На прочи грады оглянись;
Что имъ не равная судьбина,
Не храбросщью своей гордись:
Что земли, гдѣ пивоя корона,
Не слышашъ гибельнаго спона,
Не видяшъ пламенной зари,
Дивящся и въ войнѣ покою;
Побѣдоносной надъ шобою
Монархинѣ благодарь.

Велика божествомъ природнымъ,
Восходишь выше пишиной;
Чшобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двигнулась войной;
Узрѣвъ разперзаннымъ союзомъ,
Наверженныя скипшрамы узмы,
Рекла: какъ злымъ не укрощу?
Алчбѣ ихъ свѣша не доспанешъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянешъ,
Соблещецъ молнія мечу.

Ошъ справъ родящихъ градъ и снѣги,
Съ Ашланшской буря высошн
Сспремилшя чрезъ бугрисны бреги,
Являя страшныя слѣды:
Съ дубами камни покицаешъ,
И горы двигнувъ, раздираешъ:
Налегши на морской хребешъ,
Волнамъ вспрѣчаеця волнами,
Песокъ валяшъ со дна съ кипами;
Тамъ въ пѣнѣ спонешъ новой свѣшъ.

Такъ Россовъ мужество въ походы
Течешъ прошивниковъ шерзашъ,
И роешъ чрезъ поля и воды,
Услышавъ щедрю въ гнѣвъ машъ!
Гдѣ нынѣ Королевско слово,

Что спрашно воинство гогово
На Западъ пушь нашъ прекрашннъ ?
Уже окровавленна Прегла
Крушнсь въ швоей земли, пробѣгла
Россійску силу возвѣснншь.

Тамъ Мемель въ видѣ Фаешонпа
Спремглавъ лешя, Нимфъ прослезмалъ,
Яншарнаго въ заливахъ Понша
Мечпанье въ правду прешворилъ.
За Вислой и за Варшой грады
Паденя или опрады
Опъ волк Росской власши ждушь,
И сердце гордаго Берлина,
Немшоваго исполнна,
Перунн, близъ греми, шрясушь.

Еще не допуснн до року,
Съ ошвагой сопрягннсь шаланъ,
Гиганшу приложили сроку,
Дабы ему умножншь ранъ.
Цорндорфскіе пески глубоки,
Его и нашей крови шоки
Соедннсь, кнпѣлк въ васъ !
Намъ правда опдаешъ побѣду;
Но врагъ шакаго послѣ вреду,
Еще дерзаешъ прошншь насъ.

Богини нашей важность слова
Къ безсмертной славы совершишь
Спрямишь сердце Салшыкова,
Дабы коварну мочь сломишь.
Ни Польскіе лѣса глубоки,
Ни горы Шлонскія высоки
Въ защипу не сподѣшь врагамъ;
Напрасно пушь намъ возбраняютьъ:
Россійскіи споды досягаютьъ
Черезъ пруды къ Франкфуршкымъ спѣнамъ.

Съ профей на профей спупая,
Геройство Росское спѣшишь.
О Муза, къ облакамъ взлешая,
Представъ ихъ раздраженной видь!
Съ желзомъ сердце разкаленнымъ,
Съ Перуномъ руки усшремленнымъ,
Съ зарницей очи равны зрю!
Прошивникъ слѣдуя Борею,
Сказаль: я буйностью своею
Ударъ ударомъ предварю.

Подобно граду онъ густому
Лешаще воинство спѣсниль,
Искаль со стороны пролому,
И рвался въ сердце нашихъ силъ:
Но вихря крушоспъ прежешюка

Въ спремленъи вѣчнаго востнока
Коль долго просшираешъ ходъ?
Обрушась пятгоспнымъ урономъ,
Внезапно съ шумомъ, ревомъ, спномъ,
Преобрашась въ сонны водъ.

Бѣгущихъ горды Пруссовъ плечи
И обращенныя хребты
Подвержены кровавой сѣчи;
Главы валяшся какъ листы.
Теперь съ гошовыми трубами
Передъ Берлинскими врапами
Побѣды нашей дайше звукъ:
Что вашъ Король, полки, снаряды
Не могушь вамъ подашь опрады,
Разсшаны отъ нашихъ рукъ.

О чешь Россійскаго народа,
Въ дни наши войновъ примѣрь,
Что силой перваго похода
Двукрашно сопосшашовъ сперь!
Тебѣ шощъ лавры успунаешъ,
Кшо прочимъ храбро изшоргаешъ,
Кшо внѣ привыкнуль побѣждашь,
При дверяхъ домъ свой защищаа
И крайня силы напрягаа,
Не могъ прошивъ шебя спюнашъ.

Такие у тебя герои,
Монархиня, в злой шифе вѣкъ;
Такие Богъ полковъ далъ спрои,
Какъ царствовашъ тебя нарекъ.
Во всемъ послалъ тебѣ успѣхи,
И въ мирѣ и въ войнѣ ушѣхи:
О коль блаженны мы тобой!
Искусства, нивы, шоргъ, науки,
Побѣдоносны слыша звуки,
Блажашъ свой внушрений покой.

Какого свѣплосшь зрю собора?
Подвижники межъ звѣздъ спояшъ,
Пешрова наслаждаеся взора,
Красуйшесь, къ сродникамъ гласяшъ;
Мы сперли мужествомъ гордыню,
Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ отдаешъ живошъ,
Опъ казни винныхъ свободая,
Щедрошой бѣдныхъ воскрешая,
И духъ вливая шѣмъ въ народъ.

)
Ревнуйше нашему примѣру:
Поможешъ Богъ, какъ намъ помогъ.
Ее, опечесшво и вѣру
Предсшавивъ, презирайте рокъ.
Не ускоряшъ вамъ дни спокойны?

Ляпнешь въ брани насъ достпойны,
И дѣпнямъ сей внушише гласъ.
Герои съмени Пешрова,
На зависъ усшремляясь снова,
Въ пощомкахъ нашихъ сприсяшъ насъ,

Воздвигнися въ сей день, Россія,
И очи окрещъ возведи;
Къ шебѣ гласяшъ концы земныя:
„Межъ нами распри шы суди
ЕЛИСАВЕТИНОЙ державой:
Ея великолѣпной славой
Вселенной преисполненъ слухъ.
Мы равно нынѣ воокликаемъ,
Желаній жерщву возсылаемъ,
Какъ вѣрнымъ ей Россіяны духъ.“

„Ея неодолимо войско
По правдѣ ходишъ поборашъ,
И сердце съ крошоспью геройско
Съ пощадой знаетъ побѣждашъ.
Коль щщешно пышное упорство,
Надѣясь на свое проворство,
Сбираешъ бѣглые полки;
Въ предѣлы крошкаго зефира
Злашаго не пріемлешъ мира:
Еще кровавой ждешъ рѣки.“

Съ верховъ цвѣтущаго Парнасса
Смощри на рвеніе сердець,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
„Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губишельныхъ брани.“
О Боже! мира Богъ, воспани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
О имени Пешровой дщери
Военны запечатай двери,
Пишай насъ пишиной швоей.

Иль мало, смершны мы родились,
И удвоашъ должны свой плѣнь?
Ещель мы мало ушомились
Жишпейскихъ шягошшой бременъ?
Возри на плачь осиропѣвшихъ,
Возри на слезы преспарѣвшихъ,
Возри на кровь рабовъ швоихъ.
Къ шебѣ, любовь и радосшь свѣша,
Въ сей день зовешъ ЕЛИСАВЕТА;
Низвергни брань съ концевъ земныхъ.

О Д А XV.

На день возшествия на всероссийскій престолъ
влаженный памяти Государыни Императрицы
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Ноября 25 дня 1761 года.

Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
Иль лучше, лѣтъ на насъ щедромы,
Монархиня, коль благъ совѣтъ
Для Россовъ вышнїя добромы!
О коль къ намъ склонны Небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройскаго восхода олдѣ
Приосвѣнешъ благодашъ;
Война и миръ даюшъ побѣды:
О Боже, чѣмъ шебъ воздашъ?

Еще, еще бодрись, возпой
Злашая лира дщерь Пепрову,
Гласи и брани и покой,
И силу возпрїявши нову,
Въ преклонной звѣкъ мой возлешай,
Младня лѣпа превышай.
Она щедромы умножаешъ,
Ты возносишьсѣ не преспань:
Ей свѣтъ довольства посвящаешъ,
И ны сугубъ желанїй дань.

Красуйся въ сей блаженный часъ,
Какъ вдругъ шріумфы возсіяли;
Тѣмъ вѣщше озарили насъ,
Чѣмъ были мрачныѣ печали.
О радость, дай вспомянушь!
О радость, дай на нихъ взглянушь!
Мы больше чувсшвуемъ ошрады,
Какъ скорби видимъ за шобой:
Злощасшья ненавистны взгляды
Любезный красяшть образъ швой.

Безгласна видя на одрѣ
Защщщника, Ошца, Героя,
Рыдали Россы о Пешрѣ;
Вездѣ наполненъ воздухъ волъ,
И съшшовали всѣ мѣсна;
Земля казалася пущна;
Взглянушь на небо, не сіяеть;
Взглянушь на рѣки, не шекупь,
И горь высокосшь осѣдаецъ;
Нашуры всей пресѣкся шрудь.

ЕКАТЕРИНѢ скипшрь врученъ
Ошечесшвомъ и домошъ правяшъ!
Народъ нашъ шщщлся ободренъ
Трудовъ Пешровыхъ не ошавяшъ.
Но ахъ, свирѣца наша часшь!

Любезна жизнь ея и власшь
И мужескъ поль за ней пресъкса;
И унывающій народъ
Въ печали врепище'облекся,
Чшо ошлучень Пешровъ былъ плодъ.

Ужасны хляби, спремнины
Спояшь противъ Пешровой дщери,
И швердосшь тяжкія спъны,
И въ вѣкъ заклепанная двери
И непроходныхъ спранъ морей
Лишають насъ надежды всей;
Нъшь способа и нъшь совѣша!
Но Вышній нашъ услышалъ гласъ:
Великая ЕЛИСАВЕТА
Се царсшвуешь и щедришь насъ!

Поспавиль Богъ и Россовъ духъ,
И не подвигнешся во вѣки.
Какая рѣчь плъняентъ слухъ?
Гласяшь моря, лѣса и рѣки,
Тамъ Нимфы повпоряють рѣчь,
Какъ въ спрѣчу ей спѣшили пещь:
„Кшо ты? Минерва иль Діана?
Кшо машь шебѣ и кшо ошець?
Богиней въ свѣщѣ бышь избранна,
Доспойная носить вѣнецъ!

„Не ты ли, коей долго ждемъ,
Желаемъ, льемъ пошоки слезны?
Она и спаномъ и лицемъ,
ЕКАТЕРИНИНЪ взоръ любезный,
Подобіе и духъ Пешровъ,
Оспрада наша и покровъ.“
О дщери Росскія, играйше!
Надежда ваша васъ не льшипше,
И съ удовольствіемъ внимайше,
Что вамъ Богиня говорише.

„На ошческой прешполъ всхожу
Спасши ошъ злобы ушъсненныхъ,
И щедрой власшью покажу
Свой родъ, умножу просвъщенныхъ.
Моей державы кропка мочъ
Ошвергнеше смершной казни ночь;
Владъше хочу зефира шише;
Мои всъ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свше
Въ успахъ прощенье, въ сердцѣ Богъ.

О дѣломъ совершенный гласъ!
Благодѣянія швомъ держава,
Щедроше исполненъ всякой часъ!
Единая шокмо брань кровава
Принудила правдивой мечъ

Противу гордости извлечь,
Какъ спѣну Росску грудь постшавишь
Въ защиту дружескихъ державъ,
И ошъ насильныхъ рукъ избавишь,
Въ союзъ вѣрность показавъ.

Какъ вождѣнный солнца лучъ,
Хотя не пресная сіяеть,
Скрываешься ошъ мрачныхъ шучъ,
И не повсюду согрѣваешь.
Подобно милосерда власшъ
Любя себѣ врученну часшъ,
Сіянiе даешь всечасно,
Чшобъ грѣшъ и освѣщаешъ народъ:
Но шернишъ дѣйшвіе прекрасно
Уронъ ошъ бранныхъ непогодъ.

Необходимая судьба

Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чшобъ въ нѣдрахъ мягкой пшшины
Не зацвѣли водамъ равны,
Чшо вокругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спяшъ,
И подъ лѣтивными лисшами
Презрѣнной производяшъ гадъ.

Война плоды свои расщипъ,
Героевъ въ мѣръ раждаетъ славныхъ,
Обширныхъ обласпей еспь щипъ
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена;
Россійска повѣсь шѣмъ полна,
Уже изъ шмы на свѣтъ выходишь
За ней великихъ полкъ мужей,
Что на псапшръ всевъшпный взводишь
Одѣшыхъ солнечной зарей.

Се бодрый воинъ Святославъ
Славинъ и Скивовъ съ Печенѣги
И Болгаръ съ Турками собравъ,
Дунайски наполняетъ брегъ,
И побѣдипель всѣмъ гласишь:
„Здѣсь сердце спранъ моихъ лежишь,
Смарагды, шолкъ даюшь мнѣ Греки,
Вино и злато Угровъ шрудъ,
Народъ и хлѣбъ велики рѣки,
Что въ опчеспивѣ моемъ пекушь.“

Ему геройшвомъ равный сынъ
Владимиръ, превосходный вѣрой,
Войной и миромъ исполинъ,
Ошмспивъ за брата равной мѣрой,
Съ Дунайскихъ и до Камскихъ водъ
Часть I.

Вливаетъ свѣтъ Хрисптовъ въ народъ;
Счешавъ съ любовью поспояншво,
Гуспую разбиваетъ шѣнь;
На Пѣруна, и на поганшво
Спунивъ, возшедшій кажешъ день.

Не шо ли храбрый Мономахъ?
Онъ метъ вознесъ на Визаншю,
И Комнций облеченный въ спрахъ
Вѣнецъ взолагаетъ на Россію.
Тамъ плещушъ Невски берега,
Низвергнувъ дерзкаго врага
Пешрова мужешшвомъ предшечи,
Опъ Запада зашщпникъ онъ.
Се Дмишрїевы сильны плечи
Гуспяшъ Ташарской кровью Донъ.

Тезоименны дѣдъ и внукъ 1)
Разбишши бросающъ узы,
И кажущъ всей вселенной вокругъ,
Державу, права, метъ, союзы;
Тамъ равный сродникъ Алексій,
О Висла, до швоихъ зыбей
Границы дѣль своихъ посшавиль,
Прошелъ бы далѣй, мало жилъ!
Но плоды геройскихъ дѣль осшавиль,
Какого сына онъ родиль!

1) Государи: Великій Князь Іоаннь Васильевичъ
и Царь Іоаннь Васильевичъ.

Бодрисъ мой духъ, смощри, внимай:
Сквозь дымъ небесный лучъ блиспаешъ!
Сквозь волны, пламень, вижу рай;
Тамъ Богъ десницу проспираешъ,
И крѣпость неизмѣрныхъ силъ
Пешру на свѣшъ поручилъ.
„Низвергни храбросшю коваршво,
Войнами укропи войны;
Одѣнь оружьемъ новымъ царшво,
Полночны оживи спраны.“

Ведешъ Творецъ, онъ идешъ въ свѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россм ускорайше
На образъ въ знакъ его побѣдъ
Рифейски горы изшоцайше,
Дабы его безсмертный ликъ,
Какъ солнце, свѣшель и великъ
Силъ во всѣ концы земныя,
Опъ неизвѣстныхъ зримъ былъ мѣспъ,
И небу равная Россія
Казала дѣлъ, коль много звѣздъ.

Посмошримъ въ западны спраны:
Опъ спрѣлъ Россійскія Діаны.
Изъ превеликой вышины
Спремглавно падаюшъ Типпаны.
Ты Мемель, Франкфуршъ и Киспринъ,

Ты Швейдницъ, Кенигсбергъ, Берлинъ,
Ты звукъ лешающаго спродъ,
Ты Шпрея хипрая рѣка,
Спросите своего Героя:
Что можешь Росская рука?

Великая ЕЛИСАВЕТЪ

И силу кажешь и державу;
Но въ сердцѣ держишь сей совѣтъ:
Размножишь миромъ нашу славу,
И выше, какъ военной звукъ,
Поспавишь красоту наукъ.
По мнѣ, хошябъ руно злано
Я могъ какъ Язонъ получишь;
Тобъ Музамъ для жинья въ покоѣ
Не усумнился подарить.

Въ войну кишишь съ землею дровъ,
И суша съ моремъ негодуешь;
Владѣешь въ мирны дни любовь;
И вся натура шоржесшвуешь.
Тамъ заглушаешь мысли шумъ;
Здѣсь красишь всѣ довольства умъ.
Се милосшь испияну срѣщаешь,
Возрише, смершны, въ высошу!
И правда пишину лобзаешь,
Я вижу вѣчну красоту.

Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь
Всего пресвѣшлѣе сіяешь,
Вокругъ и злапо и лазурь:
Всесдѣльный Мирь себя являешь,
Оливна въшвь, лавръ, слава, мечь!
Внимай, подсолнечная, рѣчь:
Петрова дщерь вамъ въ вѣкъ залогомъ.
„Я живъ и обладаешъ Пепръ,
Пребуду вѣчно вашимъ Богомъ,
И, какъ ЕЛИСАВЕТА, щедръ.“

О Д А XVI.

Блаженныя памяти Императору ПЕТРУ
ФЕОДОРОВИЧУ на возшествіе на пре-
столю и купно на новый 1762 годъ.

Сіяй, о новый годъ, прекрасно,
Сквозь гущину печальныхъ шучь:
Прошло зашменіе ужасно,
Умножь, умножь оспрады лучь.
Уже плачевная ушраша,
Дражайшая сокровищъ злаца,
Сугубо намъ возвращена.
Благополучны мы спокрашно:
ПЕТРА великаго обращно
Вспрѣчаешъ Росская спрана.

ПЕТРА воздвигъ съ Екашериной,
И съ Павломъ, о драгой залогъ!
Послалъ намъ радосшь за судьбиной
Въ щедрошахъ неизмѣрный Богъ.
Орель великій обновился,
На высотѣ своей явился,
И надъ Европою парилъ.
Россіяне руками плещушь,
Враги въ уныніи шрепещушь,
Познавъ, кшо носишь скищирь, мечь, щирь.

Премудрая Елисавета
На опческій преспошь возшедь,
Движеньемъ вышнята совѣша
Блюла опчеспиво опшь бѣдь.
Доспитгнувъ мужескимъ геройспвомъ,
Опвсюду облекла спокойспвомъ,
Свое наслѣдство упвердивъ,
Чшобъ былъ для счастья Россоевъ, славы,
Безъ пресѣченія державы
Великій ПЕТРЪ во вѣды живъ.

Ея совѣшми совершилксъ:
На шронъ наслѣдннй ши вспунилъ,
Монархъ, мы въ вѣкъ ея лишилксъ;
Но ши восходомъ оживиль.
Приемлешъ скипшрь, она вручаешъ,
И въ вѣчноспшь опходя, вѣщаешъ:
„Владѣй, храни, возмись народъ,
Моей опасносшью спасенннй,
Угврь всѣхъ, мноѣ благословенннй,
Чшо ши ПЕТРОВЪ и АННИНЪ плодь.

„Когда я съ нею разлучалась
И въ ложснахъ ея съ шобой,
Коль горесшно шогда шерзалась,
Опчялнна въ судьбинѣ злой!
Но большу опщущала радосшь,

Твою возлюбленную младость
Въ объятія свои принявъ :
И нынѣ опкою съ покоемъ ;
Опечесство побой Героемъ
Превыше будетъ всѣхъ державъ.

Уже ко предспоящимъ слезнымъ
Опъ облакъ обратила видъ ;
И. умиленіемъ любезнымъ
Озрѣвшись, къ высотѣ спѣнишь,
Освободясь опъ часпци плѣнной,
Восходишь къ жизни непремѣнной.
Молчише горы и лѣса ,
Моря и вѣспры безпокойны,
Внимайте мнѣ и будыше спройны ;
Мой умъ вперился въ небеса.

Опворенный ЕЛИСАВЕТЪ

Ея преславныхъ предковъ храмъ
Сіяешъ въ безконечномъ свѣтѣ ,
По звѣзднымъ распросперитъ полямъ.
Среди геройскаго собора
Лучемъ божеспивеннаго взира
Яснѣйшій прочихъ духъ ПЕТРОВЪ
При входѣ свѣшозарной двери
Десницу просширая дщери,
Къ себѣ въ небесный вводишь кровь.

„Гряди къ блаженному покою,
Гряди къ намъ въ вѣчно торжештво,
Гряди и царствуй здѣсь со мною,
Такъ хочешь выше Божештво.
Ты живь съ безсмертными досщойна;
Россія по тебѣ спокойна:
Ты возвратила въ ней уронъ;
Ты кровь мою возобновила,
Въ наслѣдствѣ внука утвердила;
Тобою онъ возшелъ на пронъ.”

„Великодушія, щедрости
И мужештва дала примѣръ,
Чшобъ руку онъ къ своимъ для льготы
И мечъ противъ враговъ просперъ.
Тобой цвѣшешь мой градъ любезный,
Пешрополь славный и полезный;
Но будешь выше древнихъ дивъ.
Предѣлы тмы распространила;
Его благословенна сила
Поспавишь, вѣчно утвердивъ.”

„За истинную добродѣтель
Земля тебѣ давала плодъ;
Всегда преклоненъ былъ Содѣтель;
Въ довольствѣ множилъ швой народъ.
Наслѣдникъ шюю же спезею

Спуная ревностью своею,
Преклонить вышнее добро.
Была, как пш, напура щедра,
Ошкрыла горь съ богапшвомъ нѣдра;
Ему спорично дастъ сребро.

„Ты награждала всемъ науки;
И онъ щедрошой оживишь,
Искусшвомъ обученны руки
Снабдишь, умножишь, просвѣшишь.
Онъ посшдишь, какъ пш, злодѣвъ.
Оспавленъ посредѣ профеевъ,
До облакъ оны вознесешь;
И на проспранной свѣшна часши
Конѣцъ своей положишь власши,
Гдѣ знакъ спощицъ швомъхъ побѣдъ.

„Но больше чшю сію заслугу,
Что пш усердшвуя къ нему,
Досшойную дала супругу,
Любезну опчешву всему.
Уже изъ общей ихъ любви
Цвѣщешь онъ нашей опрасль крови
Дражайшій Павелъ правнукъ мой.
Продлишь Господь его пошомки;
Дѣла ихъ возвеличишь громки,
Прославишь брани и покой.“

Богиня новыми лучами
Красуешься окружена,
И звѣзды видишь подъ ногами
Свѣплѣ оныхъ какъ луна.
Уже щоржесшвенные лики
И радосшныхъ Героевъ клики
И браннымъ неспершимъ свѣщъ
Всю силу ока пришупляють, (
Вниманье слуха заглушають:
Видѣнїя закрылся слѣдъ.

Оспавивъ высопу прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народовъ ревность всѣхъ согласну,
Какъ въ вѣки всѣ свѣшила шани.
Ошъ Юга, Запада, Воспока
Полями, славою широка
Россїя кажеть вѣрной духъ.
И какъ ЕЛИСАВЕТЪ швердо
ПЕТРУ вдаешъ себя усердо,
Едва лишь гдѣ достигнулъ слухъ.

Хребты полей прекрасныхъ, шумныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ щекушъ,
Дѣлъ послухи Пешровыхъ звучныхъ
Съ весельемъ поминая шрудъ,
Тебѣ обильны движущъ воды,

Тебѣ, Монархъ, павдяты народы,
Несутъ довольство всѣхъ пошребъ,
Что воздухъ и вода раждаешъ,
Что мягкая земля пишаешъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Тамъ мерзлыми шумишь крилами
Опець густыхъ снѣговъ борей,
И ошворяешъ ходъ межъ льдами
Дашъ волю пушъ въ Воспокъ швоей,
Чтобъ Хины, Инды и Японы
Подверглись подъ швой законы.
Тебѣ отъ вѣрной глубины
Руками плещутъ воды бѣлы;
Ликуютъ запады предѣлы,
Предвидя счастье войны.

Европа нынѣ восхищенна
Внимая, смотришь на Воспокъ,
И ожидаешъ изумленна,
Какой опредѣлишь ей рокъ.
То видишь зракъ швой предъ полками
Подобный Марсу межъ врагами;
То предсшавляешъ общій пиръ,
Оспрады ради упомленныхъ,
Избавы ради раззоренныхъ,
Тобою обновленный миръ.

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловець
Спѣшишь по дальности безмѣрной,
И не явлѣшься конецъ;
Прилѣжно смотришь пшницъ полешы,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣшы,
И какъ ужъ помнюю главу
На брегъ желанный полагаешь,
Въ слезахъ опъ радости лобзаешь
Песокъ и мягкую праву.

Германія сему подобно
По собсшвенной крови плывешь;
Во время смущно, неспособно
Конца своихъ не видишь бѣдъ;
На Фарось силъ швоихъ зриаешь,
Къ шебѣ дорогу направляешь,
Тебѣ себя въ покровъ опдашь
Въ согласіи желаешь спройномъ
Въ швоемъ присшанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣшви цѣловашь.

Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
Какъ общій ускоришь покой,
Пребудешь знашнѣйшій въ сосѣдахъ,
Прехвалень миромъ и войной.
Тогда въ шрудахъ шебѣ любезныхъ,

Россійскимъ обласнямъ полезныхъ,
Все время будешь провождатьъ ;
И каждой день алашаго вѣку,
Коль долго можно челоуѣку,
Благодѣяньями вѣнчашъ.

Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ буръ ;
Въ зеркаль жидкомъ предсавляетъ ,
Небесной ясности лазурь,
И солнце съ вышины дивился,
Члю само шоль глубоко зрится.
Такъ шы, о нашихъ дней вѣнецъ ,
Во внушренныхъ грудяхъ сіяешь ,
И свѣшлый ликъ изображаетъ
Въ спокойной радости сердцеъ.

Великолѣпно облекися
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися,
Самсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ ПЕТРЪ шобою обладающъ,
И Голяеовъ презирающъ.
Сильнѣе шигровъ онъ и львовъ,
Геройска бодрость въ немъ избранна.
Изсохнешъ на земли пошранна:
Свирѣпость змѣевыхъ головъ.

Голспинія возвеселся,
Что опъ тебѣ цвѣщель нашъ Кринь.
Ты къ морю въ празднеспвѣ спремися,
Цвѣщущій славою Цвейщинь.
Хошя не силенъ ты водою,
Но радоспью сравнись съ Незою,
До Зунда шумъ швой разпроспри.
Соединенные Россійскимъ
Посшавъ по берегамъ Балшійскимъ
Желаній вѣрнмъ алшари.

Спѣши, спѣши, весна злашая,
Умножь опраду шешлопой;
И новы вѣки начиная,
Спихій здравіемъ напою;
Вели благоухашъ Зефиру;
Съ ПЕТРОМЪ поля одѣнь въ порфиру,
И вѣмъ пріятносшямъ швоимъ
Подобную ЕКАТЕРИНУ
Надежды нашей причину
Снабди, снабди плодомъ драгимъ.

Небесъ и всѣхъ вѣковъ Зиждншель,
Источникъ всякаго добра,
Царей и царшвъ земнмъ Правнщель,
Ты оправдалъ владѣшь ПЕТРА
Подсолнечной великой часпью,

Упѣшь его народы властью,
Преславный вѣкъ ему подай,
Супругъ вѣщи вожделѣнной,
И больше какъ во всей вселенной
Въ ПЕТРОВѢ домъ обитай.

.....

4

О Д А XVII.

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОЗШЕСТВИЯ; НА
ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛЪ ГОСУДАРИНИ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. ЮНЯ 28
ДНЯ 1762 ГОДА.

Внемлите, всѣ предѣлы свѣша,
И вѣдайше, что можете Богъ!
Воскресла намъ ЕЛИСАВЕТА:
Ликуешь церковь и черпогъ.
Она, или ЕКАТЕРИНА?
Она изъ обѣихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Злапой наукамъ вѣкъ возспавишь,
И ошь презрѣнія избавишь
Возлюбленный Россійскій родъ.

Россійскій родъ, коль ты ужасенъ
Въ поляхъ прошивъ своихъ враговъ;
Толь домъ швой въ нѣдрахъ безопасенъ,
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови шоржешвуешь.
Ты буря шамъ, здѣсь шишина.
Умѣренность шевъ въ кровь бранну,
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Ошь шрехъ въ сей вѣкъ Богинь дана.

Часть I.

13

Петра Великаго супруга
Введенная самимъ на прорнь,
Краса и честьъ земнаго круга
И слава скипшровъ и коронь,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго спрою
Даешьъ спасительный совѣшь,
Военно сердце умягчаешь;
И миръ прлявши лобызаешь
Разженныйъ яросшью Магметъ.

ЕЛИСАВЕТА царшвомъ мирнымъ
Россійскія мягчишь сердца,
И какъ дыханіемъ зефирнымъ,
Взираньемъ крошкаго лица
Вливаешьъ благосклонностьъ въ нравы,
Въ войнахъ не умаляя славы.
Возложенный себѣ вънецъ
Побѣдой, миромъ украшаешьъ,
Трофеями превозвышаешьъ
Державы своей конецъ.

Въ сіи прискорбны дни природнымъ
Россійскимъ испиннымъ сынамъ,
Ослабу духомъ благороднымъ
Даешьъ ЕКАТЕРИНА намъ.
Мы крошосши Богинь навькнувъ,

И въ счастье ими данно вникнуть,
Судбину шщимся опшрашишь.
Ужь для общеспвенна покова
Согласно всѣхъ душа гошова
Въ ней дщерь Цешрову возврашишь.

Слыхаль ли кто въ свѣшъ изъ рожденныхъ,
Чшобъ шгоржешвующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О спыдь, о спранной обороншъ!
Чшобъ кровью куплены шпрофеш
И побѣдшелей злодѣи
Приобрѣли въ напрасной даръ
И данную залогомъ вѣру.
Въ шебъ Россія нѣшъ примѣру;
И нынѣ опшращенъ ударъ.

Любовь швоя къ ЕКАТЕРИНѢ,
ЕКАТЕРИНИНА къ шебъ
Побѣду даровала нынѣ;
И Небо вѣрной сей рабъ
Безъ раздробляющаго звуку
Крѣпишь благословенну руку
На нашихъ буйныхъ сопосшашъ.
О коль видѣнше прекрасно!
О коль мечпанше ужасно!
Чшо смошришь сей, чшо слышишь градъ?

Не мракъ ли въ облакахъ развился?
Или открылся гробъ Пепровъ?
Онъ взоромъ смущень пробудился
И произноситъ гласъ плаковъ:
„Я мертвъ шерплю несносну рану!
На шо ли вселюбезну АННУ
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ шо моя Россія
Подъ игомъ обласши чужія
Ляпилась власши, славы, силъ?

„На шоль, чѣпобъ всѣ шруды несчетным
И пріобрѣшены плоды
Разрушились и были шщепны,
И новы возрасли бѣды?
На шоль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасень былъ,
И вмѣсто радосшнои сполицы
Тревожилъ дальняя границы,
Кошоры я разпроспранилъ?“

О пѣнь великая, спокойся!
Мы помнимъ шмы швоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчношти успройся:
Твой шрудъ межъ нами живъ вокругъ.
Не предадимъ швоей любви,

Не пощадимъ послѣдней крови.
Слѣшимъ опечесиво покрывъ
Во слѣдъ премудрой Героинѣ,
Любезной всѣмъ ЕКАТЕРИНѢ,
Любезны ей и вѣрны бышь.

Что чаяли, вы Невски Музы,
Въ великій оный громкій часъ?
„Согласны мыслей всѣхъ союзъ
Веселый возвышали гласъ.“
Какъ звали ревностну присягу?
„Благословенную ошвагу.“
Что зрѣли, какъ закрылся день?
„Намъ здѣшніе брега и волны
Величествя, пріятшсшва полны
Сквозь шонкую казались пѣнь.

„Среди избраннѣйшихъ Героевъ
Между блисшающимъ ружьемъ,
Среди непобѣдимыхъ спроевъ
Сверкаетъ красота мечемъ,
И нѣжнось пола уважаетъ,
И шюю храбросшь украшаетъ:
Объими сердца влечетъ.
Всякъ видя, слѣдую за нею,
Гласишь усшами и дущею:
Такъ шла на шронъ ЕЛИСАВЕТЬ!“

Гряди Россійская опрада,
Гряди желаніе сердце,
И буди ошь враговъ ограда,
Поспавъ опасностямъ конецъ;
И оправдай ЕЛИСАВЕТУ,
Всему доказывая свѣшу,
Что полная шріумфовъ брань
Посыждена поноснымъ миромъ,
И сопоспашъ почтенъ кумиромъ,
Ошь насъ пріемлешъ въ жершву дань.

Уже намъ дневное свѣшило
Свое пресвѣщенное лице
Всерадоспнымъ очамъ явило
Лучей прекрасныхъ во вѣнцѣ;
Туманы, мраки разгоняя,
И радость нашу предваряя,
Поля, лѣса, брега живишь;
Въ росѣ, въ струяхъ себя являешь.
Ему подобный къ намъ сіяешь
Избавившей Богини видъ.

Въ удвоенномъ Пешрополь блескѣ
Торжественный подъемлешъ шумъ,
При громкомъ возхищаясь плескѣ
Ощрадой, возвышаешъ умъ.
Взирая на свою избаву,

На мысль приводишь прежню славу.
Въ церквахъ, по спогнамъ, по домамъ
Несчетно множеству народу
Гремящу предспавляешь воду,
Что гласъ возносишь къ небесамъ.

Теперь злоумышленье въ ямъ
За гордоси свержено лежитъ;
ЕКАТЕРИНА въ Божьемъ храмѣ
Съ благоговѣнїемъ спкоишь;
Хвалу на Небо возсылаешь,
И купно сердце всѣхъ пылаешь
О цѣлоси ея и насъ;
Что Вышній крѣпкою десницей,
Богиню намъ подавъ Царицей,
Опъ гибели невинныхъ спасъ.

Услышите судїи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушаетъ свящие
Опъ буйности блюдишесь вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки изправляйте
Ученьемъ, милосшью, шрудомъ.
Вмѣстїише съ правдою щедрому,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословишь вашу домъ.

О коль велико, какъ прославяшь
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оспавяшь,
Опш пѣснопомъ своей въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру,
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ,
Твердѣе всякаго щипа.

А вы, копорымъ здѣсь Россія
Даешъ уже опш древнихъ лѣтъ
Довольство вольности злая,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сбѣдамъ дружбу,
Позволяа по зѣрѣ службу
Безпрешкновенно приносишь.
На шоль склонились къ вамъ Монархи
И согласились Іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредишь?

И вмѣсто, чтобъ вамъ бышь межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считашъ насъ вашими рабами
Въ проптивности испияны вещей,
Искусство нынѣшне доводомъ,

Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышлено ошъ вашихъ главъ,
Къ попоранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью прона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

Обширносшь нашихъ спранъ измѣрьше,
Прочшише книги славныхъ дѣлъ,
И чувшвамъ собспвеннымъ повѣрьше:
Не вамъ подвергнушь нашъ предѣлъ.
Изчислише шьму сильныхъ боевъ,
Изчислише у насъ Героевъ
Ошъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у священнаго алцаря.

О коль Монархъ благополучень,
Кпо знаешь Россамъ владѣшь!
Онъ будешь въ свѣщѣ олавой звучень
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣшь.
Тебя шоль счастливу счищаемъ,
Богиня, въ коей признаваемъ
Въ единой всѣ доброты вдругъ,
Щедроты, вѣру, справедливосшь,
И съ поспоянспвомъ прозорливосшь,
И истинной геройской духъ.

Оснадцать лѣтъ ты украсила
Благословенный домъ ПЕТРОВЪ;
ЕЛИСАВЕТЪ подражала
Монаршихъ въ высотѣ даровъ.
Освобождая утѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ
Отъ злой судьбы тебя избавишь,
Надъ нами царствовавъ цоспавишь,
И оперешь намъ шоки слезъ.

Науки нынѣ поржесивуйше:
Взошла Минерва на прешполь,
Пермесски воды ликовшвуйше,
Шумя крупнѣшесь въ злчяный долъ;
Вы въ рѣки и въ моря спѣшише,
И нашу радость возвѣспише
Лугамъ, горамъ и оспровамъ;
Скажише, что для просвѣщенья
Повсюду утвердишь ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

А ты, о ошрасъ вожелѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
Будь жизнь шволя благословенна,
Прекрасна посреде наукъ!
Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся,

Въ объятыхъ рождшей утѣшайся,
И бывши скорби забывай.
Она всѣ бури успокоитъ ;
Щедрошой, ревностью успроитъ
Тебѣ и намъ прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которымъ промысль положилъ
Пріять намѣренія пверды
Противу беззаконныхъ силъ
Въ зацщипу нашей Героинѣ,
Красуйшесь, веселишесь нынѣ:
На васъ лавровы вѣнцы
Въ несчетны вѣки не увянутъ,
Доколѣ Россы не прешанутъ,
Гремѣшь въ подсолнечной концы.

О Д А XVIII.

На новый 1764 годъ Государынь Импе-
ратриць ЕКАТЕРИНЪ II.

Пою наспавшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красоша въковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радосшь и покровъ!
Не обинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой правишь поручаю
Послушницѣ швоей судьбѣ;
И можноль, чшобы наши лѣша
Россійскаго ошрадѣ свѣша
Не уподобилась шебѣ?

Геройскихъ подвиговъ хранишель
И проповѣдашель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдишель,
Возвыси нынѣ свѣцлмый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины;
И для похвалъ ЕКАТЕРИНЫ
Какъ наша радосшь разивѣшпай:
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврапи въ зефиры,
Предсшавъ зимой въ полнощи рай.

Среди шоржеспивеннаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чша Пешрову внуку,
Пою, какъ пѣль Пешрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже зависливый злодѣи
Черезъ вредны воспяшящъ зашѣи
Почтишельный къ Монархамъ духъ.

Усыновленна добродѣтель
Россійскій украшаешь свѣщъ:
Тому начало и свидѣтель.
Избраніемъ ЕЛИСАВЕТЬ.
Усердіе всего народа
Крѣпитъ, какъ кровная природа.
О скипшрь, вѣнецъ, о пронъ, чертогъ,
Сужденны вновь ЕКАТЕРИНЪ,
Красуйтесь о вшорой Богинѣ!
Той Пешрь вручалъ, сей звѣрилъ Богъ!

Самъ Богъ ведетъ, и кто пропшву?
Кто ходъ его оспановитъ?
Какъ океанскихъ водъ разливу
На встрѣчу кто пославитъ щитъ?
Гдѣ звуки? гдѣ огни и спрашъ?

Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахъ?
Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
Въ свою не принялъ благоспыню;
Но щедра крошку Героиню,
Покрмь, воздвигъ, вѣнцемъ почтилъ.

Превыше облакъ возходящій
Недвижно зришь отъ звѣздъ Ашлантъ
На вихрь въ подножіяхъ шумящій:
Такъ блестящій ея шалантъ
Души и шѣла красосою
Надъ мрачною налоговъ мглою
Въ лучахъ небесныхъ вознесенъ,
Туманы, бури презираешь,
И дни неспройны премѣняешь
На ясность радоспныхъ времянь.

О! шм пресвѣтлмй предводишель
Отъ вѣчноши шекущихъ лѣшь,
Цвѣшущихъ, дышущихъ живишель,
Ты око и душа планешъ,
Позволь ко швоему мнѣ дому,
Ко храму швоему злашому,
Позволь приближившись возерѣшь!
Уже изъ свѣтлмхъ врашъ сафирныхъ
Направиль коней шм Ефирныхъ
Ржушь, шончушь, швердъ, сифшантъ лешѣшь.

Ты съ новымъ шоржесшвуя годомъ,
Между блиспающихъ колесъ
Лазуревымъ пусшился сводомъ,
Течешь на крупизну небесъ;
Сшремьясь къ прїяшсшвамъ вешней нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги.
Таковъ ЕКАТЕРИНИНЪ нравъ,
Народну грубосшь умягчаешь,
И всѣхъ къ блаженсшву приближаешь
Теченьемъ обновленныхъ правъ.

Пошомъ сильнѣйшими лучами
Сіяя въ большей высотѣ,
Прольешь испочки полями
Въ цвѣшущихъ злаковъ красотѣ;
Лисшами увѣнчаешь лѣсы;
Въ куссахъ кругомъ молодой Цересы
Возбудишь сладкогласныхъ пшницъ.
Туда расшущимъ сель богашсшвомъ,
Туда пы привлечешь прїяшсшвомъ
Поющихъ юношъ и дѣвиць.

ЕКАТЕРИНИНЫ доброты
Сїяли къ намъ изъ мрачныхъ шуть;
Но больше шѣмъ ея щедроты,
Чѣмъ выше и яснѣ лучъ:
Державы свояя весною

Къ доводьспву, славъ и покою
Обильно сыплеть съмена,
Печешся, ограждаетъ, грѣпть.
О коль богатый плодъ поспѣпть
Въ шебъ, Россійская страна!

Когда съ превыспреннихъ несносной
Приблжидпся на землю жаръ;
То дождь прольешъ намъ плодоносной
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ,
Умъришь шѣмъ прекрасно льшо,
Какъ сердце Росское нагрѣпно
ЕКАТЕРИНИНЫМЪ лучемъ.
Ты сладосщной росой прохладу,
Она щедрошою опраду
Подаспть и удовольсщво всѣмъ.

Украшипъ пщасъ лице земное,
Ночную сокращаетъ шѣнь;
Она о подданныхъ покоѣ
Печешся, ночь вмѣняя въ день.
Россіане, народъ послушной
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчель
Въ шрудахъ Царицѣ подражайше,
И сладосщъ счасщья умножайше
Успѣхами полезныхъ дѣлъ!

Уже по изобильномъ лѣшѣ
Доспигнешь солнце, гдѣ вѣсы
Равняющъ день и ночь на свѣшѣ,
И слѣдомъ лѣшнія красы
Прислѣпешъ по шрудахъ опрада,
Какъ сладоспной изъ винограда
Пошоками прольешся сокъ;
Тогда дыханія способны
Съ богачспвомъ въ приспани удобны
Поспавяшъ корабли на срокъ.

Я слышу Нимфѣ поющихъ гласы,
Носящихъ сладкіе плоды,
Тамъ въ гумнахъ чиспашъ пучны класы;
Шумяшъ огромныя скирды.
Среди охошничей шревоги
Лѣсами раздающся роги,
Въ покоѣ предспавля брань.
Сіе Богинѣ несравненной
Въ избытокъ принесушъ осенной,
Земля, вода, лѣсъ, воздухъ дань.

Въ сіи часы благословенны,
Когда Всевышній оградилъ
Помазаньемъ швой верхъ священный,
И славою вѣнца покрывъ;
Когда по ожиданью многомъ

Часть I.

14

Снабдилъ дражайшимъ насъ залогомъ,
Младого ПАВЛА даровавъ ;
Какого мы добра предсказавишь
Не можемъ, и Творца прославишь,
Толикіе дары пріявъ.

На іронъ взошла ЕКАТЕРИНА
Не токмо, чѣмъ себя спасши
Опъ бѣдъ, чѣмъ ближила судьбина ;
Но чѣмъ Россіянъ вознесши.
Предвидя общія напасши,
Чѣмъ угрожалъ вредны спрасши,
Готова съ нами поспрадашь,
Черезъ опмѣнишное геройство
Себѣ и намъ дала спокойство,
Какъ истинная чадамъ масть.

Блаженны мы, чѣмъ ей послушны :
Покорносшь наша къ счастью пушь !
О вы спраны единостныи,
Согласіемъ една грудь
Обыкли живъ въ Монаршей волъ,
Лижуйше: правда на прешолъ,
И ей премудросшь прясъдишь,
Небесными блеснувъ очами,
Богини нашея усшамъ
Законы вѣчные гласишь.

„Цвѣтушу во славу мною царства,
И пишушу правой суду Цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Рѣшу величественно при.
Могу дѣла изчислити задни,
И что раждается повсядни;
О будущемъ предвозвѣщу;
Мои полезны всѣмъ совѣшны,
Опъ чшпителей моихъ навѣшны
Предупреждай опшрашу.

„Господь шворенія начало
Премудростию положилъ;
При мнѣ впервые возсіало
На шверди множеству свѣшилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ спшикіяхъ прекрашилъ раздори,
Унизилъ доль, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.“

Премудрый гласъ сей Соломоновъ,
Монархиня, сей гласъ ешь швой.
Пребудешь швердъ швоихъ законовъ,
Ограда испшнны свшшой.
Онъ предварилъ шебя вѣками,

Превзойдешь ты его дѣлами,
Въ чемъ власшь господспивуешь ума,
По ясныхъ знанія возходахъ
Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
Невѣжества исчезнешь شما.

Твой шрудъ для насъ обогащенье,
Мы чшимъ спѣшною подвигомъ швой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность наше покой.
О Пиндаръ, ешьлибъ въ оны вѣки
Подъ сею власшью жили Греки,
Тобѣ пѣлъ ты о своихъ богахъ,
Чтомогушь всегда въ забавѣ,
Не мысля о земной управѣ,
Свой нектаръ пишь на небесахъ.

Какіе представляешь виды
Оспрадой восхищенный умъ?
Не вы угрюмые Друиды,
Не мрачной лѣсъ, не грозной шумъ,
Не изъ дымнщейся пещеры
Звѣрообразны изувѣры
Дають глухимъ вышьемъ ошвѣсть:
Ко мнѣ пророчицы согласны,
Касшалькія сесшры прекрасны
Съ Парцасса жьють и гласъ и свѣсть.

„Смотри, смотри, внимай, вѣщаютъ,
Въ обширны Россіе края,
Гдѣ сильны рѣки протекаютъ,
Народы многіе поя:
Изъ нихъ чрезъ горъ хребты высоки
Прольются новыя потоки
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой,
Дабы чрезъ сочешанны воды
Другъ другому пользуюсь народы,
Размножили избытокъ свой.

„Дабы сердце какъ спруй союз
Удобный намъ опроверзли ходъ,
Дабы усердныя мы Музы
Повсюду приносили плодъ.
И се Богиня несравненна
Возлюбленна и просвѣщенна
Сияетъ радостнымъ лицомъ,
Обишель нашу посвящаетъ
И дверь ученьямъ опровергаетъ
Во всемъ владычествѣ своемъ.

„На полночь кажешь Урагія:
Се здѣсь сквозь холмы льдовъ, сквозь градъ
Руко златое взяшь Россія
Денницы доспигаешь врагъ;
Язвы, Тифсы и Алкиды

Россійской въ волю Амфишриды
Опдавшись, какъ въ способной въспрь,
Препятствва, спрахя презирающъ
И счасшьемъ ПАВЛОВЫМЪ кончающъ,
Чего жалаалъ великій Пешрь.

„Озрися на спрану десную,
Гдѣ напыщенный исполниъ
Съдиашъ и чаешъ, чшо земную
Рукою держишъ власшь единъ;
Толстыми окружень спѣнами
И опдаленными морями,
Въ ничшо вмѣняешъ прочій свѣшъ,
Не зная, чшо обширныи силами
Безъ храбраго искусствва гнили,
Какимъ Европы край цѣвщентъ.

„Кишай! предупреждая бѣдштво,
Не спрашя времени блюдишь,
Гордыней раздражишь сосѣдштво,
И гнѣву Росскаго спрадишь.
Безплоднымъ степи и пущиима
И шучи спрѣль швожкъ гущиима
Послужашъ въ неизбѣжной спидѣ.
И сей послушный нашъ любишель,
Каковъ швой бѣгъ и побѣдишель,
Съ Парнасса свѣшу возвѣсшишь.“

Сія желанія сердечны
Героевъ духъ и судъ Небесъ
Исполнишь и доспавишь вѣчны.
Въ надеждѣ шаковыхъ чудесъ
Россія окомъ умиленнымъ
И сердцемъ въ щассть услажденнымъ
Какой въ возпоргѣ казешъ видъ!
Взирая какъ на нѣжнм крини
Въ объяснѣхъ ЕКАТЕРИНЫ,
Младому ПАВЛУ говоришь.

„О шы цвѣтущая опрада,
О вѣрносць чаяній моихъ,
Тебя родила мнѣ Паллада
Для продолженья дней злпшыхъ;
О плодъ божеспивенныя крови,
Распи, крѣпись въ ея любви,
Во слѣдъ шрудовъ ея взрай,
Какъ съ радосшью носишь державу,
Хранишь свою съ моею славу
Ея примѣрамъ подражай.

„О чада ревносны, усерды,
Слаеновъ въ свѣстѣ славный родъ,
О корень вѣрносшю швердый,
Владѣшель многихъ царшвъ и водъ,
Покрышый орлимѣ крылами,

Украшенный ея дѣлами,
Чѣмъ долгъ Богинѣ возвратишь?
Въ шрудахъ полезныхъ обращайся
Въ сей годъ, и завсегда спарайся
Достоинства ея почтимишь.“

Талантъ высокое рожденье,
Дала напура красоту,
ЕЛИСАВЕТА присвоенье,
Какъ небо духа высошу,
Планета бышь любезной міру,
Судьба' корону и порфиру;
Чшожъ, Россы, посвящимъ ей въ даръ?
За нашъ покровъ, за царство спройно
Чшо можемъ принести достойно?
Усердія безсмертннй жаръ!

Капнншесь щасливимъ сѣшнла
Во весь ЕКАТЕРИНИНЪ звѣкъ;
Живншельная вапа сила
Съ прнншнншншю Едемскнхъ рѣкъ
Вливайтсѣ въ сердце ей и въ члены.
И въ очн духомъ ободренны
И на прекрасное чело,
Чшобъ дравіе ея безцѣнно
Для нашей пользы безпремѣнно
Какъ вѣчная весна цѣло!

ВЪЗНАННАЯ НАДЕЖДА РОССИЙСКІЯ ИМПЕРІИ
ВЪ ВЫСОКІЙ ПРАЗДНИКЪ КОРОНОВАНІЯ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШИЯ, ДЕРЖАВНѢЙШИЯ,
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
Е Л И С А В Е Т Ы П Е Т Р О В Н Ы
И М П Е Р А Т Р И Ц Ы
И
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКІЯ,
ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
А К А Д Е М І И Н А У К Ъ
ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДАДАННѢЙШЕ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ АПРѢЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА
СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ОТЪ

ГОТЛОВА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА ЮНКЕРА,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НАДВОР-
НАГО КАМЕРНАГО СОВѢТНИКА ИНТЕНДАНТА СОЛЯ-
НЫХЪ ДѢЛЪ И ЧЛЕНА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЪ НѢМЕЦКИХЪ РОССИЙСКІМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛЪ
М И Х А Й Л О Л О М О Н О С О В Ъ,
АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТЪ.

О Д А XIX.

Россія, что тебя за вeseдь духъ живить?
Какъ можешь рада бышь? Европа вся скорбишь:
Тебѣ грозишь раздоръ, лукавство съни спавишь,
Продерзкій толкъ землей и моремъ бѣгъ свой
правишь,
Что мыслью въ швой предѣдъ уже давно вспунилъ,
Пограбилъ всѣ мѣща, швое добро сглошилъ.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали,
Подкрались шигры къ вамъ, внезапно львы напали.

Но радость испиши; уже призналъ весь
свѣтъ:
Какъ ты на провъ ПЕТРОВЪ взопла, ЕЛИ-
САВЕТЪ,
Чрезъ сильной духъ его въ прошивныхъ спрахъ
вложиши,
Онъ будешь свой прѳофей, швой щипъ насажд-
ство крыши,
Вспунила вольной ты въ спезю его ногой,
Гдѣ рокъ его вспяшилъ, шупъ пушь начался швой,
Ты будешь, шакъ какъ онъ, любовь во всей
вселенной,
Князей примѣръ, покровъ земли шebѣ врученной,

Велико дѣло въ семь равно душѣ швоей:
Какъ онъ ошецъ нашъ былъ: ты мапъ Россіи всей.
Когда Олимпъ давалъ шакихъ Монарховъ славныхъ?
Весь свѣтъ, что чинишь его, ему не узришь
равныхъ.

Сквозь всё препяшсшва онъ главу свою вознесъ,
Монархъ здѣсь, шамъ ошець, хвалой къ верьху
небесъ.

Приспойны, скажешъ кшо, къ правленью сшранъ
науки,

Гдѣ не былъ духъ его и храбри купно руки?

Надежда сшранъ его вѣнчанна днесъ въ шебъ;
Понеже всякой чинъ пособы ждешъ себѣ.

Ты, ны Монархиня, на пользу все исправишь,
Неполной кончишь шрудъ его совсѣмъ, просла-
вишь.

Ты скишпръ рукой берещъ, коварна злосшь дро-
жишь,

Хошь шижко злато въ немъ, любовь шебя крѣ-
пиль.

Щасшлыва будешъ шѣмъ земель Имперашрица,
Печаль прогонишь всю сердцець людскихъ Царица.

Какъ ясной солнца лучъ въ немрачной
ушра часъ,

Такъ швой прѣшной взоръ опрадой свѣнишь
въ насъ.

Въ шебѣ съ величешшвомъ сѣнешъ къ намъ при-
лшсшво.

Съ небесъ вѣяной даръ доброщъ швоихъ изрид-
сшво.

Къ дочшенью насъ ведешъ прекрасной зракъ лица,

Въ шебѣ дивимся мы премудросши Творца,

Въ шаданшахъ чшо швоихъ вѣнца досшойныхъ
шся,

Черезъ кои мы давно желаали въ вѣкъ плѣнишься.

Твоя высока мысль Цесарску кровь значить,
Что ты Геройска дщерь, твоей бодрой духъ
гласить,

И склонность въносил чинилъ всегда награду,
Невинныхъ братья подъ кровь и бѣднымъ дашь
опраду.

Коль сильныхъ сихъ добротъ въ тебѣ велика
власъ!

Хвалы доспойна мысль и славой полна спрасилъ,
Животъ души твоей, что щипилъ шель ревниво
Прилично прону жилъ, являлъ породы диво.

Тебя къ сему избралъ Тверецъ изволилъ самъ,
И древо дней твоихъ расшилъ въ цвѣтахъ къ
плодамъ.

Являешь склонность къ намъ, что прежде ты
шала,

Копору съ бодростью спараньемъ ты открыла.
Твоя десница что на пользу намъ чинилъ,
То правилъ зрѣлъ совѣтъ, и добръ успѣхъ ско-
рилъ.

Пресильной разумъ твой поспѣшно все при-
заетъ.

Намѣренье твое съ желаньемъ всѣхъ кончатъ.

Мы можемъ нашъ шалать уже впередъ
прозришь:

Духовной будешь чинъ ученьемъ насъ крѣпилъ,
И числу жилъ блюсти, съ словами оныхъ сходну,
Съ наукой крошкой нравъ и съ шѣмъ премуд-
ротъ сходну,

И мирно въ Бозѣ жишь и ревности въ цюмъ
казашь,
Чшобъ бѣднымъ помощь дашь, спраспей на-
бѣгъ попрашь,
Они покажутъ всѣмъ промежъ собой согласно,
Чшо шо сама любовь, чшо зримъ во оныхъ ясно.

Тобою будешь сей почтение чинѣ имѣшь,
Чего достоинъ онъ, всегда шо будешь зрѣшь:
Чшобы просшой народъ пороковъ впредь чуждался
И свяшо въ мѣрѣ жишь по ихъ словамъ спарался.
Священство въ ревности предъ Божій спанешъ
прокъ,
Имѣя чисту мысль, хранивъ его законъ,
И духъ его голповъ небесну власнь склонили,
Чшобъ сердце взялъ его, и миръ благословиши.

Твой вѣры полный умъ умножитъ щасье
въ насъ:
Понеже правда, свѣтъ съ шобой на всякой часъ,
Чшо ты чрезъ швой совѣтъ въ единъ союзъ
приводишь,
Чрезъ умно слѣдство всѣ препяшисва превосхо-
дишь.
Ты держишь зависць злу и ненависць въ бро-
здахъ,
И правду съ разумомъ всегда въ швоихъ очахъ,
И вѣрность истинну и вольну мысль въ совѣтъ,
Источникъ шоль богатъ къ дѣламъ преславнымъ
въ свѣтъ!

Хотя велика поль Монарша власшь швол;
Но видимъ, правишь какъ самую шы себя.
Ты мысль швою шогда на инной пушь склоняешъ,
Когда другихъ совѣшь правдивъ бышь познаваешъ.
Тебѣ сія хвала пребудешъ въ вѣкъ красой,
Возвысишь швой народъ на щасшья верхъ съ
собой,
Не зная, что Цари съ Князьями мимо ходяшь,
Когда шѣ ложну власшь, какъ сонъ на мысль на-
водяшь.

Тебѣ единой данъ высокой верхъ хвалы,
Твоими должно званъ, пошомъ другихъ, шруды;
Что ошпрой разумъ швой въ вещахъ ошмѣну
знаешъ,
Извѣстное чинишь не шю, что шолько чаешъ.
За ясной солнца свѣшь луны не чпишь лучей;
Князей искусство все, совѣшь, разборъ вещей,
Различныхъ склонностей въ слугахъ и всей дер-
жавѣ,
Для щасшья ихъ земель и къ большей шрона
славѣ.

Коль здрато мыслишь шм, шоль скоро все
кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣшь даешъ, шю дѣломъ шамъ
велишь
Съ приспшойной бодростью во вѣхъ дѣлахъ сво-
бодно,
Что Царску кажешъ кровь, Монархамъ что
природно.

Ты зришь всегда умою, что долга мысль въ
дѣлахъ
Дасяь часно худшій плодъ, нежъ въ скршнхъ
жарь сердцахъ,
И чрезъ единъ моментъ, излишно что проба-
вленъ,
Разумной замысль прочъ бываешъ пакъ опспа-
вленъ.

Твоя спрана и пакъ большая свѣта часна,
Разумна хробрость гдѣ надъ злобой держишь
власна.
И звукъ ея хвалы возбуждаешъ что долженъ къ
честна
Какъ шеръ въ чужихъ ногахъ и оеъ въ очахъ у
лестна.
И зависна мѣшишь въ насъ, гдѣ не лъзя силой
взяна,
Тупа ложной дружбой кова жалаешъ насъ прель-
щана.
Державнѣйша! шюмхъ совѣтовъ онъ не знаешъ,
Коль скоро разумъ швой шакую съна шерзаешъ.

Нынѣ зависна какъ змѣя ведешъ лукавой
взглядъ,
И ядомъ полную мысль на ону ночь назадъ,
Когда Россійскій родъ подъ игомъ въ шмѣ держался,
И злаго Башна кумиру ницъ склонялся.
Та мыслишь паки впредъ шомуже бмшъ у насъ,
Однако все сіе лишь сншнся ей на часъ.
Не будешъ съ нами пакъ въ бою ошншъ глумишся,
Чшобы прошиву сна и шмшчѣ склонишся.

Нѣшь, о Монархия! въ помѣ разумѣ
швой во вѣмь.
Блещи ПЕТРОВЫМЪ въ верьхъ чрезъ равну
мочь мечемь,
Чшо дерзка гордосшь вновь себя казнишь возбу-
дила;
Онъ вышелъ самъ наружь, лишъ ша себя явила.
Поспигни сихъ враговъ, побѣду съ ними всю,
Принуди къ миру ихъ чрезъ кранкую войну,
Неблагодарносшь чшо воздвигнула съ хулою
И мздой зависплавивъ родъ подкупленный чужою.

Покрой швой шлемомъ верьхъ, Минерва, на-
шихъ дѣпшъ,
Вошкни коньѣ швое, швой полкъ гошовъ идепшъ,
Поллавскихъ сѣмя поль, къ побѣдамъ склонны
дѣпши,
Попранна чшо врага въ ногахъ обыкли зрѣпши,
Опшъ коихъ Мелибокъ и Кавказъ самъ дрожаль
И съ Вислой черныи Понпшъ, какъ сильныхъ
бурь, бѣжалъ,
Побишыхъ чшо враговъ принудили къ покою,
И пальмъ снопы несли геройскою рукою.

Въ хвалу Балпійскихъ водъ ихъ храброй
духъ горипшъ,
Съ весельемъ какъ на борпшъ, плакъ въ цолѣ
быпшъ спѣшпшъ.
Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
Поспавпшъ грудь свою, опважнхъ мыслей по-
лы.

Морской народъ сѣвшишь, возносишь весель
гласъ:

Что долго ждали шель, уже проходишь часъ.
Каморы полны всѣ, далабы пушки кроюшь,
Гопшovy въ пушь совсѣмъ, вошь въ море вдругъ
пороюшь.

Вели швой флагъ подяшь и вымпель въ
вѣпръ пушишь,
И спрашной лѣсъ въ волнахъ Россійскихъ машшь
ошкрышь,

Пресильной вывесшь флошь изъ ледныхъ усшій
въ море.

И мочь швоихъ галеръ къ пособъ оныхъ вскорѣ;
Вогнали что великъ въ морски заливы спрахъ,
Мушила чѣмъ боязнъ Евксинской Поншь въ брѣ-
гахъ.

Судамъ на брань бѣжашъ вели въ ужасномъ видѣ:
Ощедъ швой былъ Непшунъ, пы равна будѣ
Фешидѣ.

Дай имъ указъ къ шому; ружье уже ошпро
И вѣрносишь силу дасшь въ солдашь швоихъ плечо.
Съ весельемъ правыше пушь въ поля полки ор-
лины,

Гдѣ вапъ насмѣшливъ врагъ, пройдище всѣ долины;
Разройше гнѣзда ихъ, добыча кошъ мала;

Однако будеть въ шомъ велика вамъ хвала,
И съ ней довольштво намъ, чѣмъ вашу хра-
бросшь пѣши:

Не возмемъ кошъ богачшвъ, но будемъ миръ
имѣши.

Пускай, Державнѣйша, пускай шуда пойдушь,
Куда собой хошишь, гдѣ пальмы ихъ цвѣшуть.
Безъ страха мы живемъ, чѣмъ Богъ врага сму-
щаешь,

Онъ рокъ примѣнилъ свой, къ намъ ближе не
держаетъ.

Границы съ крѣпосными имѣють швердъ покровъ,
Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядь по
верьхъ валовъ,

На гору дерзосшь чшо, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещень громъ и смершь между
врагами.

По праву должно шакъ ихъ силою смиришь,
Чшо Богъ изволимъ самъ шебѣ для насъ послашь:
Твой бодрой духъ спѣшишь любви щедрому
даши,

И сильнѣйшимъ ружьемъ шебѣ шріумфъ сыскаши.
Тебя прославишь шо, не помнишь чшо обидъ,
И щедро презрила просшупокъ, гнусной видъ:
Хоши пришна месшь; но бышь въ шебѣ не
смѣешь:

Чшо швой высокой духъ собою самъ владѣешь.

И мышлю, чшо нашъ врагъ въ швоей добро-
шѣ зришь,

Чшо склонна къ милосши, хоши полки крѣпишь.
Онъ спавишь войско въ спрой, припомъ и мер-
швухъ числишь,

То перемирныхъ дней просишь, шо миру мы-
слишь.

Изволь, Державнѣйша, явида ты предъ симъ,
Чшо хочешь миловать, не вредна быши имъ.
Вся власшь въ швоихъ рукахъ, когда ихъ прозь-
ба нравна,
Твоя земля и шакъ своимъ пространствомъ славна.

Какъ Норду миръ подашь, имѣшь все бу-
дешъ онъ;
Премудру кажешь мысль, на швой возшедши
пронъ.
Подобна ты во всемъ Бришанской Лисавешъ,
Славнѣй чшо разумомъ была, не бранью въ
свѣшъ.
Науки введъ, хвалу Бришанцевъ вознесла,
Богатштва и ума довольно имъ дала,
Въ воздержныхъ поржешвахъ казну и чеспъ
доспала,
По царски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скон-
чала.

Ты видишь равно ей къ шаланшу путь прямой,
Извѣсны будушь намъ науки всѣ побой.
Чрезъ оны человекъ приходишь къ совершенству,
Къ сему насъ Богъ избралъ съ нашурою блажен-
ству.
Тѣ красяшь нашу плоть, оспряшь и разумъ въ
насъ;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищеной алмазь,
Чшо въ дикомъ камнѣ скрышь очей людскихъ
паицца,
Гдѣ свѣшлось и цѣна въ всегдашней смѣ не
зришся.

Что имъ добро чинить, воздашь ли мо-
гушь все,
И дѣломъ кажешь намъ ихъ свѣтъ лице свое.
Художествъ разныхъ плодъ обильный въ пьмахъ
являюшь,
Черезъ прибыль славную своихъ обогащаюшь.
Тираннамъ мерзки ли: они враги себѣ.
Монархи любяшь ихъ подобные шебѣ.
Когда покоишь ихъ какая гдѣ держава,
Бываюшь щасливѣемъ спрань, коронъ краса и слава.

Имперія швоя проспранный домъ для нихъ.
Коль много скрытыхъ ешь богатствъ въ го-
рахъ швоихъ!
Что прошлой вѣкъ не зналъ, напура что
щайла,
То все опкроешъ намъ швоихъ спараній сила.
Ты помощь въ помъ даешь, какъ самъ Родитель
швой.
Что намъ прилѣжношь дашъ, шо спрашишь
врагъ собой.
Последню мочь его голодна скудосшь склонишь,
И горду мысль его сильнѣй огня прогонишь.

Позволь купечеству шоргомъ довольну бышь
Въ излишесствѣ швоемъ и безопасно живишь;
Позволь свободной пушъ, умножь суда, шовары
Черезъ крошкіе швои добротъ душевныхъ дары:

Спрана какъ чловѣкъ, какъ сердце бѣеся въ
немъ,
Содержишь кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ,
То можешь каждой членъ напишанъ быль удобно:
Какъ шѣло духъ живишь, такъ земли поргъ
подобно.

Въ дѣлахъ съ рѣчьми людей согласія прибавь,
Съ надеждой вѣрну мысль на равной вѣсь поспавъ:
Чтобъ въ поргу своемъ никшо не зналъ урону,
Гони ошъ порповъ прочь обманъ, ушрапу, спону;
Чрезъ вольносшь къ намъ введи шаланшь земель
чужихъ.

И для шого, что всякъ прибышковъ ждешъ
своихъ,
Дай большу вольносшь шѣмъ, что намъ живущъ
согласно,
И нашъ шоваръ берупъ, какъ мы ошъ оныхъ
власно.

Въ швоей премудросши высокой даръ сей
скрышь.
Поспавъ правдивой судъ, опкуду ложъ бѣжишь,
Лукавшво, ковъ и лесъ низринь изъ мѣсщъ
судебныхъ,
Вели на правду зрѣшь, какъ шы, въ дѣлахъ
враждебныхъ.
Безъ шрапы времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависъ, злосшь по ихъ дѣламъ карай.
Невинныхъ шоку слезъ посланъ швою ушѣху.
Избавь ошъ хищныхъ рукъ швоихъ людей къ
ушѣху.

Благословенъ будь день, что избранъ былъ
къ пому,

Когда склонилась пы къ народу швоему.
О коль предрагъ залогъ ошь сей высокой спрасши!
И коль пресладокъ плодь, любовь подданныхъ къ
власпи!

Колика радоспъ намъ шебъ врученнымъ бышь!
Велика сладоспъ коль себя любиму зришь!
Геройска бьешся грудь, смошря швоихъ забаву,
А наша, чтобъ швою почшишь довольно славу.

Господспивуй и имѣй надъ часпьемъ полну
власпъ,

Всевышній даспъ шебъ въ шаланштъ лучшу часпъ:
Чтобы познашь могли въ грядущей вѣкъ попомки,
Что пы всѣхъ женъ краса, швои дѣла коль громки.
Желая шо, гласпъ брега Балшійскихъ водъ
Дошоль, гдѣ кажешъ свой Японцамъ солнце
всходъ;

И ошь Каспійскихъ волнь до горъ, гдѣ мразъ
насилный,
Гдѣ малъ народъ, большихъ звѣрей спада обильнм.

Воспокъ и Западъ весь большая часпъ земли
На промыслъ смошриштъ швой и чпиштъ дѣла швои.
И сила войскъ швоихъ и чеспъ ошь многихъ
шроцовъ,
И оныхъ спранъ союзъ и швердъ швоихъ законовъ
Будь какъ начальной лучъ въ срединѣ всѣхъ пла-
нешъ,
Что самъ собой споншъ и кругъ себя шечешъ,

И сполько тяжкихъ шѣлъ проспраннымъ ви-
хремъ водишь,
Чшо каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный пушь свой
ходишь.

Тебя Творецъ для насъ до времени скрываль,
Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущаль.
Въ мяшежны шѣ часы и мудры всѣ молчали;
Чшо рокъ ошнать не могъ, шо злы насильно
взяли,

Смушили все въ одно. Въ союзѣ силы нѣшь!
Полишика зришь вдаль; но слабъ ея совѣшь.
Ужасна будешь коль ея попомъ кончина?
Того намъ не лзя знашь, покажешь впредь го-
дина.

Довольно небо будь пошокомъ слезъ люд-
скихъ;
Поспавъ ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ
швоихъ.
Низвергни мерзкой ковъ, чшо вводишь брань въ
народы,
Подай спокойной вѣкъ, стони ошъ насъ погоды.
Вздыхаешь вѣрносшь, шакъ шого Россія ждешь.
Тебѣ Всесильнаго рука вѣнецъ даешь,
Гдѣ непорочной лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и
ясный,
Тебѣ, Монархиня, нашъ Ангель мира краснй.

О Д А ХХ.

На день коронации Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, сочиненная на Нѣм. языкъ Иоганномъ Георгомъ Бокомъ, а на Россійской переведенная Михайлою Ломоносовымъ 1758 года.

Нашуры хилыря возможныхъ опытъ силъ,
Къ кошорому свой взоръ весь смерпныхъ родъ
впериль,

Россіи щасплавой Богиня просвѣщенна,
Ты восхищаешь умъ, какъ солнце, вознесенна;
Корона съ швоед главы лююща свѣтъ
Злащыхъ округъ въ швоемъ наследствѣ значить
лъшь.

И шѣмъ побуждены подсолнечной всѣ часши
Усердноспъ жерщвуюющъ швоей крѣпчайшей вла-
сши.

Кшо спранъ швоихъ предѣлъ и множесшво
позналъ,

Твою великостъ шощъ по власши измѣрляъ,
Я мѣру праведну не въ силахъ полагаю,
Души величесшво за ону признаваю.
Ему принадлежашъ обширныя спраны,
Чшо вышнимъ промысломъ шебѣ подарены.

Открышь къ щедрошамъ пушь пы на престоль
вспунила;
Высокъ онъ; но швоихъ даровъ превыше сила,

Съ державою равно любленье щедрыхъ дѣлъ,
И крошоспъ изъ нея переходпъ за предѣль.
Ты больше щцпшсь бышь прямымъ добромъ
вселенной,
Какъ слышь Монархпней надъ всѣми вознесенной,
И злопо надъ шбой не знаешь власпн взяпъ:
Велпчеспвомъ швоимъ чшо можешъ обладашь?
Твое богашспво всѣмъ на щаспье и ошраду,
Къ почпенію наукъ, художеспвамъ въ награду.

Ошеческій швой градъ премудростп еспъ
храмъ,
Сокровпще швоимъ нескрытое спранамъ:
Тамъ лира бодрая веселы водпшь лпкп,
И спруны оныя сушь радосшей язкп.
Парнассъ въ очахъ швоихъ не холмъ лпшенъ красы,
Чшо можешъ разцвѣспп безъ солнца и росы.
Какъ на главѣ швоей Мпнервпнъ шлемъ сїяешъ,
Ея щцпшомъ рука науки покрываешъ.

Хощя душъ швоей неспсны злы дѣла;
Но казней спрогая жестпкоспшь шпжела;
Прпскорбнымъ сердцемъ пы повпнпныхъ осу-
ждаешъ,
И вмѣсто кровп ихъ щедрошы проливаешъ.

Пускай чрезъ хитросии предспавялся лучи,
И радоспъ общую изобразашъ въ ночи,
Пуспъ мрачноспъ пламеннымъ размахомъ раздѣ-
лился;

Усердіе въ сердцахъ ярче воспалился.
Цвѣтами разными возженныя свѣщи
Являющъ каждыя веселіе души.
Когда блиспанія соспавы въ верхъ возводилъ.
То значашъ, что къ звѣздамъ желанія восходилъ,

Богиня, коей блескъ вседневно воспашъ
Доспойный плодъ ПЕТРОВЪ вѣнца ошъ нѣжныхъ
лѣшъ,

Ошъ, жизни ошъ ошшелъ; геройскихъ мыслей
сила

Пренесена въ шебъ, ПЕТРА воспановила.
Всевышній дай шебъ свяшую благодащъ,
Доспоиспвамъ пвоимъ вѣкъ равный обладащъ;
Да въ сей шоль крапно день на шронѣ возсіешъ,
Какъ веселишъ народъ, щедрошой побждаешъ.

О Д А
на
Щ а с т и е
г о с п о д и н а
Ж А Н Ъ Б А Б Т И С Т А Р У С С О .

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

Г. Сумороковыми и Г. Ломоносовыми.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАЮЩИЕ СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ МОГУТЬ
САМИ ПО РАЗНОМУ СИХЪ ОБОИХЪ ПИТОВЪ СВОЙ-
СТВУ КАЖДАГО ПЕРЕВОДЪ УЗНАТЬ. ОВА СИ ПЕ-
РЕВОДЫ ПЕРВЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ НАПЕЧАТАНЫ ВЪ ПО-
ЛЕЗНОМЪ УВЕСЕЛЕНИИ НА МЯСЯЦЪ ГЕНВАРЬ 1760
ГОДА; А ОРИГИНАЛЬ ВЗЯТЬ ИЗЪ СОЧИНЕНИЙ
Г. РУССО.

O D E.

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis,
Du faux éclat qui t'environne
Serons-nous toujours éblouis?
Jusques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorons-nous tes autels?
Verra-t-on toujours tes caprices
Consacrés par les sacrifices
Et par l'hommage des mortels?

Le peuple dans ton moindre ouvrage
Adorant la prospérité,
Te nomme grandeur de courage,
Valeur, prudence, fermeté:
Du titre de vertu suprême
Il dépoille la vertu même
Pour le vice que tu chéris:
Et toujours ses fausses maximes
Erigent en héros sublimes
Tes plus coupables favoris.

Mais de quelque superbe titre
Dont ces héros soient revêtus,

О Д А НА ЩАСТІЕ.

ПЕРЕВОДА Г. ЛОМОНОСОВА.

Доколь щасье шы вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшаешь?
Доколь ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣпяешь?
Доколь, испукавъ прелестной,
Мы спанемъ жершвой намъ безчестной
Твой пицешной почишаешь алшарь?
Доколь будешь спроишь храмы,
Твои чпишь замыслы упрямы,
Прельщенная словесна шварь?

Народъ порабоцень обману,
Малѣйшя швои дѣла
За умъ, за храбросшь чпишь избранну.
Ты власшь, шы чесшь, шы силъ хвала;
Въ угоду швоему 1) пороку,
И добродѣтель превмысоку
Лишаешь собшвенныхъ красощь.
Его неправедны усшавы
На верьхъ возводишь пышной славы
Твоихъ люблмцевъ злобной родъ.

Но пусшь великошпію сею
О шиплашь хвалѣнся своихъ;

1) То есть, отъ себя произходящему пороку.

Prenons la raison pour arbitre,
Et cherchons en eux leurs vertus,
Je n'y trouve qu'extravagance,
Foiblesse, injustice, arrogance,
Trahisons, fureurs, cruautés.
Frange vertu qui se forme
Souvent de l'assemblage énorme
Des vices les plus détestés!

Apprens, que la seule sagesse
Peut faire les héros parfaits:
Qu'elle voit toute la bassesse
De ceux, que ta faveur a faits:
Qu'elle n'adopte point la gloire,
Qui naît d'une injuste victoire
Que le fort remporte pour eux;
Et que devant ses yeux Stoïques,
Leurs vertus les plus héroïques
Ne sont, que des crimes heureux.

Quoi! Rome et l'Italie en cendre
Me feront honorer Sylla?
J'admirerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Attila?
J'appellerai vertu guerrière
Une vaillance meurtrière,
Qui dans mon sang trempe ses mains?

Поспавимъ разумъ въ помъ судьбою,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.
Я вижу лишь одну безвѣрносшь,
Надменносшь, слабосшь и невѣрносшь,
Свирѣпсшво, бѣшенсшво и лесшъ.
Доброша спранная! ошкуду
Изъ злосши сложенному чуду
Дается оной должна чесшъ?

Ты знай: герои совершенны
Премудросшю въ свѣшъ даны;
Она лишь видишь, коль презрѣнны,
Чшо чрезъ шебя возведены.
Она шу славу презираешъ,
Чшо рокъ неправедной раждаетъ
Въ побѣдахъ слѣпошой своей;
Предъ спрогими ея очами.
Герой съ суровыми дѣлами
Ничшо, какъ щаспливой злодѣй.

Почтишь ли шокы шѣ кровавы,
Чшо въ Римѣ Сулла продиваль?
Досшойноль въ Александрѣ славы,
Чшо въ Ашшилѣ всякъ зломъ призналь?
За добродѣтель и геройсшво
Хвалишь ли звѣрско несшойсшво
И власшъ окровавленныхъ рукъ?

Часть I.

16

Et je pourrai forcer ma bouche
A louer un héros farouche
Né pour le malheur des humains?

Quels traits me présentent vos fastes,
Impitoyables conquérans!
Des vœux outrés, des projets vastes,
Des rois vaincus par des tyrans;
Des murs que la flamme ravage,
Des vainqueurs fumans de carnage,
Un peuple aux fers abandonné,
Des mères pâles et sanglantes
Arrachant leurs filles tremblantes
Des bras d'un soldat effréné.

Juges insensés que nous sommes,
Nous admirons de tels exploits!
Est-ce donc le malheur des hommes
Qui fait la vertu des grands rois?
Leur gloire féconde en ruines
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sauroit-elle subsister?
Images des dieux sur la terre,
Est-ce par des coups de tonnerre
Que leur grandeur doit éclater?

Mais, je veux, que dans les allarmes
Réside le solide honneur:

И принужденными успами,
Могу ли возносить хвалами
Начальника шлоликихъ мукъ?

Издревле что объ насъ извѣстно,
О хищники чужихъ державъ!
Желанье въ мѣрь всемъ невмѣсно,
Попраніе вѣнчаныхъ главъ,
Огня и шруповъ полны сѣсны,
И вы въ пару кровавой пѣны,
Народъ пожранный опъ меча,
И въ шумѣ блѣдна машъ великомъ
Свою дочь щипица съ плачемъ, съ крикомъ
Опниашъ съ насильнаго плеча.

Слѣпые мы судьи, слѣпныя,
Чудимся шаковымъ дѣламъ!
Однѣ ли приключенья злыя,
Даюшъ доспоинство царямъ?
Ихъ славъ бѣдспвами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ успояшъ?
Не можно божеспву земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величеспвомъ блиспаашъ?

Но бышь должна во время бою
На первенствѣ прямая чесшь:

Quel vainqueur ne doit qu'à ses armes
Ses triomphes et son bonheur?
Tel qu'on nous vante dans l'histoire,
Doit peut être toute sa gloire
A la honte de son rival:
L'inexpérience indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout les succès d'Annibal.

Quel est donc le héros solide,
Dont la gloire ne soit qu'à lui?
C'est un roi que l'équité guide,
Et dont les vertus sont l'appui,
Qui prenant Titus pour modèle,
Du bonheur d'un peuple fidèle
Fait le plus cher de ses souhaits:
Qui fuit la basse flatterie;
Et qui, père de sa patrie,
Compte ses jours par ses bienfaits.

Vous, chez qui la guerrière audace
Tient lieu de toutes les vertus,
Conçus Socrate à la place
Du fier meurtrier de Clitus:
Vous verrez un roi respectable,
Humain, généreux, équitable;
Un roi digne des vos autels.

И кто поправь врага собою,
Побѣду могъ себѣ причесать?
Издравле войны извѣсны,
Похвальны, знасны, славны, чесны,
Оплошностию прошивныхъ силъ.
Худымъ Варроновымъ призоромъ,
Упрямымъ и неправымъ споромъ
Ганнибалъ славу получилъ.

Когоже намъ почишь героемъ.
Великимъ собственнѣй хвалою?
Царя, что правдой и покоемъ
Себя, народъ содержишь свой;
Послѣдуя Веспасіану,
Едину радость несказанну
Имѣеть въ щастіи людей,
Опець опечеслива безъ лести;
И спавишь выше всякой чести
Числомъ своихъ щедрости дней.

О вы! что въ добродѣтели чтите
Единъ въ войнахъ геройской шумъ,
Себѣ Сократа вобразите
За Клишова убицу въ умъ!
Вамъ будетъ царь въ немъ несравненный,
Правдивой, крошесью почтенный,
Достоинный олшаря во вѣкъ;

Mais, à la place de Socrate,
Le fameux vainqueur de l'Euphrate
Sera le dernier des mortels.

Héros cruels et sanguinaires,
Cessés de vous énorger
De ces lauriers imaginaires
Que Bellone vous fit cueillir.
En vain le destructeur rapide
De Marc Antoine et de Lépide
Remplissoit l'univers d'horreurs :
Il n'eût point eu le nom d'Auguste
Sans cet empire heureux et juste
Qui fit oublier ses fureurs.

Montrés-nous, guerriers magnanimes,
Votre vertu dans tout son jour ;
Voyons, comment vos coeurs sublimes
Du sort soutiendront le retour ;
Tant que sa faveur vous seconde
Vous êtes les maîtres du monde,
Votre gloire nous éblouit :
Mais au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l'homme reste,
Et le héros s'évanouit.

L'effort d'une vertu commune
Suffit pour faire un conquérant.
Celui qui dompte la fortune
Mérite seul le nom de grand.

Тогда спрашилище Евфраша
Пропивъ вѣнчаннаго Сокраца
Послѣдней будешь человекъ.

Герои люты и кровавы!
Поставьше гордоспи конецъ,
Рожденной ошъ воинской славы
Забудьше лавровой вѣнецъ.
Напрасно Рима повелишель
Окшавій, свѣща побѣдишель,
Навель въ его предѣлы спрахъ;
Онъ Августомъ бы не нарекъся,
Когда бы въ кропосшь не облекся,
И спраха не скончалъ въ сердцахъ.

О войны великосерды!
Лвише вашихъ лучъ доброшь;
Посмотримъ, коль шогда вы шверды,
Какъ щасшье возьмешь поворощъ.
Когда шо къ вамъ великодушно
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпнишь;
Но шолько лишь оно ошспаненъ,
Геройска похвала увянешъ,
И смершннй будешь всѣмъ опкрышь.

Способность средспивенна довлѣеть
Завоевашелями бышь:
Кшо щасшиѣ преодолѣеть,
Одинъ великимъ можешь слышь:

Il perd sa volage assistance,
Sans rien perdre de la constance
Dont il vit ses honneurs accrus ;
Et sa grande ante ne s'altère
Ni des triomphes de Tibère,
Ni des disgraces de Varus.

La joie imprudente et légère
Chez lui ne trouve point d'accès ;
Et sa crainte active modère
L'yvresse des heureux succès
Si la fortune le traverse,
Sa constante vertu s'exerce
Dans ces obstacles passagers.
Le bonheur peut avoir son terme,
Mais la sagesse est toujours ferme,
Et les destins toujours légers.

En vain une fière déesse
D'Enée a résolu la mort ;
Ton secours, puissante Sagesse,
Triomphe des dieux et du sort.
Par toi, Rome, au bord du naufrage,
Jusque dans les murs de Carthage
Vangea le sang de ses guerriers ;
Et suivant tes divines traces,
Vit au plus fort de ses disgraces
Changer ses cyprès en lauriers.

Хощь помощь оупь него шеряешь ;
Но съ поспояншвомь пребываешь,
Для коего оупь всѣхъ почшенъ ;
Всегда не низокъ и не пышенъ,
Съ Тиверіемъ ли онъ возвышенъ,
Или какъ Варусъ пораженъ.

Излишне радощь не внушаешь
Въ недвижности своей предѣль,
И оспорожно умѣряешь
Неисповсшво успѣшныхъ дѣль.
Пуспь щаспїе преобращишя ;
Недвижна добродѣшель щщисшя
Презрѣнной разрушаешь упорь.
Конецъ имѣешь благоденсшво,
Сшощь въ премудросши блаженсшво,
Непосполянень рока взорь.

Вошще гошовить гнѣвъ Юнони
Енеку смершь среди валовъ,
Премудросшь! чрезъ швои законы,
Онъ выше рока и боговъ ;
Тобою Римъ по злой напасши
Въ срединѣ Кареагенской власши
Своихъ героев смершь ошмсшилъ ;
Ходя въ швои небесны слѣды
Во время слезныхъ побѣды,
Въ Трофеи гробы превращилъ.

ПЕРЕВОДЪ Г. СУМАРОВА

Ты Форшуна украшаешь
Злодѣянія людей,
И мечпаніе мѣшаешь
Разсмошрѣши жизни сей.
Долголь намъ повиновашься
И доколь покланяшься
Намъ обману швоему?
Всѣ шобою побѣждены,
Всѣ ли смершныя рождены,
Супрошнвишься уму?

Малосши съ швоимъ покровомъ
Кажущя не малм бышь;
Пышнымъ именемъ и словомъ
Должны превелики слышь.
Всѣ народъ шому свидѣшель,
Чшо пороки добродѣшель,
Коимъ помогаешь шы,
И во смрадносши природы
Беззаконнику доводы
Шлюшь безсмерція цѣшны.

Имя сихъ героевъ пышно:
Но разсмотримъ ихъ дѣла,
Будешь намъ иное слышно,
Коль судьба намъ умъ дала:
Какъ мы ихъ ни почитаемъ,
Жадносшь, гордосшь обрѣцаемъ,
И свирѣпство только въ нихъ:
Все, что ихъ ни прославляетъ,
Добродѣпель сославляетъ
Изъ пороковъ лишь однихъ.

Ты не можешь быть причиною
Славы опимѣненныхъ душъ,
Но премудросшью единой
Славились великой мужъ;
Ошь швоей одной державы
Нѣтъ безсмертія, ни славы;
Смершныхъ шю незнана часшь;
Не геройски то успѣхи,
Но ширанскіе успѣхи
Ближнимъ приключашъ напасшь.

Какъ почиташъ могу я Силлу,
Пепломъ зря прикрышой Римъ?
Хулимъ одного Апшиллу,
Помня Александра съ нимъ.
Человѣковъ убивающъ,

А другіе называютьъ
Добродѣшелю кровь лишь.
Праведноль искаютьъ выпійсшва
Къ прославленію убійсшва,
И разбойника хвалишь?

Побѣдишели злосерды!
Всѣ зрю ваши я плоды:
Вы въ желаньяхъ вашихъ шверды,
Міру извлекашь бѣды.
Тамо слышу бѣдныхъ шпионы,
Тамъ валящся ваши шпионы,
Грады превращенны въ прахъ,
Возлагающся желѣзы,
Вдовъ, сиротъ ліющся слезы,
Тамъ смяшеніе и спрахъ.

На сіе, что шакъ хвалишь,
Разсуждая кшо воззри,
Иль безъ бѣдъ людскихъ умалашъ
Дарованный санъ цари?
Вѣнценосцы! для опляки
То ли способы велики,
Чѣмъ вы можете блисшашъ?
Въ васъ боговъ изображенъе:
Тольколь онымъ подраженъе
Громъ и молнію мешашъ?

Въ приключеніяхъ прошивныхъ
Обрѣшаю важну чесшь;
А въ побѣдахъ и предивныхъ
Лавръ оружію должно пѣшшь.
Побѣдипель часшо славень,
Чшо прошивнику не равень,
И его соперникъ малъ,
За побѣду малоспорну
Должень вождю непрворну
Всѣмъ успѣхомъ Аннибалъ.

Коему хвала герою
Въ шочномъ имени его?
Щедрой кроющу рукою
Чады народа своего;
Образцомъ кошпорой Типша,
Подданнымъ опъ бѣды защища;
Жалоспшо смошря на нихъ,
Леспи кто и внишь не мыслишь,
И владѣнія дни числишь
По числу щедрошъ своихъ.

Вмѣсто яростію взяша,
Звѣрски Клиша кто убилъ,
Вобразимъ себѣ Сокраша:
Ешьлябъ онъ на шрокѣ былъ,

Въ немъ царя не горделива
Зрѣлибъ мы и справедлива,
И доспойна олшарей.
А Евфрагта побѣдишель
Вмѣшо былъ его бы зришель
Только подлосши своей.

Крови жаждущи герои
Возмущенія шворцы!
Вась мечшою славяшъ бои
И лавровые вѣнцы.
Раззоренія безсмѣшны
Всѣ Окшавіевы шщешны
Вознесшися до небесъ:
Правосудія блаженшвомъ
И спокойшва благоденшвомъ
Тако онъ себя вознесъ.

Мужи храбрые! являйше
Въ полномъ свѣшъ вы себя,
Равномѣрно прославляйше
Имя, щасшье погубя,
Души ваши въ немъ велики,
Мира вы сего владыки,
Слышанъ лишь огромный вѣкъ,
Щасшье шолько упадаешъ;

Все геройство увядаешь,
Оспашся человекъ.

Для победы изобильно
Духъ посредственный имѣшь,
И попребно сердце' сильно,
Коль форшуну одолюшь.
Мужъ великій презираешь,
Что форшуна имъ играешь,
И въ бѣдахъ неколебимъ,
И въ благой и въ лютой часни
Сердце держишь онъ во власти,
Въ швердомъ посшояншвѣ зришь.

Вся его успѣха сладость
Не въ излишестве своемъ,
Неумѣренная радость
Не обрящешь мѣста въ немъ;
Всѣ ему препящшва вшунѣ,
Онъ ругаешь форшунѣ,
И спокойно видишь ихъ.
Щасье въ жизни скоростечно;
Но достоинство есть вѣчно,
Сколько рокъ ему ни дихъ.

Тщешно гордостью Юноны
Осужденъ на смерть Еней!
Добродѣтель въ обороны,

Ты прошивилася ей.
Римъ шобою Кареагены
За него разсыпаль спѣны,
Славу ихъ пославъ на низъ;
И въ его люшѣйшей часли,
Преврашилъ, шѣ зря напасши,
Въ вѣчны лавры дшпарисъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНАКРЕОНТОМЪ.

АНАКРЕОНТЪ.

О Д А І.

Мнѣ пѣшь было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣшь,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велящъ звѣнѣшь.
Я гусли со спрунами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли по неволѣ
Любовь мнѣ пѣшь велящъ
О васъ герои болѣ,
Прощайше, не кошящъ.

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Мнѣ пѣшь было о нѣжной,
Анакреоншъ! любви,
Я чувствовалъ жаръ прежней
Часть I,

Въ согрѣвшейся крови,
Я бѣгаю спалъ персами
По поненькимъ спрунамъ,
И сладкими словами
Послѣдовашъ спопамъ.
Мнѣ спруны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ.
Не возмущайше болѣ
Любовны мысли умъ;
Хоть нѣжноспи сердечной
Въ любви я не лишень;
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищень.

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А ХХІІ.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжишь,
То спалъ бы я неложно
Сокровища копишь,
Чтобъ смерть въ мою годину
Взявъ деньги, опошла,
И за опкупъ кончину
Опсрочивъ, жишь дала.
Когда же я что знаю,
Что жишь положенъ срокъ:
На что крушусь, вздыхаю,

Что мзды скопишь не могъ,
Не лучшесть безъ шерзанья
Съ пріятелими гуляшь,
И нѣжны воздыханья
Къ любезной посылашь?

Л О М О Н О С О В А

ОТВѢТЬ.

Анакреонитъ! ты вѣрно
Великой Философъ,
Ты дѣломъ равномерно
Своихъ держался словъ.
Ты жилъ по шѣмъ законамъ,
Которые писалъ;
Смѣялся забобонамъ.
Ты пѣшь любилъ, плясалъ,
Хотъ въ вѣчноспъ ты глубоко
Не чаялъ больше бытъ,
Но славой послѣ року
Ты могъ до насъ дожить.
Возмише прочъ Сенеку:
Онъ правила сложилъ
Не въ силу челоуку;
И что по онимъ жилъ?

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А Х І.

Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты дожилъ шарыхъ лѣтъ,

И зеркало мнѣ дали,
Смошри, шы лысь и сѣдъ.
Я не шужу нимало,
Ещель мой водось цѣль,
Иль шемя гладко спало,
И весь я побѣльль.
Лишь въ шомъ могу божишься,
Чшо долженъ спаричокъ
Тѣмъ больше велелишься,
Чѣмъ ближе видишь рокъ.

Л О М О Н О С О В А

О Т В Ъ Т Ъ .

Ошь зеркала сюда взгляни, Анакреонъ!
И слушай, чшо ворчишь, нахмурившись Капонъ.
Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злосишь ли адская шакой оспавя шумъ,
Ошь ревности на смѣхъ склонишь мой хочеть
умь?
Однако я за Римъ, за вольность швердо спану,
Мечпаніями я шаками не смущусь,
И симъ олъ Кесаря кинжаломъ свобожусь.
Анакреоншъ! шы былъ роскошень, весель, сла-
докъ;
Капонъ спарался ввесь въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ, и взялъ свое съ собой;
Его угрюмшвомъ въ Римъ не возвращень покой.

Ты жизнь упопрелялъ, какъ временну ушѣху;
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
Зерномъ швой опиялъ духъ пріятной винограда;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смершннй супо-
спашъ.

Беззлобна роскошь въ шомъ была шебѣ причина;
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходспва чудны вдругъ и сходспва понялъ я.
Умнѣ кшо изъ насъ, другой будь въ шомъ судья.

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А ХХVІІІ. 3

Масперъ въ живописшѣ первой,
Первой въ Родской споронѣ,
Масперъ наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри черны,
Безъ искусныхъ рукъ уборны
Съ благовоиємъ духовъ,
Буде способъ ешь шаковъ.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ предспавъ бѣлу;
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну съ другою.

Не распавъ ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитроспью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Цвѣтъ въ очахъ ея небесной,
Какъ Минервинъ покажи,
И Венеринъ взоръ прелесной
Съ шихимъ пламенемъ вложи;
Чпобъ усна безъ словъ вѣщали,
И пріяшсшвомъ привлекали,
И чпобъ ихъ безгласна рѣчь,
Показалась медомъ шечь.

Всѣхъ пріяшностей зашѣи
Въ подбородокъ умѣсни,
И кругомъ прекрасной шеи
Дай лилеямъ разцвѣсни,
Въ коиъ нѣжноспи дыхаюшъ,
Въ коиъ прелеспи играюшъ,
И по множесшву опрадь
Водяшъ усумнѣнной взглядь.

Надѣвай же плашье ало,
И не щисись всю грудь закрышъ,
Чпобъ ея увидѣвъ мало,
И о прочемъ разсудишъ.
Коль изображенъе мочно!

Вижу здѣсь шебя заочно,
Вижу здѣсь шебя мой свѣшъ.
Молвижь дорогой порпрешъ!

Л О М О Н О С О В А

ОТВѢТЬ.

Ты счасливъ сею красошою
И масперомъ, Анакреонъ!
Но счасливѣй пы собою
Черезъ пріяшной лиры звонъ.
Тебѣ я нынѣ подражаю,
И живописца избираю,
Дабы попицился написашъ
Мою возлюбленную машъ.

О масперъ въ живописивѣ первой!
Ты первой въ нашей споройъ,
Доспоинъ бышь рождень Минервой,
Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрасшъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Оспрады яносшъ по челу
И вознесенную главу?

Попицись представишъ члены здравы,
Какъ должны у богини бышь,
По плечамъ волосы кудрявы

Признакомъ бодрости завить.
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажешъ послѣ шутъ покой.

Возвысь сосцы млекою обильны,
И чшобъ созрѣвша красона
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живоспи успа
Въ бесѣдѣ важноснѣ обѣщали,
И шакъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чшпой голось лебедей,
Коль можно, жшпроснью швоей.

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипешрь, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей закони міру,
И распрямъ предписашъ конецъ.
О коль изображенъе сходно!
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви мапъ!
И повели войнамъ прешпашъ,

ПОХВАЛЬНЫЕ НАДПИСИ.

НАДПИСЬ I.

Къ спашуъ ПЕТРА Великаго.

Се образъ изваянь премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ, и царсвувя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденныкъ скипетру просперъ въ работу руки,
Монаршу власпъ скрывалъ, чшобъ намъ открышь
науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ пруды въ
войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ, и странспвовалъ въ
моряхъ.
Художниковъ собиралъ и обучалъ солдаповъ,
Домашнихъ побѣждалъ и виѣшнихъ сопосшавовъ;
И словомъ, се еспъ ПЕТРЪ ошечесшва ошець.
Земное божесшво Россія почишавешъ,
И сполько алшарей предъ зракомъ симъ пылаешъ,
Коль много еспъ ему обшавныхъ сердецъ!

НАДПИСЬ II.

Къ шойже.

ЕЛИСАВЕТА здѣсь воздвигла зракъ Пешровъ
Къ ушѣхъ Россовъ всѣхъ: но кшо онъ былъ ша-
ковъ;
Гласишь сей градъ и флотъ, художества и
войски,
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

НАДПИСЬ III.

Къ шойже.

Металль, что пламенемъ на брани успра-
шаешь,
Въ Пешровомъ градѣ се Россіанъ ушѣшаешь,
Изобразивъ въ себѣ лица его чершы!
Но еспьлибы его душевны красоны
Изобразить могло припомъ раченъ наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣшѣ краше.

НАДПИСЬ IV.

Къ шойже.

Ваяннымъ образамъ, что въ древни времена
Героямъ шавили за славные походы,
Невѣжесшвомъ вѣковъ чѣсть божеска дана,
И чпили жершвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра праая шворишь всегда прешишь.
Но вамъ проспищелью, о позднѣ попомки,
Когда услышавъ вы дѣла Пешровы громки,
Посшавише алшаръ предъ сей геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его превышшимъ смерпныхъ силъ,
Не вѣрили, что онъ единъ ошъ смерпныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за Бога почишам.

НАДПИСЬ V.

Къ шойже.

Гремлящія по всѣмъ концамъ земнымъ по-
бѣды
И Россювъ чрезъ весь свѣтъ шоржесшвовавшихъ
сѣды,
Собраніе наукъ, исправленны суды,
Премѣнное въ рѣкахъ шеченіе воды,
Покрѣпшій флшомъ поншъ, среди волнь грады
новы
И прочія дѣла увидѣвъ смерть Пешровы,

Рекла: сей челоуѣкъ предѣлъ мой нарушилъ,
И долѣ въ мѣрѣ семъ Маѳусаила жилъ.
Такъ льша по дѣламъ щипная, возгласила,
И въ гробъ великаго сего героя скрыла.
Но образомъ его красуешься сей градъ.
Взирая на него Персъ, Турокъ, Гошеъ, Сармашъ,
Величеству лица геройскаго чудилъся,
И мершваго въ мѣди безчувственней спрашилъся.

НА Д П И С Ь VI.

Копорая изображена на великолѣпной серебряной ракъ святому, благоуверному и великому Князю Александру Невскому поспроенной Высочайшимъ повелѣниемъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ Троицкомъ Александроневскомъ Монастырѣ.

Свяшый и храбрый Князь здѣсь плѣломъ
почиваешъ,
Но духомъ оупъ небесъ на градъ сей призираешъ,
И на берега, гдѣ оупъ прошивныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо ПЕТРУ споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему заццишнику воздвигла раку въ честь
Оупъ перваго сребра, чшо нѣдро ей земное
Ошкрыло, какъ на цпронъ благоволила съспѣ.

НА Д П И С Ь VII.

На прибытіе Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ Санктпешербургъ 1749 года.

Поднявшись солнце въ верхъ, возводитъ
взоръ по свѣшу,

Спѣшащу зрѣтъ во градъ Пешровъ ЕЛИСАВЕТУ,
Дивился, что зима покорна ей и снѣгъ,
И что по оному полю быстрой видишь бѣгъ;
На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуешь,
И огненнымъ бичемъ за лѣношь наказуешь.
О солнце, не спыдись: краснѣйшая луны
Богиня къ намъ грядешь Россійскія спраны:
Мы блеску швоего не сполько ожидаемъ,
Какъ видѣшь свѣшное лице ея желаемъ.

НА Д П И С Ь VIII.

На спускъ корабля, именуемаго свяшій Александръ Невскій 1749 года.

Гора, что горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на бысприну сбѣжала,
Между палашь споншь, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ пѣхъ чудесь.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чупь сидѣли,
Когдабъ великаго ПЕТРА мы не имѣли.

Опѣ тихихъ всплочныхъ водъ до береговъ Бал-
тійскихъ
Опѣ непроходныхъ льдовъ до шеплыхъ спранъ,
Каспійскихъ
Въ одеждахъ много доль и въ лицахъ перемьнь!
Сугубымъ нынѣ я видньемъ удивлень!
Я слышу шамъ, какъ здѣсь, припшную мѹзыку:
Тамъ опѣ усернаго народовъ разныхъ клику
Черезъ горы, черезъ поля согласный шумъ шечешъ,
Что ты едина всѣмъ покровъ, ошрада, свѣшъ.

Н А Д П И С Ь XI.

На иллюминацію предшавленную предъ лѣп-
нымъ домомъ Ея Величешва Государыни Им-
ператрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ
шоржешвенный день Тезоименишшва Ея
1747 года, гдѣ изображена была Минерва въ
храмѣ значащая премудрешъ Ея Величешва,
по споронамъ символическія изображенія
мира и войны и прочая.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіешъ,
И пѣмъ людей своихъ веселье умножаешъ,
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радешныхъ сіяніе огней.
Но ешълибъ съ нашею любовью шо сравнялось,
То солнцешъ передъ нимъ въ полудни успыдялось.

Н А Д П И С Ь XII.

На иллюминацію предсшавленную въ шорже-
сшвенный деѣ възшесшвіа на Всероссійскій
пресшоль Ея Величества 1747 года предъ
зимнимъ домомъ, на кошорой изображена
была криспальная гора, а на ней Имперашор-
скій пресшоль съ около спшощими Импера-
шорскими на спшолпахъ признаками, а надъ
спшрономъ вензловое имя Ея Величества.

Какъ вѣчная гора спшощѣ блаженство наше,
Крѣпчае мрамора, рубина много краше.
И швой, Монархиня, пресшоль благословенъ,
На нашей вѣрносши недвижно ушверженъ.
Пущѣ мнимая другихъ свобода угнѣшашѣ,
Нашѣ рабство подъ швоей державой възвышашѣ.

Н А Д П И С Ь XIII.

На иллюминацію предсшавленную въ шорже-
сшвенный день коронаванія Ея Величества
1748 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ пред-
сшавленъ былъ въ храмѣ алшарь изъ сердцеъ
сшоженный, на верху Имперашорскій вѣнецъ,
по спшоронамъ галлерей къ восходящему и за-
ходящему солнцу.

Во храмѣ ревносши на алшарѣ сердцеъ
Къ подавшему шебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Ошѣ подданныхъ швоихъ чистѣйшій огонь пш-
лаешѣ,

Да ічасшiemъ швоимъ Россію увѣнчаешъ,
Да солнце восходя и заходя, дивишся,
Чпо всюду красота швоихъ пріумфовъ зрится.

НАДПИСЬ XIV.

На иллюминацію предспавленную въ порже-
сшвенный день шезоименишства Ея Вели-
чества 1748 года Сешября 5 дня предъ
лѣшнимъ домомъ, на колпорой изображень
былъ фоншанъ, а по шпоронамъ храмы мира
и войны.

Богиня красотой, породой шы Богиня,
Повсюду громкими дѣлами Героиня,
Ты машь щедрошами, шы именемъ покой:
Смущенный бранью міръ миришь господь шобой.
Россійска шипшина предѣлы превосходишь,
И льешь избышокъ свой въ окрешныхъ шпраны:
Воюешь воинштво швое прошивъ войны,
Оружіе швое Европѣ миръ приводишь.

НАДПИСЬ XV.

На иллюминацію представленную Ея Императорскому Величеству ошь ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенбаумъ 1750 года Юля 31 дня, гдѣ изображены были два соединенныя сердца, пылающія на алтарь къ сіяющему надъ ними солнцу, по сторонамъ молодой мѣсяць и восходящая денница.

Какъ солнце съ высоты, Богиня, къ намъ
сілешь,

И въ нашихъ жаръ сердцахъ усерднѣйшій раж-
даешь.

Мы оба чувствуя любовь швою къ себѣ,

Приносимъ ревности взаимно жаръ шибѣ.

Монархия, пы всѣмъ единъ источникъ свѣта,

Россійскій горизонтъ шобою освѣщенъ,

Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.

Мы свѣтъ заимствуемъ, даешь ЕЛИСАВЕТА.

НАДПИСЬ XVI.

На иллюминацію представленную въ шоржешвенный день возшествія на престолъ Ея Величества Нолбря 25 дня 1750 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ Вавилонъ окруженный зеленѣющимъ садомъ, по сторонамъ шоржешвенные шполпы.

Во время швоея, Монархия, державы

Сугубой шасшавы мы шѣта красошой.

Одну даешь намъ Богъ, округъ вѣковъ создавшій,

Другую дарствуешь приходъ, Богиня, швой.

Изъ Вавилона бѣдъ изведены побою,
Вошли покойшвія въ прекрасныя сады,
И спави нынѣ сполны съ своею похвалою,
Вкушаемъ радости пріятныя плоды.

Н А Д П И С Ь XVII.

На иллюминацію представленную въ шоржесивенный день рожденія Ея Величествя Декабря 18 дня 1750 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была сіяющая звѣзда надъ алшаремъ, на кошоромъ пылаеши сердце, по споронамъ храмы.

Щасливая звѣзда на горизонтѣ блиспала,
Когда ЕЛИСАВЕТЪ Россіи возсіяла.
Монархиня, швой къ намъ сверкнулъ пресвѣтлѣйшій лучъ,
Возжегъ и освѣтилъ всѣхъ сердце послѣ шучъ.
Единымъ сердцемъ всѣ равно къ тебѣ пылаемъ,
И шое на алшарь усердій возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанія гласяшъ,
Да Вышній дасшъ сей день шоржесивовашъ спокрашъ.

НА Д П И С Ъ XVIII.

На иллюминацію въ новыи 1751 годъ предспа-
вленную предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изобра-
женъ былъ земный глобусъ, на которомъ
сплохо вензловое имя Ея Величества и число
новаго года; по сторонамъ опверзтые хра-
мы и алтари съ возженнымъ на нихъ пламе-
немъ.

Опверзты храмы всѣ и алтари дымятся,
Желанъ всѣхъ къ шебъ, Монархиня, спремяшя,
И ревность подданныхъ со временемъ расшесть,
И оныхъ щасіе съ числомъ восходитъ лѣтъ,
Полсвѣта, что швоа десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новыи годъ съ побой благословитъ,
И слухъ швой и другу полсвѣта удивитъ.

НА Д П И С Ъ XIX.

На иллюминацію предспавленную въ шорже-
сшвенный день коронованія Ея Величества
Апрѣля 25 числа 1751 года предъ зимнимъ
домомъ, гдѣ изображена въ амфитеатрѣ
окруженная сіяніемъ Императорская корона
и скиптръ на украшенномъ постаментѣ съ
вензловымъ именемъ Ея Величества; по объ-
имъ сторонамъ два поршала далече просши-
рающихся аллей, при кошорыхъ поставлены
грудныя изображенія чешырекъ часшей свѣта.

Лучи отъ швоого, Монархиня, вѣнца
Въ чешыре разлились вселенныя конца,
Европа, Африка, Америка, Асія
Чудашся ясности, отъ коея Россія

Сянешь чрезъ концы земны просвѣщена.
О пы блаженная въ подсолнечной снрана!
Взведи свой умный взоръ къ божественному
свѣшу,
Дабы вѣнчанную въ сей день ЕЛИСАВЕТУ
На много лѣшь своимъ бласпаньемъ окружилъ,
И съ нами съверъ весь спокойшвомъ озарилъ.

НА Д П И С Ъ ХХ.

На иллюминацію предспавленную въ день ше-
зоименишсша Ея Величсшва Сеншября 5
дня 1751 года.

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣшеть,
Лежишь оружіе, и съ кровью слѣзь не льеши;
И земледѣлецъ плугъ выносишь безопасно:
Спокойшво съ именемъ швоимъ вездѣ согласно.
По правдѣ, Божій миръ, Монархшя, слышешь,
Когда пы шипшину Европѣ всей даешь.
Съ почщеніемъ она главу свою склоняешъ,
И славы храмъ шебѣ безсмершншй возвышаешъ.
Напрасно люшяя война шумѣще сшшшшъ,
Гдѣ имя кропшкія Богшя въ свѣшъ гремишь.

НАДПИСЬ ХХІ.

На иллюминацію представленийую въ день Коронаванія Ея Величества Апрѣля 25 дня 1752 года, на которой изображень былъ зодіакъ съ вѣшними зодіями и съ пекущимъ посредѣ его солнцемъ, внизу межъ обелыскомъ алтарь съ пламенемъ.

Монархиня, нося порфирудесять лѣтъ,
Гремящей славой пы наполнила весь свѣтъ.
Геройской былъ возходъ, и слѣдствие побѣды:
Тобой побѣждены и спасены сосѣды:
Тобою ускорень во всей Европѣ миръ:
Тобою дышеть въ ней покойствіа Зефиръ.
Во успокоенномъ пы свѣтѣ нынѣ сіяешь,
И славу дѣлъ своихъ съ числомъ лѣтъ умножаешь.
Державства швоего свѣтлицій зодіакъ
По вся дни кажетъ намъ благополучный знакъ.
И нынѣ празднуя, какъ пы вѣнчана Богомъ,
Вѣнчанну зримъ себя покойствіа задогомъ.
Намъ радуга швое пріятіе вѣнца,
Поспавлена весной въ созвѣздіе шельца,
Довольство и покой и радость изъявляешь,
И здравіе тебѣ и крѣпость обѣщаешь.
Ликуя, веселясь мы празднествомъ швоимъ,
Усердно всѣ въ тебѣ усердно сердце чшимъ.

НА Д П И С Ь ХХІІ.

На иллюминацію предспавленную въ пезоиме-
нищсво Ея Величества Сеншября 5 дня
1752 года, гдѣ изображена была приспань съ
Колоссомъ на подобіе Родскаго.

Желая нѣкогда преславный оспровъ Родъ
Пловущихъ по морю спасашь ошъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискашъ, другимъ давашь опраду,
Поспавиль на брезу пречудную громаду;
Великій Исполинь седмидесяшъ лакшей
Свѣщильникъ чрезъ всю ночь держаль поверхъ
зыбей,

Далече блескъ пускаль чрезъ море неуспройно,
И корабли вводиль въ приспанище спокойно.
Ты именовъ и всемъ, Монархиня, покой,
Твой слухъ, какъ Исполинь, касаясь звѣздъ
главой,

Лучемъ добротъ швоихъ вселенну освѣцаешъ,
И именовъ возшокъ и западъ наполняешъ.
Спасайшесь здѣсь ошъ бурь, у насъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Опраду въ пишинѣ съ довольствомъ подаешъ.

НА Д П И С Ь ХХІІІ.

На иллюминацію предсшавленную въ день воапешествія Ея Величества на Всероссійскій прешоль Ноября 25 дня 1752 года, гдѣ изображено было восходящее солнце и вазы съ чувстввищельными шравами.

Когда ночная тьма скриваешь горизонтъ,
Скриваются поля, лѣса, берега и понтъ,
Чувстввищельны цвѣшны во шьмѣ себя сжимающъ,
Ошъ хладу кроющся и солнца ожидающъ.
Но шолько лишъ оно въ луга свой лучъ прольешъ,
Ошкрывшись въ шеплошъ, сіяешъ каждой цвѣшпъ.
Богатштво красоны предъ онымъ опшверзаешъ,
И свой пріятной духъ, какъ жершву, проливаешъ.
Подобенъ солнцу швой, Монархія, возходъ,
Кошорый освѣшилъ во шьмѣ Россійской родъ.
Усердны предъ шбой сердца мы опшверзаемъ
И жершву вѣрности шебъ всѣ изливаемъ.

НА Д П И С Ь ХХІV.

На иллюминацію предсшавленную въ Москвѣ на новый 1753 годъ, гдѣ изображенъ былъ орель прилешающій ошъ Санкшпешербурга къ Москвѣ и на Возшокъ и Западъ зриающій.

Въ любезной пишнѣ насшавшій новый годъ
И швой, Монархія, всерадощный приходъ
Сугубой радощью сей городъ оживляешъ,
Сугубо шщаспіе Россіи обѣщаешъ.

Военной укротивъ во всей Европѣ шумъ,
Къ однимъ вперяешь намъ божеспвенный швой
умъ.

Подобіемъ орла на высопу возводишь,
Повсюду опъ среды свой быспрой взоръ возво-
дишь,

На сѣверъ и на югъ, на западъ и возшокъ,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина, гдѣ чистый Невскій
шокъ

Между Пешровыхъ спѣнь ликуя пропекаешь,
Въ ошущспвіа шебя, Богиня, ошущаешь.
Россія вся швоей щедротой шакова,
Какъ нынѣ зря шебя, красуешь Москва,
Гласишь: о Боже дай, чшобы ЕЛИСАВЕТА
Съ усердьемъ нашимъ къ ней свои сравнила лѣта!

НА Д П И С Ь XXV.

На иллуминацію предспавленную въ Москвѣ
на дѣнь Коронованія Ея Величеспва Апрѣля
25 днѣ 1753 года, гдѣ изображено было вън-
чачное вензловое имя Ея Величеспва на шор-
жеспвенной колесницѣ, въ шріумфальныя во-
ропта въѣзжающей.

Побѣдъ слѣдуешь весело шоржеспво,
Герой приемлешь чеспъ и жершву божеспво.
Звучашъ въ полкахъ шрубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ прошивничей крови несуть щими багрови.

Побѣда швой восходѣ, пріумфъ швой праз-
дникъ сей,
Монархиня, мы что явимъ къ хвалѣ швоей?
Не городъ шмы одинъ, ниже едино войско
Въ свою пріяла власшъ чрезъ мужество геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ
И многи шмы къ тебѣ пылающихъ сердца.
Не кровію земля кипящей обагрилась;
Но, радости въ шруяхъ Россія насладилась.
Не ярыи насъ спрашили пожаръ горящихъ спѣвъ,
Но ревностью пылалъ народъ къ тебѣ возжень.
Не пляскія на насъ въ плѣну звучали узы;
Но съ плескомъ спсавили мѣ вѣрности союзы.
Когда шоль радостно шбой плѣненнымъ бышь,
Коль громка похвала побѣду получили!
Богиня, шоржествуй шѣмъ болѣе) надъ нами,
Чѣмъ выше смершнхъ шмы безсмершными дѣ-
лами.

Торжественны враша, шрофен, колесница:
Въ насъ вѣрныя сердца и радостныи лица.

1) Долѣе.

НА Д П И С Ь ХХVI.

На день тезоименичества Ея Величества 1753 года, гдѣ Россійскій покой уподобляется прекрасному селенію съ великолѣпными зданіями.

Хоши щасливья военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣспѣ похвала;
Но въ ясной пицинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяешъ ихъ порфира.
Велико дѣло въ шомѣ, чщобъ часпо побѣдашъ;
Но болѣе шого всегдашней миръ держашъ.
Въ побѣдахъ надлежишъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ щаспїю почши дана вся воля,
Спокойной миръ хранишъ одна премудра власпъ,
Не можешъ войску бышъ, ни щаспїю въ шомѣ
часпъ.

Производишъ плоды природно шолько лѣпу,
И крошкїй миръ единъ даешъ богатшество свѣшу.
То правда, надлежишъ и зиму шѣмъ хвалишъ,
Чшо можешъ суровшество повѣспрїй опшврапишъ,
И вредны умерливишъ въ лѣсахъ и нивахъ гады:
Подобныя даешъ щасплива брань опшрады.
Но какъ между стихїй съ зимой минешъ война,
И намъ явлешся прекрасная весна;
Опъ ней нешповы бореи убѣгающъ:
Опъ ней прїятныя зефиры вылетающъ,
Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
Веляшъ всходишъ цвѣтамъ, веляшъ упасшъ вол-
намъ.

Ведушь суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
Готовашь сладкой плодъ и въ приспань пуша
щасливый;

Лють радость въ поньтъ, въ дуга, и въ воз-
духъ, и въ ефирь,

Толь щасливы мѣсна, гдѣ домъ имѣешь миръ!

Но гдѣ прекраснѣ селеніе покою,

Какъ шо, Монархія, что даль намъ Богъ
шобой?

Поспавлена чужимъ шобой шишина:

То коль спокойна бышь должна швоя спрана!

Подобень крѣпости великихъ пирамидъ,

Среди щасливыхъ мѣстъ недвижимо споконь,

Возлегли на него блаженная Россія,

Подъ скипешромъ швоимъ считаецъ дни зланыя.

Въ довольствѣ спѣешь шрудъ, довольствіе въ
шрудъ,

Взаимно другу другъ способшвуя вездѣ:

Какъ вѣщся виноградъ на илимѣ высокомъ,

Держася, и его пишая сладкимъ сокомъ:

Толикимъ множешвомъ божешвенныхъ даровъ

Довольшвуемся мы, имѣя всѣмъ покровъ

Въ шебѣ Монархія ошъ Бога просвѣщенной,

Къ нему и къ опчешву любовію возженной.

Въ сей праздникъ веселься веселіемъ швоимъ,

Съ шоржешвеннымъ огнемъ мы къ Вышнему
горимъ.

Да продолжишь шобой дни мирны и прекрасны,

Со крѣпостью швоей и съ цменемъ согласны.

НА Д П И С Ъ XXVII.

На день возшеспвіа на престоль Ея Величества
1753 года, гдѣ Ея Величество уподобляешся
Минервѣ молніею поражающей дракона мно-
гоглавнаго.

О древноснѣ славная пречудными дѣлами,
Чпо Пиндаръ до небесъ шрубящими уснами
Черезъ множествовѣковъ въ концы земны гремишь,
Геройскихъ подвиговъ изображая видѣ!
И вы великаго амфишеапры града,
Народа по войнахъ Лашинскаго опрада,
Въ сей день скончайше вапѣ доннѣ слышннй
плескъ,
Яснѣ воссіяль ЕЛИСАВЕТИНЪ блескъ.
Не зубы сперь боецѣ предѣ Римлянами львицѣ,
Ниже кшо облещѣль всѣхъ прочихъ въ колесницѣ;
Но мужеспвомъ прешла мужей ЕЛИСАВЕТЪ,
И подвига ея смопрришель цѣлой свѣшъ!
Седьмъ главъ сіяли въ шѣлѣ вдругъ единомъ,
Гдѣ зависпѣ въ жалѣ ядѣ носящая змѣиномъ,
И злобы мерзскія свирѣпнй крокодилъ,
И вепрь несповспва неодолимыхъ силъ,
Съ язкомъ лисіимъ пронырливое льщенье,
Зѣвъ волчія алчбы, шигръ ярнй похищенье,
И львины челюспи рыкающей войны
Въ одномъ чудовицѣ на дерзоснѣ рождены.
Взирая на сего ЕЛИСАВЕТЪ дракона

Лежащаго кругомъ ошечскаго шрона,
Рекла: чшо сей мнѣ врагъ препяшшвуешъ возходъ,
Котораго давно жилаешъ мой народъ.
Не мой ли сей вѣнецъ? не я ли дщеръ ПЕТРОВА?
И Россы моего всѣ пребудушъ покрова:
Ничто не можешъ мнѣ ко славѣ пушъ пресѣчь.
Сю геройскую окончая рѣчь,
Сіянемъ въ округъ небеснымъ просвѣщилась,
И выше смершныя величешвомъ явилась:
Минервы чудный въ ней изображался видъ,
ПЕТРОВЪ духъ былъ ей шлемъ, любовь Россіанъ
щипъ.
Безъ гromу молнія изъ женошши блиспая,
Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
Смушила горду кровь, пронзила грозный взоръ:
Сраженъ, прогнавъ, убѣвъ Рифейскихъ далъ горъ.
Угасла молнія, однѣ лучи сіяли:
Вселенныя концы рѣками возшескали.
Тогда красудъ Россъ, главу свою вознесъ:
Пешрополь мнилъ себя превыше бышъ небесъ.
Мы нынѣ празднуя шой часъ благословенный,
Огнями кажемъ огонь во всѣхъ сердцахъ возженный.
О ешълибъ съ внушреннимъ огонь внѣшній ра-
вень былъ!
Онъ выше бы возшелъ въ ночь блещущихъ свѣшилъ.
Монархія, шобой любовь ешъ въ насъ рожденна:
Какаяжъ въ свѣшъ вещь съ ней можешъ бышъ
сравненна?

Н А Д П И С Ъ XXVIII.

На день рожденія Ея Величества, гдѣ оное возходящей зарѣ уподобляешся во время оиъ шоржеспивеннаго въѣзду Пешра Великаго оиъ Полшавы.

О вы, кошоры все по разсужденію злому
Обыкли случаю приписывашь слѣпому,
Увѣрьшесь нынѣшнимъ превожделѣннымъ днемъ,
Чшо промысль Вышняго господствуешь во всемъ.
Когда гошовилъ онъ блаженство нашихъ лѣтъ,
Оиъ чреслы Пешровыхъ намъ послалъ ЕЛИСАВЕТЪ,
И знаки предъявилъ, кошоры оиъ Полшавы
Тогда наполнили весь свѣтъ Пешровой славы.
Съ рожденіемъ Ея шоржеспивенный былъ въѣздъ.
Тогда внесла свой гласъ и духъ Москва до звѣздъ.
Младенца въ пеленахъ шрофетѣ окружали,
И воплю первому войскъ плески ошвѣщали.
Подвиглись радостно земля, моря, ееръ.
Пешръ шесшвовалъ во градъ, ЕЛИСАВЕТА въ
міръ;
Низвергнулъ Пешръ враговъ; Она въ Пешровы
слѣды

Ко одержанію подобныя побѣды.
Коль явспивенно шогда самъ промысль предъявилъ
Чшо послѣ къ радости всеобщей совершилъ!
Родясь; какъ ясная заря намъ возсіяла,
И царства своего день свѣшлый предъвѣщала.
Монархиня, мы шѣмъ освѣщены всегда
Избавились во шѣмъ сокрышаго вреда;

Часть I.

19

И радостнымъ въ ночи огнемъ Тебѣ явля-
емъ ,
Что ночи мы въ сердцахъ и шемногахъ не зна-
емъ.

Н А Д П И С Ъ ХХІХ.

На новый 1754 годъ, гдѣ время уподобляется ве-
ликому зданію.

Взирая вѣчноспи на зданіе обширно,
На множество вѣковъ, на жишіе всемірно,
Мы видимъ. разность дѣлъ со разностию лѣтъ.
Тамъ брань горитъ, тамъ миръ возлюбленный
цвѣтеть ;
Тамъ вѣки ясноспію ученій просвѣщенны ;
То въ мракѣ варварства глубоко погруженны ;
Терзають смертныхъ тамъ гоненіе и гладь ;
Тамъ всѣ довольствія безчисленныхъ оспрадь.
Сіи неравности прилѣжно разсуждая,
Зримъ ясно, ошъ чего премѣна шаковая.
Монарковъ милоспи, премудроспи, бодрый духъ
О щаспѣ многихъ спранъ просперли вѣчный
слухъ.
Благополучны ихъ державы были лѣта ;
Но лучше нынѣ намъ дасть ЕЛИСАВЕТА.
Подобясь время Ей въ божеспвенныхъ дѣлахъ,
Являетъ образъ намъ во всѣхъ своихъ часпяхъ.

Весна красяеъ всегда прїятными цвѣтами,
Равнишся съ лющими опраду всѣмъ усшамъ;
И лѣпо съ осенью обильныя плоды
Намъ сыплешъ, какъ она съ избышкомъ за шру-
ды.

Зима въ спокойствїи довольствомъ услаждаетъ,
Какъ миромъ всѣмъ Она богатымъ украшаетъ;
И щипшя ускоришь щедростю всходъ наукъ,
И хипросиць разную художественныхъ рукъ.
Россїя, ликовшвуй, изчисли лѣша новы:
Щасшавы щасшиемъ Наслѣдницы Пешровы.
Проси, какъ просишь шы, ошъ Вышняго проси,
И громкїй къ небу гласъ и сердце вознеси,
Да здравїемъ Ея всегда пребудемъ здравы,
И громкихъ дѣлъ Ея да насладимся славы!

Н А Д П И С Ь ХХХ.

На день коронаванїя Ея Величешва 1754 года,
гдѣ добродѣтели Ея прекрасной и великой
горѣ уподобляюшся.

Кшо знашныя дѣла въ нашурѣ разсуждаешъ,
Щешровой Дщери въ нихъ примѣры обрѣша-
ешъ.

Посмошримъ въ поншъ, въ поля, во весь посмо-
шримъ свѣшъ;
Чшо славно майдемъ въ нихъ, въ чемъ къ Ней
примѣра вѣшъ?

Коль всѣхъ красота число въ нашурѣ есть про-
спранно,
Толь множество доброта въ Ней видимо не-
сказанно.

Не лзя предсавить всѣхъ предъ мысленный
нашъ взоръ :

И шакъ предсавимъ съ Ней едину славу горь.
Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходящъ ;
Онѣ намъ щиптъ, когда войну враги наводящъ ;
Пловущимъ въ глубинѣ онѣ являющъ ходъ ;
Изъ нихъ шумящъ ключи и шоки многихъ водъ ;
Поющъ лице земли, плодомъ обогащающъ ,
Пріятные сады и доли орошающъ.

Не въ сихъ ли образъ всѣхъ ЕЛИСАВЕТЫ зримъ?
Она вошла къ звѣздамъ величествомъ своимъ :
Мы крѣпосщю Ея ошъ сопоснашъ покрыши,
И бѣдспвіа въ волнахъ бѣжимъ къ ней для за-
щипы:

Ошъ Ней на подданыхъ печешъ щедрошъ по-
шокъ ,

И разливается на западъ и воспокъ.

Прекрасная гора ошъ Бога ушверженна,
ЕЛИСАВЕТЪ вѣнцемъ и славой увязенна,
Среди Россійскаго рая недвижно спой,
Сіе гласишъ любовь и вѣрносщъ предъ Тобой,
И удовольсшвіе съ надеждой несомнѣнной
Подъ шѣнію Твоей щедрошты несравненной.
Покровъ Твой смѣжныя пребудушъ небеса :
Къ намъ снидешъ ошъ Тебя всегда ошрадь
роса.

Коль чудныя дѣла ЕЛИСАВЕТЪ являютъ!
Черезъ прохлажденіе въ насъ пламень возбуждаешъ.

Н А Д П И С Ъ XXXI.

На иллюминацію предсавленную въ день ше-зоименишства Ея Величества 1754 года, гдѣ изображень былъ храмъ Россійскаго благополучія, предъ кошорымъ на вражахъ обелискъ съ вензловымъ именемъ Ея Величства, при шомъ сидящая въ радости Россія.

Россія вознося главу на вышину,
Взираешъ на своихъ предѣловъ красочу;
Чудишся въ радости обильному покою,
Что въ оной утверждень, Монархиня, Тобою;
Счишая многія довольства, говоришь:
Коль сладкое меня блаженство веселишь!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзають,
И алчны мышари внутрь шоргу не смущають:
Спаль шѣсенъ къ злобѣ пушь коварникамъ въ судахъ:
Свобода съ пишиной и въ селахъ и въ градахъ:
Приспанищъ, крѣпосней и храмовъ всходящъ
спѣвнмъ,
И знанія цвѣтушь щедроцою снабдѣнны. *
Что я Монархинѣ своей могу' воздашь?
И въ славу имени Ея мнѣ что создашь?
Какія радости въ сей день предсавляю виды?
Мнѣ шѣсны храмы всѣ и низки пирамиды.

Ахъ, есплибъ съ ревностью сравнилась крѣпость
силъ,
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Россійскомъ нынѣ былъ,
Поставилабъ Ей въ честь претудныobeliski
Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ бли-
зки!

Н А Д П И С Ъ XXXII.

На день возшествія на престолъ Ея Величества
1754 года, гдѣ оное уподобяется великому
свѣщильнику, возженному огнемъ небеснымъ
и лучи свои просвѣрающему на шеатрѣ, на-
полненный изображеніями дѣлъ Петра Вели-
каго.

Опца опечесыва Великаго Петра
Положены шруды для общаго добра:
Ужасныя врагамъ полки вооружены
И флотами моря велики покровенны:
Полезныя вездѣ обряды и суды,
Художествъ и наукъ всходящія плоды
Ошь сѣмени его опъяшны колебались,
И щемной зависши во мракѣ покрывались.
Нѣ Богъ ихъ осіялъ неизреченнымъ чудомъ,
Не попустивъ стоящъ свѣщильнику подъ спудомъ.
ЕЛИСАВЕТИНЫ доброшы какъ свѣщи
Ошкрыль, и день блеснулъ пресвѣтлымъ намъ въ
нощи.

На пронь возвышена, Монархия, сілешъ,
И просвѣщеніе Пешрово умножаешъ,
И Вышній утвердилъ чрезъ ПАВЛА намъ за-
вѣщъ,
Что племени подасъ неугасимый свѣщъ.

НА Д П И С Ь XXXIII.

На рожденіе Государя Императора ПАВЛА I.

Подъ славнымъ скипетромъ своимъ, ЕЛИ-
САВЕТА,

Къ блаженству Росскаго не доспавало свѣща,
Въ попомкахъ одного наслѣдія Пешру.
Сего всѣ подданны въ усерднѣйшемъ жару,
Сего единого чрезъ девищъ лѣтъ желали,
И гласы къ Вышнему и очи возвышали.
„Когда ты чрезъ Пешра и чрезъ Пешрову Дщерь
„Благоволилъ отверзъ къ довольствамъ нашимъ
дверь,
„О Боже! призри къ намъ единого лишеннымъ,
„И успокой нашъ духъ довольствомъ совершен-
нымъ :
„Великія пруды Пешровы помани,
„Со славою его наслѣдіе сравни.,,
Сей гласъ, Монархия, съ Твоимъ соединенный
Достигнулъ къ Небесамъ, и Богъ имъ прекло-
неный

Возвеселилъ Пешровъ благословенный домъ ,
И съ нимъ Россію всю желаемымъ плодомъ .
Къ его же щедрости съ усердною мольбою
Зовемъ, да подъ твоей щасливую рукою
Младаго ПАВЛА вѣкъ до зрѣлости возрастишь ,
Тебя , родишелей и насъ возвеселишь ;
Да племенемъ его какъ нынѣ мы сердечно,
Возраждающа всѣ потомки безконечно!

Н А Д П И С Ъ XXXIV.

На маскарадъ 24 числа Октября 1754 года въ
домъ Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера
Ивана Ивановича Шувалова.

Европа что родишь , что прочи часши
свѣта ,
Что осень , что зима , весна и кропосишь лѣта,
Что воздухъ и земля , что море и лѣса ;
Все было у тебя довольство и краса .
Вчера я видѣлъ все , и нынѣ вижу духомъ ,
Музыку , громъ и шрескъ еще внимаю слухомъ :
Я вижу скачущи различны красоти ,
Котормыхъ , Меценатъ , подвигль къ веселью шты .
Оспраду общую своею умножаешь ,
И радоси вънущрению со всѣми сообщаешь .
Красуемся среди обильныхъ Райскихъ рѣкъ .
Коль щасливиъ , коль красенъ ЕЛИСАВЕТИНЪ
вѣкъ!

НАДПИСЬ XXXV.

На рождение Государя Императора ПАВЛА I.

Мы радость ошь небесь , щедрость , благо-
дашь

Приемлемь чрезъ Тебя, Россіань вѣрныхъ, Машь!
Въ шринадцашь лѣшь Твоей Божеспивенной дер-
жавы

Мы наслаждались всѣ щедрость , покоя , славы.
Но нынѣ промысль намъ сугубо доказаль.
Чшо бодрспвуеть для насъ , какъ ПАВЛА намъ
послаль ,

Чшо для швоихъ доброшь , Богиня, несравненныхъ
Довольство удвоишь во дняхъ благословенныхъ.
О шасшливой народъ! блаженная спрана!
Кошорой шакова Монархиня дана!

НАДПИСЬ XXXVI.

На иллуминацію и маскарадъ Графа Пешра Ива-
новича Шувадова , Окпября 26 дня 1754
года.

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
Поверженца свою близъ видѣла кончину!
Чшо Рурикъ съ скипетромъ Монаршескимъ
пріаль
Чшо Ольга, Свяшославъ, Владимиръ Россамъ даль;
Чшо Ярославомъ мы и храбрымъ Мономахомъ
Доспигли, какъ враги взирали къ намъ со спра-
хомъ;

Помомъ чшо Александръ ошъ бѣдъ Геройспвомъ
спасъ;

Чшо ошъ враговъ покрыль Димитрій въ спраш-
ный часъ;

И чѣмъ насъ вознесли два спрога Иоанны ,

Всѣ славы ихъ пруды оплакала цопранны;

Едва главу свою изъ пепла подняла ,

И въ прадѣдъ Твоемъ помощника нашла;

Монархия, онъ сшѣтъ развалины возспавиль ,

Неспройсшво прекрашилъ , и ошъ враговъ изба-
вилъ:

Твой Дѣдъ на вышшую спепенъ Россію взвель ,

И свѣшу показалъ хвалу преславныхъ дѣлъ :

Великій Твой Опець широкими спопами

Всходя, возвысилъ насъ надъ прочими спранами:

Но не дошедъ верьха по общей всѣхъ судьбѣ ,

Весь шрудъ свой совершилъ преноручилъ Тебѣ.

И бодрости пвоей Всевышній споспѣшаетъ ,

На верхню насъ спепенъ шобою спспавляетъ.

Чшо вѣчно въ насъ его пребудеть благодать ,

Младый въ шомъ ПАВЕЛЬ данъ залогъ намъ и
печатъ.

О предковъ красота , Пешрова Дщерь и слава!

Пріяшна мужеспвомъ Твоимъ его держава ,

Чрезъ спнзхожденіе Твое къ намъ возспаетъ ;

И жершва искреннихъ желаній вопіеть :

Да милосши свои всевидящее око

Поспавилъ надъ Тобой, какъ верьхъ небесъ вы-
соко.

НА Д П И С Ъ XXXVII.

Б О Г У
Всемогущему!
и Его Угоднику
Благовѣрному и Вели-
кому Князю
АЛЕКСАНДРУ Нев-
скому,
Россовъ усердному за-
щитнику, презрѣше-
му прещеніе мучише-
ля, шварь богопворишь
повелѣвшаго,
укропившему варвар-
ство на востокъ,
низложившему за-
висль на западѣ,
по земномъ княженіи
въ вѣчное царство
преселенному въ лѣшо
1263,
усердіемъ ПЕТРА ВЕ-
ЛИКАГО на мѣсто
древнихъ и новыхъ по-
бѣдъ пренесенному
17.. года,

Державнѣйшая
ЕЛИСАВЕТА
опещескаго ко свя-
тымъ почипанія
подражательница,
къ нему
благочеспіемъ усерд-
спвуя,
сію
мужеспва
и
святоспи
его дѣлами
украшенную раку изъ
первообрѣшеннаго
при Ея
благословенной дер-
жавѣ
сребра
сооружишь благоводи-
ла
Въ лѣшо 1752.

Н А Д П И С Ъ XXXVIII.

На новый 1755 годъ, гдѣ владѣніе Ея Величества
уподобляешь приспани съ храмомъ упокое-
нія и съ входящими и исходящими кораблями.

По правдѣ вѣчношь ешь проспранный
Океанъ,

Чшо вихрямъ завсегда на колебанье данъ.
Въ ней льпа корабли, чшо скоро пробѣгають,
И въ дальности себя безвѣстной закрывають.
Кшо рока злобнаго въ пучинѣ погружень,
Или волненіемъ боязней ушомлень,
Топь черезъ спремнины и жерла бѣдъ глубоки
Не можеть видѣшь ихъ сквозь горькихъ слезъ
попоки.

Но какъ приспанища чрезъ ихъ въ себя приходъ
Богатствомъ веселяшь и зрѣніемъ народъ ;
Подобно крошка и намъ ЕЛИСАВЕТА
Въ приспанищѣ щедрошь являешь долги льпа.
Сіи наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ, веселясь, со щастливой земли.
По многимъ радостямъ мы долгосшь льпѣ счи-
щаемъ,

И милосши Ея ихъ мѣрой признаваемъ.
Пусшь мимо шѣ другихъ среди валовъ лешають,
Опъ нашей пишины опъѣдомъ не спѣшають.
Въ прекрасномъ оспровѣ державцъ вождельной
Препровождаемъ вѣкъ спокойной, несравненной.
Изшедшимъ насладясь обильнымъ кораблемъ,
Чшо насъ увеселиа въ приспанищѣ Твоемъ,

И новаго дождавъ , Монархиня , прихода ,
Прими желанія ошь вѣрнаго народа :
Дабы среди Твоихъ спокойныхъ царства водъ
Великъ былъ щасліемъ корабль сей новыи годъ ;
Да многіе попомъ довольствіи увидимъ полны ,
Не вѣдая , что вихрь , не вѣдая , что волны .

НА Д П И С Ь XXXIX.

На спускъ корабля именуемаго Іоаннь Злапо-
ушный .

Сойдижъ намъ , Злапоушъ , оставивъ небеса
Достойна швоеѳо здѣсь зрѣнія краса .
Петрова Дщерь шебъ корабль сей посвящаешъ ,
И именовъ швоимъ все море наполняешъ .
Когда шм пойдешъ въ пушь на немъ между за-
ловъ ,
Греми прошивъ Ея зависливыхъ враговъ :
Злапными преждеши гремя въ церквахъ усшами ,
Но пламенными впредъ звучи въ водахъ словами .

НА Д П И С Ь XL.

На конное лишее изъ мѣди изображеніе Ея Им-
ператорскаго Величества Государыни Импе-
ратрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ
Амазонскомъ уборѣ .

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный
Богини Россіи великолѣпный видъ ,

И бодростью шого мешалль одушевленный,
Со щцаніемъ свѣщилъ къ нему съ Парнаскихъ
горь;
Промолвилъ восхищень къ спройшелю перуновъ:
Сшоялъ бы и поднесъ мой городъ и Непшуновъ,
Когда бы защищашъ Пріамовъ скипшрѣ и шронъ
Пришла подобна сей Царица Амазонъ ;
И щцешнабъ вся была коварныхъ Грековъ сила,
ЕЛИСАВЕТАбъ ихъ въ одинъ часъ низложила.

НАДПИСЬ XLI.

На шо же изображеніе.

Великаго Ошца и Машери прекрасной
Подобную мешалль здѣсь Дщеръ изобразивъ,
Геройской бодростью и крошкимъ взоромъ живъ,
Вѣщашъ, кажешся, ошъ вещи къ намъ безгласной
Надежду, мужештво, щедрошы , милосшъ, миръ;
Пріашна какъ весна, лешашъ какъ зефиръ.
Свѣщаше злаша мѣдъ въ семь образъ сіяешъ ,
Чшо шоль великую Богиню предшавляешъ.

НАДПИСЬ XLII.

На ошъѣздъ изъ Санкшщешербурга въ Москву Ен
Величештва 1752 года Декабря дня.

Чшо воздухъ нихъ шшощъ по шоль бурли-
выхъ дняхъ?

Просшперся мягкій снѣгъ въ спокойшвшъ на поляхъ?

ЕЛИСАВЕТА въ пушь прещедра поспѣшаешь;
Монархиня, Твой взоръ къ Тебѣ все привлекаешь.
Не шокмо на земли Твоя любезна власпъ ,
Но небо плешъ свою Тебѣ подъ ноги часпъ.

НА Д П И С Ь XLIII.

На оказаніе Высочайшей милосши Ея Величества
въ Москвѣ 1753 года.

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обиліе намъ льешъ и радоспъ, какъ рѣка,
Сильнѣе, нежели ключей Каспальскихъ шокки,
Сспремленіе къ спшхамъ и духъ даешъ высокій.
О радоспной воспоргъ! куда я полечу?
Но большее язккъ богашсшво словъ являешъ,
Когда умѣренно веселіе бываешъ :
Веселіе мое безмѣрно — я молчу.

НА Д П И С Ь XLIV.

На новое спроеіе Сарскаго Села.

Хопя по царспшвамъ Римъ поверженнымъ
спупаль ,
Однако седмъ вѣковъ и больше воспшаваль ;
Скорѣ крошкой Ты, Монархиня , рукою
Россію безъ войны возводишь за собою ;
И щедролюбіемъ возносишь насъ своимъ ,
Не разрушая царспшвъ, въ Россіи спроеішь Римъ.

Примѣръ въ шомъ Сарской домъ : кто видишь ,
всякъ чудился ,
Сказавъ , что скоро Рязь предъ нами поспыдишся .
Ни время , ни шруды , ни подданной весь свѣшь
Тамъ такъ не успѣвалъ , какъ здѣсь ЕЛИСАВЕТЬ .

НА Д П И С Ь XLV.

Къ ракъ святаго Димитрія Митрополиша Рос-
шовскаго .

ВСЕМОГУЩІЙ и НЕПОСТИЖИМЫЙ
Б О Г Ъ

Чудными изкони дѣлами , явиль
свядшю свою великолѣпную славу
и во дни наши ,

Въ благословенное государствование
Благочисливѣйшія , Самодержавнѣйшія ,
Великія Государыни
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Самодержицы Всероссійскія ,
новыми чудопвореніями въ Россіи про-
свядшяго ,
здѣсь

почивающаго святаго Мужа ,
Преосвященнаго
МИТРОПОЛИТА ДИМИТРИЯ
Росшовскаго и Ярославскаго ,
Отдавшаго Божія Богови :

Вѣрою , крошосшю , воздержаніемъ ,
ученіемъ , шрудолубіемъ ,

Кесарево Кесареви:
Ревностію и шерпѣніемъ,
поборствуя
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
прошгъ съемуудраго раскола.
Въ Богоспасаемомъ градѣ Києвъ
родился сей жишель небеснаго Іерусалима
Декабря 1651 года,
Ангельскій образъ принялъ 18 ши лѣтъ,
На свяшительскій Престолю
возведенъ
Марта 23 дня 1701 года,
Пасъ церковь Божию
7 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 26 дней,
живъ 58 лѣтъ,
Въ вѣчной покой преселился 1709 года.
Написавъ жишія Свяшыхъ,
самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ быль
удостоился
въ лѣпо 1754 Апрелья 9 дня.

О! вы, что Божество въ предѣлахъ чпшите пѣ-
сныхъ,
Подобіе его мня быль въ часпяхъ пѣлесныхъ,
Вперите въ мысль, чему Свяшитель сей училъ,
Что нынѣ вамъ гласишь оцъ лика горнихъ силъ.
На милость Вышняго, на истинну склонитесь,
И къ машери своей въ церкви примиритесь.

НАДПИСЬ XLVI.

Напечатана въ уславѣ Воспиташельнаго въ Москвѣ дома 1764 года.

Блаженство общесства вседневно возра-
сшаепть ,

Монархия къ прудамъ прудъ присоединяепть ,
Сшараясь о добръ великихъ имъ опрадь ,
О воспитаніи печешся малыхъ чадь ,
Дабы , что въ опчѣсшвѣ осшавлено презрънно ,
Приобрѣло ему сокровище безцѣнно ;
И чшобъ изъ шижкаго для общесства числа
Воздвигнушь съ нравами похвальны ремесла.
Внемлите съ радосшю полезному пиномшву ;
Рачишели добра грядущему пошшшшву ,
Похвально дѣло естъ убогихъ призирапть ,
Сугуба похвала для пользы воспиташь :
Нашура шш гласишь , повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности монаршаго примѣра :
ЕКАТЕРИНА васъ предводишь къ чешши сей :
Слѣзишше щедросшю , какъ вѣрносшю за Ней.

НАДПИСЬ XLVII.

На Сарское сѣло, Августа 27 дня, 1764 года.

Лука, кусшарники , пріятны вышшш ,
Примѣръ и образецъ Едемской красшшш ,
Досшшшш похвалишь я нынѣ васъ желаю ,
Но выше почему почшишь , еще не знаю ,

Не шѣмъ ли, что вездѣ пріятности въ садахъ
И нѣжны Зефиры роскошнвуютъ въ цвѣтахъ?
Или что ради васъ художесствъ славныхъ сила
Возможность всю свою и хипроситъ испоцила?
Или что мечешъ съ васъ златая блескъ гора,
Ошкуда видимъ градъ Великаго ПЕТРА?
Гора, или по домъ богамъ земнымъ присшойной,
Къ опдохновенію величесства спокойной?
Всѣхъ больше красить сей ЕКАТЕРИНА край:
При Ней здѣсь вѣкъ златой и разцвѣшаетъ рай:
Она всѣ красоты присущствомъ оживляетъ,
Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

Н А Д П И С Ь XLVIII.

На изобрѣшеніе роговой музыки.

Ловцовъ и паспуховъ межъ селами опрада,
Одни ловятъ звѣрей, другіе смопрятъ спада.
Охошникъ въ рогъ ревешъ, паспухъ свисцитъ
въ свирѣль.
Тревожитъ оной Нимфѣ; пріятна шиха шрѣль.
Тамъ шумной песей ревъ; а здѣсь у шихой рѣчки
Молоденьки блеютъ по машери овечки.
Здѣсь нѣжностъ и покой, здѣсь царствуетъ
любовь,
Охошнической шумъ, какъ Марсовъ, движетъ
кровь.
Но нынѣ къ обоемъ, вы Нимфы, собирайтесь,
И равно обоей музыкой услаждайтесь:

Что было грубости въ охотничьихъ шубахъ,
Нарышкинъ умягчалъ при нашихъ берегахъ :
Чего и дикія живошны убѣгали ,
Въ шомъ слухи нѣжныя пріятности сыскали.

И А Д П И С Ъ Х L I X .

Се ЕЛИСАВЕТА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО Великая Дщерь,
Благочестивая, Щедрая,
Мужественная, Великодушная,
Всемилошвивѣйшая Самодержица,
Моя Избавишельница,
Защищница, Просвѣтительница,
Слава моя ,
Вознесшая главу мою,
Во гробъ низходишь!
Рыдайте обласши ,
Насладившіяся кропкою ея державою;
Въ слезы обратишесь
Великія мои моря и рѣки!
Всѣ вѣрныя мои чада
Къ Богу возопиште :
Упокой, Спасе, въ вѣрѣ къ тебѣ преспавль-
шуюся, Царствія твоего сопричасницу
сошвори; на тя бо упованіе возложи ,
Человѣколюбче.

Конецъ части первой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОЧИНЕНІЯМЪ СОДЕРЖАЩИМЪСЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ :

	спран.
Жизнь сочинителя	I.
Предисловіе Сочинителя о пользѣ книгъ церковныхъ	XLIV.
Письмо его же /о правилахъ Россійскаго спихошворсва	LXVII.*
Оды духовныя или преложеніе псалмовъ	1.
Ода выбранная изъ Іова	25.
— содержащая ушреннее размышленіе о величествѣ Божіемъ	30.
— содержащая вечернее размышленіе	32.
Оды похвальныя	37.
Ода на щасііе изъ сочиненій Г. Руссо перевода Г. Ломоносова	238.
Таже ода перевода Г. Сумарокова	252.
Разговоръ съ Анакреоншомъ	257.
Похвальныя надписи	267.
